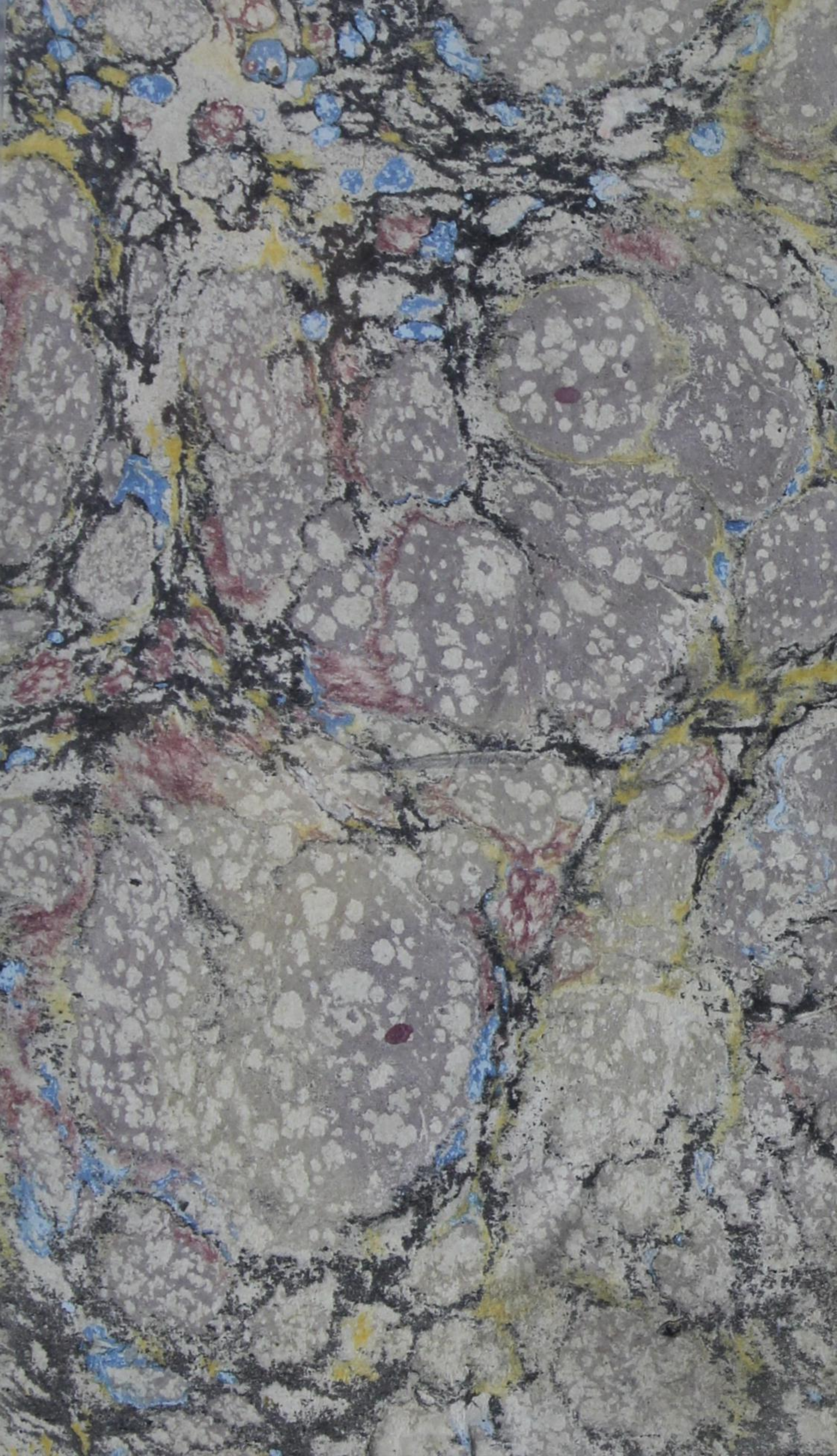
23484

Б. К. А. У.

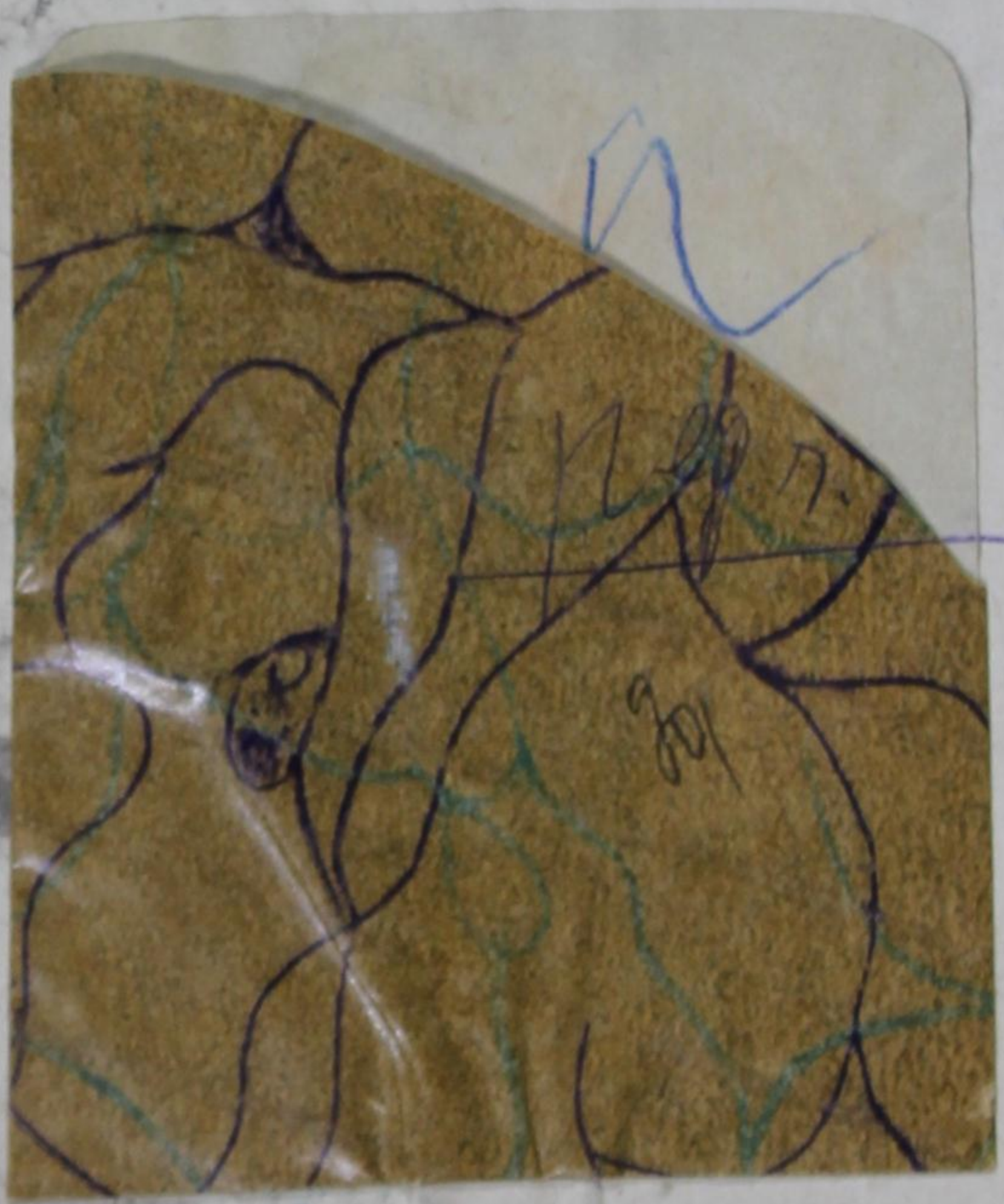
Шкафъ 7

Полка 4

№ 2

1—107

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВСѢХЪ
СОЧИНЕНІЙ,
ВЪ
СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,
ПОКОЙНАГО

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена,

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
СУМАРОКОВА.

Собраны и изданы
Въ удовольствіе Любителей Россійской Учености
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ
Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Часть VI.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1781 года.

232730

ОГЛАВЛЕНІЕ

VI. Части.

---

1. *Комедія Рогоносецъ по воображенію,* 1
2. —— *Мать сопмѣстница дочери.* 57
3. —— *Вздорщица.* - - 107
4. *Краткая Московская Лѣтопись.* - 161
5. *Первый и Главный Стрѣлецкій бунтъ.* - - - 183
6. *Вторый Стрѣлецкій бунтъ.* - 221
7. *Краткая Исторія Петра Великаго.* 231
8. *Нѣкоторыя статьи о добродѣтели.* 243
9. *Основанія Любомудрія.* - 281
10. *О Россійскомъ Духовномъ Краснорѣчіи.* - - - - 293
11. *О первоначаліи и созиданіи Москвы.* 303
12. *Истолкованіе личныхъ мѣстоименій.* - - - 311
13. *О несогласіи.* - - 314
14. *О разности между плотскимъ и острымъ разумомъ.* - - 316
15. *О неестественности.* - - 318
16. *Россійскій Виѳлеемъ.* - - 321
17. *О разумѣніи человѣческомъ по мнѣнію Локка.* - - - - 322

18. Къ типографскимъ наборщикамъ. -
19. О неспрапедливыхъ осноπаніяхъ. -
20. Разгоπоры мертπыхъ.
21. Письмо о красотѣ природы. -
22. —— о большихъ бесѣдахъ. -
23. —— о гордости. - -
25. —— о скорости и медлѣнности. -
25. —— о достоинствѣ. -
26. —— четыре отπѣта. - -
27. —— объ остроумномъ словѣ. -
28. —— о чтеніи Романовъ. -
29. —— Утесненная Истинна. -
30. —— о нѣкоторой заразительной болѣзни. - - -
31. О Думномъ Дьякѣ. - -
32. Сонъ щастливое общестπо. -
33. О копистахъ. - -

РОГОНОСЕЦЪ,

ПО ВОБРАЖЕНІЮ,

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВИКУЛЪ дворянину.

ХАВРОНЬЯ, жена ево.

ФЛОРИЗА, бѣдная дворянка.

КАСАНДРЪ, **ГрафЪ.**

ДВОРЕЦКОЙ,

НИСА, служанка Хавроньина.

ЕГЕРЪ, **Графа Касандра.**

РОГОНОСЕЦЪ
ПО ВОБРАЖЕНІЮ,
КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ниса одна.

Чѣй то къ намъ присланъ егеръ; конечно къ намъ гости будутъ: а баринъ еще почиваетъ. Обыкновенно ето, что тѣ мужья долго съ постѣли не встаютъ, которыя очень нѣжно своихъ женъ любятъ: а нашимъ старикамъ, кажется ето уже и не подъ лѣта.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ниса и Егерь.

Егерь.

У себя ли, дѣвушка, господинъ вашъ?

Ниса.

Онъ еще въ постѣлѣ. Да отъ ково ты присланъ, и за чѣмъ?

Егерь.

Къ кому я присланъ, тому я и скажу отъ ково я присланъ и за чѣмъ.

Ниса.

Фу, батька, какой спѣсивой!

Егерь.

Фу, матка, какая любопытная.

Ниса.

Конечно ты балагуръ;

Егерь.

А ты душенька такъ хороша, что я едакихъ хорошенькихъ мало видалъ. Знаешъ ли ты дѣвушка, что я въ тебя смертно влюбился.

Ниса.

Перестань же балагурить то.

Егерь.

Какое балагурство-! ежели ето ложь, такъ ты повѣсь меня.

Ниса.

Пора мнѣ ийти къ барамъ; скоро барыня встанетъ. Чтоже мнѣ о тебѣ сказать?

Егерь.

Скажи что присланъ егерь отъ Графа Касандра.

ЯВЛЕНІЕ III.

Егерь одинь.

О незапная рана! о КупидонЪ! цѢльно ты трафишЪ: ты меня искусняе и проворняе во спрѢльбѢ! и ежели бы всѢ егери во спрѢляніи тебѢ подобны были; такЪ бы вЪ одинЪ годЪ не осталося ни одново кулика и ни одново дрозда на свѢтѢ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Викуль и Егерь.

Викуль.

Что ты другЪ мой?

Егерь.

Я присланЪ отЪ Графа Касандра, кЪ вашему сія - - - кЪ вашему превосхо - - - кЪ вашему высоко - - - Какова сударь вы чина?

Викуль.

Что тебѢ братецЪ до моево чина? какова ниесть.

Егерь.

Я присланЪ отЪ Графа Касандра кЪ вашему высокоблаго... Вить вы сударь имѢете майорской чинЪ?

Викуль.

НѢтЪ братецЪ.

Егерь.

Я присланъ отъ Графа Касандра къ вашему благоро. . . Да бить вы судурь дворянинъ?

Викулъ.

Хотя и не богатой. . . . Да за чѣмъ и отъ ково ты присланъ?

Егерь.

Я присланъ отъ Графа Касандра къ вашему здоровью: Графъ приказалъ вамъ нижайшій отдать поклонъ. *Кланяется въ землю.*

Викулъ.

Ето ужъ очень низко.

Егерь.

Нижайшаго поклона ни чево нѣтъ ниже: а что всенижайшій поклонъ, етова я уже и не понимаю.

Викулъ.

Что тебѣ еще приказано?

Егерь.

Такъ же и сожите. . . такъ же и супру. . . Какъ сударь, деревенскихъ дворянъ жены титулуются?

Викулъ.

Типулуй какъ хочешъ; да что Графу до моей жены?

Егерь.

То дѣло, что бы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе.

Викулъ.

Да онъ ее и не знаетъ.

Егерь.

Егерь.

Онъ сосѣдъ вашъ, такъ ему извѣстно имя вашей сожите. . . . супру. . . . ну какъ ни есть.

Викулъ.

Почему извѣстно?

Егерь.

Потому что она здѣшняя помѣщица.

Викулъ.

Нѣтъ братецъ: помѣщикъ я, а не она; а ей принадлежитъ только седмая часть, изъ недвижимаго моего имѣнія: и то еще тогда достанется ей, ежели она меня переживетъ.

Егерь.

Мнѣ приказано и ей отдать нижайшій поклонъ.

Викулъ.

Хорошо другъ мой: я ей етотъ поклонъ отнесу.

Егерь.

Вы сударь, человѣкъ не молодой; такъ вамъ надобно спины поберегать — Я думаю, что вы ненастье чувствуете?

Викулъ.

Говори, другъ мой, то за чемъ ты присланъ, покороче.

Егерь.

Графъ Касандръ ѣздивъ со псовою охотою, къ вамъ на перепутьѣ будетъ.

Викуль.

Милости прошу: кланяйся ево сіятельству.

ЯВЛЕНІЕ V.

Викуль одинъ.

Не за тѣмъ ли уже Графъ ко мнѣ хочетъ пожаловати, чпо бы за женою моею поволочился? мнѣ епо не очень полезно; а пы Графъ на чужое добро напрасно зубы скалишъ: за епу честь я ваще сіятельство покорно благодарствую.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Викуль и Хапронья.

Хапронья.

Какова ето Енарала, адьютантъ у насъ былъ?

Викуль.

Не адьютантъ, егерь былъ: по нашему слута, которой спірѣляетъ ходя птицъ.

Хапронья.

Какой слуга; весь въ прозументахъ.

Викуль.

Викуль.

Нынѣ у господъ такой манеръ: ето былъ егеръ отъ Графа Касандра: его сіятелъство къ намъ заѣхать изволитъ.

Хапронья.

Ево сіятельетво!

Викуль.

А что? — развѣ онъ тебѣ знакомъ?

Хапронья.

Да, я ево высокой милости, покуль душа въ тѣлѣ не позабуду: и коли бы онъ такую мнѣ многогрѣшной показалъ отеческую милость, и велѣлъ бы маляру красками написать персону свою; я бы ее у себя поставила передъ кроватью, и неспустила бы съ нее глазъ.

Викуль особлиро.

Какъ будто слышало ето мое сердце! Да почему ты знаешь ево, и какую здѣлалъ онъ тебѣ милость.

Хапронья.

А вотъ, сердечушко, я тебѣ донесу: какъ я нынѣшнею зимою была безъ тебя въ Москвѣ: такъ расхвалили мнѣ какую то интермецію, и уговорили меня туда съѣздить: бываетъ и на старуху проруха: поѣхала: вошла я въ залу: заиграли и на скрыпицахъ, и на габояхъ и на клевикортахъ: вышли, какія то, и почали всякую всячину говорить: и ужъ махали, махали руками, какъ самыя куклы: потомъ вышелъ какой

то, а къ нему какую то на цѣпи привѣли женщину, у которой онъ просилъ не знаю какова письма: а она отвѣчала что она ево изодрала: вышла: ему подали золоченой кубокъ, а съ какимъ напиткомъ, етова я не знаю: етотъ кубокъ отослалъ онъ къ ней: и все было хорошо: потомъ какой то еще пришолъ, поговорили не много, и что то на нево нашло: какъ онъ, батька закричитъ: шапка съ нево полѣтела: а онъ и почалъ мѣпаться, какъ угорѣлая кошка: да вынявъ ножъ, какъ прыснулъ себя: такъ я и обмерла. А графъ етотъ сидя тогда со мною въ одномъ чуланѣ, и разговорився прежде еще интермеціи, что я ево сосѣдка, меня тогда мунгальской водкой, какъ я отъ страха обмерла, отъ смерти избавилъ.

Викуль.

А хорошъ графъ атъ?

Хапронья.

Такой пригожій, преузорочной и обходительной, что вось табѣ.

Викуль.

Жена! хотя бы ты ево и поменьше хвалила.

Хапронья.

Какъ не хвалить? Да едакой молодецъ и старикамъ не впамять.

Викуль.

Жена! мнѣ ето не понутру

Ха-

Хапронья.

И! моя ласточка! уже не рѣвнуешьли ты къ нему? Да я тобя и на Бову королевича не промѣняю.

Викулъ.

Жена! не знаю чтто меня по кожѣ подираетъ; пойти да полежать.

Хапронья.

А я о кушаньи, да о закускахъ прикажу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хапронья одна.

За милость ево высоко-реисъ-графскаго сіятельства, надобно ево полутче угостить; для милова дружка, и серîошка изъ ушка. Дворецкой!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хапронья и Дворецкой.

Хапронья.

Есть ли у насъ свиныя ноги?

Дворецкой.

Имѣются сударыня.

Хапронья.

Велиже ты сварити ихъ со смѣтаной, да съ реномъ: да вели начинить желудокъ; да чтто бы

бы ево зашили шолкомъ, а не нитками: да вели кашу размазню здѣлать. . .

Дворецкой.

Въ горшкѣ прикажешь, барыня государыня, или на блюдѣ?

Харонья.

Въ горшечкѣ, да въ муравленомъ, и покройте ево вениційскою тарѣлкой; съ морковью пироги; пирожки съ соленьими груздями: лѣвашники съ сушеною малиной: фрукасѣ изъ свинины съ черносливомъ: француской пирогъ изъ подрукавной муки: а начинка изъ бруснишной постилы: да естьли у насъ калужское тесто?

Дворецкой.

Имѣется.

Харонья.

А сверьхъ тово самъ прикажи, что варить, жарить и печь: только бы всево было довольно: салапъ подай не съ конопляным, да съ орѣховымъ масломъ.

Дворецкой.

Знатныя господа больше къ салату деревянное масло употребляютъ: такъ не прикажите ли лутче къ салату лампапнова положить масла?

Харонья.

Фу, батька! випь я не басурманка! А послѣ кушанья поставте стручковъ, бобовъ, моркови, рѣпы, да огурцовъ и свѣжихъ и свѣжепросольныхъ: а кофій подавайте съ сахаромъ, а не

съ

съ патакою: исправь же все, какъ надобно: да пошли на базаръ купить золоченыхъ пряниковъ: да паутины вели обмѣсть: а двери по вели подмазать, что бы не скрыпѣли, да людей вели накормить.

Дворецкой.

Етова боярыня государыня, не водится, ето старая мода: преждѣ сево и лошадей гостиныхъ кармливали: а нынѣ и людей не кормятъ.

Хапронья.

Накорми и людѣй и лошадѣй, ево сіятельства: все бы такъ было, какъ тебѣ приказано.

Дворецкой.

Наше дѣло, сударыня: все будетъ исправно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хапронья одна.

На одинъ атъ день станетъ насъ! а тебѣ рафское сіятельство, нашей хлѣба соли можно не остыдно покушать: даромъ ето что хоромы аши не цвѣтны: не красна изба углами, красна ирогами.

ЯВЛЕНІЕ X.

Хапронья и Ниса.

Ниса.

Дворецкой приказываетъ сорокъ ради стола вашева блюдъ заготовить: а Флориза отмѣнивъ то, только двѣнатцать блюдъ изготовити приказала: я де лутче знаю ето учредить: а вамъ извѣстно, что она выросла и воспитана въ Петербургѣ; такъ не прикажите ли быть по ея нашему пиру: что бы не обесчеститься? А она на людяхъ выросла.

Хапронья.

Какъ, етова лутче!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хапронья Флориза
и
Ниса.

Хапронья.

Вступися матка въ наше спасенье.

Флориза,

Хорошо сударыня: я уже все и приказала; а сверьхъ тово сама за всемъ посмотрю,

Хапронья.

А я пойду, да подтвержу имъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Флориза и Ниса.

Флориза.

Что ты такъ, весела Ниса?

Ниса.

А ты матушка что такъ печальна?

Флориза.

Коли ты меня веселою видишь?

Ниса.

А севодни ты оттмѣнно печальна.

Флориза.

Когда другія веселятся, или ко пріятному препровожденію времени изготовляются, тогда я обыкновенно печальняе, воображая себѣ, что меня судьбина къ бѣдности и къ унынію произвела на свѣтъ.

Ниса.

Можетъ быти, что твоя жизнь и премѣнится когда нибудь.

Флориза.

Не къ тому клонится.

Ниса.

Еще ты молода; такъ можетъ быть выйдешъ за такова мужа, которой всѣ твои нынѣшняя грусти превратитъ во веселость.

Флориза.

Достойнова жениха, скудной или лутче скатть, не имущей дѣвкѣ, трудно имѣть: скудной

и

и достойной меня не возмѣтъ: а за недостойнова богача, я не пойду.

Ниса.

А можетъ быть, будетъ у тебя мужъ, и уменъ и хорошъ и богатъ.

Флориза.

Такія жеребьи нынѣ очень рѣдки, чтобы достаточныя люди, женилися на скудныхъ дѣвкахъ.

Ниса.

Да ты всѣ достоинства имѣешь; ты прекрасна, умна, хорошева поведѣнія, молода: покойными родителями воспитана благородно: знаешъ то ученіе, какое благороднымъ дѣвушкамъ пристойно: читательница книгъ.

Флориза.

Пускай бы все ето во мнѣ было: да я перьваго достоинства, приданова не имѣю.

Ниса.

Что ето слово приданое точно знаменуетъ? И для чево достаткомъ невѣсты такъ зовется?

Флориза.

Придача къ человѣку; однако по большей части, не деньги и не имѣніе къ человѣку придается, да человѣкъ придается къ имѣнію и деньгамъ; а объ етомъ разсуждая, льзя ли мнѣ когда не печальною быти? Вотъ моя задумчивость: а ты отъ чево такъ весела севодни?

Ниса.

Ниса.

А я севодни весела, что получила надежду, выбиться изо здѣшнева жилища: вить вы сударыня слыхали отъ меня, какъ я сюда въ домъ попалася?

Флориза.

Слыхала: только я право обстоятельно не помню.

Ниса.

Я во здѣшній домъ досталась по наслѣдству, послѣ покойной Викуловой сестры! Выросла я въ Москвѣ, а нынѣ должна я, донашивая оставшее свое платье, жить по деревенски, и слышати только о сѣвѣ, о жнитвѣ, о умолотѣ, о курахъ, о уткахъ, о гусяхъ, о баранахъ, и заядая свой вѣкъ, должно еще ожидати такова жениха, которой будетъ говоритъ: чаво табѣ сердецуско надать? байста со мной; и другія подобныя етому крестьянскія рѣчи. Да и сами по мѣлкія дворяня несносны: я не о всѣхъ говорю; есть довольно и хорошихъ мѣжду ими людей: а по нѣкоторой части, дуются какъ лягушки, и думаютъ только о своемъ благородствѣ, которое имъ по одному имени извѣстно, и чаютъ о своихъ крестьянахъ то, что они отъ Бога господамъ на поруганіе себѣ созданы. Нѣтъ несносняе той твари, которая одною тѣнью благороднова имени величается, и которая сидя возлѣ квашни, окружена служителями въ лаптяхъ и кушакахъ, и служительницами босыми и въ сарафанахъ, боярскимъ возносится титломъ.

M23484

Флориза.

Да какую ты имѣешъ, надежду выйти изъ етова дома?

Ниса.

Присланный егеръ отъ Графа Касандра, въ меня влюбился.

Флориза.

Какъ тебѣ Ниса не стыдно! Какою ты слабою надеждою увеселяешься!

Ниса.

Не отнимай ее у меня: пускай она меня хоть пустымъ повеселитъ.

Флориза.

А я надежды и во сновидѣній не вижу.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Викуль, Хапронья, Флориза
и
Ниса.

Хапронья.

Фу, батька! какъ ты бога не боишься? Какія тебѣ на старости пришли мысли; какъ ето сказати людямъ, такъ они нахахочутся! Къ статели ты ето вздумалъ.

Викуль.

Какъ тово не опасаться, что съ другими бываетъ людьми.

Ха-

Хапронья.

Я уже баба не молодая; такъ чево табѣ опасаться.

Викулъ.

Да есть пословица, что громъ атъ гремитъ не всегда изъ небѣсной тучи: да иногда и изъ навозной кучи.

Хапронья.

Типунъ бы табѣ на языкъ; какая навозная у табя я куча?

Флориза.

Что ето, сударыня, такое?

Викулъ.

Жена, держи ето про себя.

Хапронья.

Чаво про сабя? ето стыдъ да соромъ.

Викулъ.

Не болтай же мое сокровище, алмазной мой камышекъ.

Хапронья.

Да ето не хорошо вишневая моя ягодка.

Викулъ.

Жена перестань же.

Хапронья.

Поцелуй же меня, сильный могучій богатырь.

Викулъ.

Поцелуемся подсолнечная моя звѣздочка.

Хапронья.

Будь же повеселяе, и такъ свѣтелъ какъ новый мѣсяцъ: да не ревнуй же.

Викулъ.

Жена, кто говоритъ о ревности.

Хапронья.

Что ето меня прорвало! Да полно конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается, а я баба безграмотная; такъ какъ не промолвиться.

Викулъ.

Да ты не въ словѣ да въ дѣлѣ промолвилася.

Хапронья.

Я баба деревенская, и не знаю что слово, что дѣло.

Викулъ.

Дѣло больше, а слово меньше.

Хапронья.

А я думала, что слово больше, а дѣло меньше; мнѣ ето подьячій сказывалъ, бывшій лѣтъ пятьдесятъ во сыскномъ приказѣ.

Викулъ.

Не то ты поешъ, и только бредишъ.

Хапронья.

Я впредь о твоей къ сабѣ ревности ко Графу Касандру не скажу ни полуслова.

Ви-

Викуль.

Дурица, съ ума ты сошла: кто тебѣ Графѣ Касандрѣ говоритъ?

Хапронья.

Ты баешъ. . . ахти! Вить я и въ правду заболталась.

Викуль.

Теперь уже что хочешъ то ври.

Флориза.

Подъ лѣтали уже, сударь, ей любиться съ другими, а вамъ ревновати къ ней.

Викуль.

Любовь лѣтъ не исчисляетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Дапорецкой.

Дапорецкой.

Его высокорейсграфское сіятельство, высокопочтеннѣйшій и высокопревосходительнѣйшій графъ Ѣхашь изволитъ.

Хапронья.

Выйдемъ мы къ воротамъ.

Викуль.

Довольно и съ крыльца сойти: едаковъ ей Графъ атъ! *Особлипо.*

ЯВЛЕНІЕ. XV.

Флориза и Ниса.

Флориза.

У тебя, Ниса, ушки смѣются.

Ниса.

Не таюся; правда ваша.

Флориза.

А какъ гости то поѣдутъ, такъ ушки твои плакать станутъ.

Ниса.

Либо дѣло будетъ и не такъ.

Флориза.

Я желаю, что бы твоя надежда тебя не обманула; ты вѣдаешъ, какъ я тебя люблю, и что я и во здѣшній домъ больше ради тебя пріѣзжаю.

Ниса.

А я бы въ Москвѣ тебя, матушка, сватати стала.

Флориза.

Для мѣня на свѣтѣ нѣтъ ни щастья, ни жениха.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Викуль, Хапронья, Касандръ, Флориза и Ниса.

Хапронья.

Не соблаговолите ли, ваше высокорейсграфское сіятельство, чарочку выкушать водочки?

Касандръ.

Покорно благодарствую, матушка: жарко и безъ водки.

Хапронья.

Да водочка та ваша высокорейстрафская свѣтлость, самая знатная и богатая.

Касандръ.

Благодарствую, сударыня.

Хапронья.

Такъ не соизволите ли ваше высокорейсграфское превосходительство, хотя рюмачку ренскова или церковнова?

Касандръ.

Нѣтъ, сударыня: благодарствую.

Хапронья.

Инъ медку или бражки?

Касандръ.

Нѣтъ, сударыня.

Хапронья.

Такъ чѣмъ же такова дарагова гостя подчивать?

Викулъ.

Сердечушко, не утружай ево сіятельства. Повеселилися ли, милостивый государь, на охотѣ?

Касандръ.

Изрядно сударь: а ѣхавъ уже сюда добыли мы медвѣдя, да чудь было я ему въ лапы не попался: бросился на меня, и чудь я отъ нево увернулся.

Хапронья.

Статное ли ето дѣло.

Касандръ.

А для чево не статное, сударыня?

Хапронья.

Да какъ онъ смѣетъ бросаться на ваше сіятельство?

Касадръ.

Да вить они сударыня, въ лѣсахъ родятся и въ лѣсахъ выростаютъ: такъ они не знаютъ никакова учтивства.

Хапронья.

Такъ бы ты мой красавецъ, лутче изволилъ потравить ручнова медвѣдя: а изъ нихъ иныя и насъ деревенскихъ дворянъ учтивяе; потому что не только политично кланяться да и танцовать умѣютъ.

Касандръ.

А бѣднова моево Егеря онъ съ лошади...

Ниса.

Ахъ! Боже мой.

Ка-

Касандръ.

Дѣвушка то видно очень боязлива, или очень жалостлива. . . Непужайся; онъ ни ево не повредилъ, ни лошади; потому что онъ ево такъ сильно по лбу треснулъ пулѣю, что онъ опрокинулся.

Хапронья.

Да гдѣ ево милость теперь? Не занемогъ ли онъ отъ страха?

Касандръ.

Здоровъ сударыня: а я ево за нѣкоторою нуждою въ Москву послалъ.

Ниса особлипо.

О льстивая надежда: о нещастная Ниса.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже и Апорецкой.

Апорецкой.

Уже студенное на столъ, сударь, поставили.

Флориза, ему особлипо.

Я тебѣ етова не приказывала.

Апорецкой, ей особлипо.

Какъ же безъ тово?

Викулъ.

Милости просимъ, высокосіятельнѣйшій Графъ, отвѣдать нашей хлѣба соли.

Флориза Дапорецкому пъ слухъ.

Вымѣтенали у васъ горница?

Дапорецкой пъ слухъ.

И хоромы, сударыня, всѣ вымѣтены, и двѣри подмазаны, и паутины сняты.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Ниса одна.

Прошелъ мой сладкій сонъ, и миновалася моя надежда. Я чаяла, что сей мнѣ день, день моей радости: а онъ самое горестнѣйшее время жизни моей: страдай теперь; сладчайшая твоя надежда въ горчайшее отчаяніе превратилася: плачь Ниса, плачь, и рыдай отчаянная Ниса!

Конецъ перъваго дѣйствія.

дѣй-

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Викуль, Хапронья, Графъ, и Дапорецкой.

Хапронья.

А я выпила за здоровье вашева высокосіятельства чашечку кофію: да штота на животѣ ворчитъ, да полно ето опо вчерашнева вѣчера: я поѣла жареной плапвы и подлещиковъ, да бопвиньи обожралася: а пуще всево отъ гороху ето: а горохъ былъ самой легкой; и на тарелочки тертой мнѣ подали: да и масло къ нему было орѣховое; а не какое другое.

Графъ.

Ето масло въ нѣкоторыхъ домахъ и съ салатомъ кушаютъ; хотя къ салату обыкновенно деревянное масло употребляется.

Хапронья.

Ахти! Да ето кажется и не спасенье.

Дапорецкой.

Смѣсишася со языцы и навыкоша дѣломъ ихъ.

Ха-

Хапронья.

Не изволители графское сіятельство, въ карточки позабавиться.

Графъ.

Нѣтъ, сударыня.

Хапронья.

Да вить мы не въ деньги играть станемъ.

Графъ.

Благодарствую, сударыня.

Хапронья.

Хотя въ бонки, или въ посыльныя короли?

Графъ.

Королемъ мнѣ сударыня не бывать: а быть битымъ я не хочу.

Хапронья.

Будто мы и осмѣлимся вашему сіятельству такую здѣлать не учливость: насъ только бѣй, сіятельнѣйшій графъ.

Графъ.

Я васъ бить не хочу, да и не зашто.

Хапронья.

Да какъ же насъ дураковъ не учить? Мы передъ вашимъ сіятельствомъ и безъ вины виноваты.

Викуль.

Не изволители отдохнуть высокосіятельнѣйшій?

Графъ.

Графъ.

Я не усталъ сударь. . . да вы не хотитель попочивать?

Викулъ.

Я привыкъ къ етому милостивый государь, да не будетъ ли вамъ противно.

Графъ.

Ни мало, сударь.

Викулъ.

Жена пойдемъ же да отдохнемъ. . . а вы милосердый государь, чѣмъ нибудь позабавьтеся здѣсь. . . Дворецкой, будь жѣ ты не отлучно при ево сіятельствѣ: а мы что бы вашему высокорейсграфскому сіятельству не скучно было, пришлемъ Флоризу: а она въ разговорахъ учена, да и по французски разговариваетъ.

Графъ.

Очень хорошо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ и Дапорецкой.

Графъ.

Ты здѣсь дворецкой, а прикащикъ кто у васъ.

Дапорецкой.

Я, милостивый государь, и прикащикъ, я стряпчій и псаломщикъ; да яжъ и цирюльникъ ево благородія.

Графъ.

Заживны ли крестьяня ваши?

Дапорецкой.

Почти всѣ по миру ходятъ, не здѣсь то и не вамъ то сказано.

Графъ.

Отъ чево ето?

Дапорецкой.

Боярыня наша праздности не жалуетъ, и ежечасно крестьянъ ко труду понуждать изволитъ; щегольство и картежная игра умножилися, и ежели крестьяня меньше работать будутъ, такъ чѣмъ нашимъ помѣщикамъ и пробавляться, а мои господа хотя ни щегольства ни картежной игры и не жалуютъ, однако собирая деньги, бѣлую денежку на черной день берегутъ.

Графъ.

Хорошо братецъ.

Дапо-

Апорецкой.

Непрогнѣвайся сіятельный! Боярыня въ ето время изволитъ свиней кормить, такъ и мнѣ тамъ присутствовать подлежитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ одинъ.

Домостроительство похвально, однако свиней кормить, кажется дѣло не господское; въ деревнѣ помѣщикамъ и безъ етова немало дѣла, и помѣщикъ и помѣщица довольно и нужныхъ и веселыхъ упражненій сыщутъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графъ и Флориза.

Графъ.

Я удивляюся, сударыня, какъ вы между едакимн людьми жить можете.

Флориза.

Что же дѣлать сударь и по неволѣ живешъ, когда етова перемѣнить не льзя. Я осталася въ сиротствѣ и въ бѣдности, и только одна послѣ отца пришла мнѣ наслѣдствомъ деревенька.

Графъ.

Графъ.

Вы всеконечно иной участи достойны, а я и батюшку вашева зналъ: да и то мнѣ извѣстно, что онъ у всѣхъ за ево хорошія качества въ почтеніи былъ.

Флориза.

Обыкновенно дѣти послѣ почтенныхъ людей остаются во презрѣніи: мздоимцы оставляютъ дѣтямъ богатство, а добрыя люди бѣдность.

Графъ.

Не тужите объ етомъ, вы еще едва только расцвѣли, такъ еще жизнь ваша не основана; можетъ быти, что и васъ Богъ не оставитъ.

Флориза.

Надежда моя на Бога не погибаетъ; однако во временной сей жизни, можетъ быти мнѣ щастія и не предписано, однако я покаряяся моей судьбинѣ, сколько возможно преодолѣваюсь.

Графъ.

Положите, сударыня на меня: такъ я о вашемъ щастіи сколько можно, буду имѣть попеченіе.

Флориза.

Я очень благодарна, и принимаю ваше доброе и великодушное намѣреніе за исполненіе, хотя бы я отъ васъ и никогда ни какова въ перемѣнѣ моей жизни успѣха не получила. Да только не станетъ силъ вашихъ ко вспоможенію бѣдныхъ, когда вы увидя ково въ первый разъ, толикимъ великодушіемъ наполняетесь.

Графъ.

Графъ.

Для всѣхъ многова здѣлать не можно; да вы не въ числѣ.

Флориза.

Да я ни чѣмъ особливаго вашева снисхожденія не заслужила.

Графъ.

Я бы желалъ тово, что бы и вы такое усердіе ко мнѣ получили, какое я къ вамъ въ ето получилъ короткое время.

Флориза.

Мы и сердца наши закрыты! Я вамъ вѣрю, да повѣрьте и мнѣ, что и я не меньше къ вамъ усердія имѣю.

Графъ.

Благополученъ бы я былъ, сударыня, и сталъ бы стараться по крайней мѣрѣ высватать васъ за ково изъ моихъ друзей имѣющихъ достатокъ.

Флориза.

Етой коммисіи я на васъ не полагаю: и какъ я ни бѣдна, однако ища достатка за мужъ не пойду: съ кѣмъ вѣчно жить, такъ не богатства въ немъ искать надобно.

Графъ.

Я вамъ жениха представляю, а въ вашей будетъ волѣ согласиться или нѣтъ.

Флориза.

Ково вы въ числѣ своихъ пріятелей полагаете, такъ конечно тотъ почтенія достоинъ;

я о томъ не сумнѣваюся; однако не одинъ разсудокъ при выборѣ жениха дѣйствуетъ: всякой человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ сверьхъ праведнаго разбора достоинствамъ еще и свой вкусъ имѣетъ. Вамъ ето, я думаю смѣшно, что бѣдная деревенская дѣвка, такою пустою наполнена гордостью, и едва имѣя пропитаніе, такъ разборчива.

Графъ.

Я етому смѣяться не могу: всякая благородная душа, етова съ вами мнѣнія, не взирая на то, что по большей части противное етому случается, да и по не дивно; потому что и родъ человѣческой по большей части развращенъ, а я вамъ прямо доношу, что я съ симъ намѣреніемъ и пріѣхалъ сюда, что бы увѣриться очевидно въ томъ, о чемъ я довольно къ вашему любочестію наслышался: и потомъ васъ сватать.

Флориза.

Оставьте ето; я едакова жениха имѣть не хочу, котораго я отъ роду не видала; а чтобы я конечно за мужемъ была, въ етомъ я себѣ большой надобности не имѣю.

Графъ.

Не отъ того ли уже вамъ не пріятно мое сватанье, что вамъ противенъ сватальщикъ.

Флориза.

Желала бы я паче всего на свѣтѣ, чтобъ и я вамъ столько была противна, сколько вы мнѣ противны.

Графъ.

Графъ.

А я бы того всево желалъ паче, что бы и вы о мнѣ такіяжъ имѣли мысли, какія я о васъ имѣю.

Флориза.

Вы моихъ мыслей не знаете.

Графъ.

И что бы и вы тоже ощущали, что я ощущаю.

Флориза.

Ваше сіятельство, вы темно говорите, и дѣлаете не знаю какія намѣки, которыхъ я не понимаю.

Графъ.

Позволите ли мнѣ ясняе выговорить.

Флориза.

Только что бы рѣчи ваши сходны были съ моею честью.

Графъ.

Толико много васъ почитая, я конечно ничево такова не выговорю, что вашему слуху и вашей чести непристойностью коснуться можетъ.

Флориза.

Странно мнѣ ето.

Графъ.

Дайте мнѣ дозволеніе выговорить, и естьли вы не согласитесь на мое предложеніе, такъ оставьте мнѣ мою дерзость.

Флориза.

Говорите что изволите: а мнѣ за что сердиться и почитать по дерзостью что съ моею честью не разногласно.

Графъ.

О естьли бы я желанный услышалъ отвѣтъ!

Флориза.

Что не противно моей чести, и что мнѣ возможно! я все по что вамъ угодно исполню.

Графъ.

Я всю мою участь, мое щастіе и мое сердце вамъ вручаю.

Флориза.

Чтожъ етому послѣдовать можетъ?

Графъ.

Вѣчной союзъ и вѣчная любовь.

Флориза.

Какой союзъ и какая любовь?

Графъ.

Можете ли и вы меня столько любить сколько я васъ люблю?

Флориза.

Ну, естьли я васъ столькожъ и люблю уже; что изъ того?

Графъ.

А изъ того то, что бы вы были мнѣ жена.

Флориза.

Не ужели въ Москвѣ вы себѣ невѣсты не сыскали, не забывается ли вы того, что я дѣвка самая бѣдная.

Графъ.

Графъ.

Я, сударыня, не тово свойства, что бы мнѣ въ богатство влюбиться.

Флориза.

Не слѣдуйте первому стремленію своей страсти и жару любви; онъ скоро и попухнуть можетъ.

Графъ.

Тогда попухнетъ, когда попухнетъ жизнь моя.

Флориза.

Подумайте Графъ, жена вить не временная любовница.

Графъ.

Не томите души моей, коли и вы меня любите.

Флориза.

Не вѣроятно мнѣ ето щастіе.

Графъ.

Разрѣши беспокойствіе мое.

Флориза.

Я съ радостью предложеніе ваше пріемлю, когда я толико щастлива, что вамъ угодна стала.

Графъ.

О день, о радостный день!

Флориза.

Не сонъ ли мнѣ ето!

графъ цѣлуетъ руку ея.

Во твоемъ образѣ вижу я все мое щастіе, всѣ мои радости, жизнь и душу мою. . . Вотъ причина моево сюда пріѣзда.

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ Флориза.

и

Егерь.

Графъ.

Такъ скоро ты возвратился! Да отселѣ до Москвы съ лишкомъ сто верстъ.

Егерь.

Простите меня милостивый государь.

Графъ.

Да что етому причина, что ты не поѣхалъ?

Егерь.

Любовь.

Графъ.

Какая?

Ниса, пѣвая.

Они легли было почивать: а я только побѣжала посмотрѣти, кто пріѣхалъ, и слова два три съ пріѣзжимъ молвя пришла назадъ, и увидѣла что они дерутся: а зачто, я и сама не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ, Флориза, Викулъ, Хапронья, Егерь и Ниса

Хапронья.

Какой ето урядъ! Разбилъ бабу ни дай ни вынеси зашто: приревновалъ къ вашему сіятельству: такъ по етому мнѣ съ добрыми людьми и не говорить.

Викулъ.

Полно дурица.

Хапронья.

Полно табѣ дурачица.

Флориза.

Постыдитеся.

Хапронья.

Да! . . . У меня бока болятъ.

Викулъ.

Лутче пойди вонъ, а не срамничай.

Взявъ ее за руку выводитъ.

Графъ.

Пойдемъ, да помиримъ ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Егерь и Ниса.

Егерь.

Помнишь ли ты дѣвушка, что я давиче тебѣ говорилъ?

Ниса.

Полно же издѣваться то мною; на что то говорить, чево у тебя въ сердцѣ не было и никогда не будетъ?

Егерь.

Да любить то станешъ ли ты меня? А я не въ издѣвку тебѣ говорю, ежелижъ не станешъ: такъ начто мнѣ и время тратить. Вмѣсто пустыхъ рѣчей, я бы въ ето время птицъ настрѣлялъ.

Ниса.

Да опять медвѣдю въ лапы попади.

Егерь.

Ты мнѣ страшняе медвѣдя, я съ нимъ справиться умѣю, а твоево сердца ни дробью ни пулей не добудешъ.

Ниса.

Лихъ ты шутишъ.

Егерь.

Такъ ты меня любить не хочешъ?

Ниса.

Я могу къ тебѣ склониться, да только не какъ любовница, да какъ невѣста.

Егерь.

Егерь.

Да что лутче, быть женою и мужа не любить, или быть любовницею и быть вѣрною своему любовнику?

Ниса.

Быть женою и не любить мужа, ето мука и женѣ и мужу, а быть вѣрною любовницею, и послѣ лишась любовника оставить на шеѣ стыдъ, женщинѣ и всево хуже. Возмешъ ли ты меня за себя?

Егерь.

Я готовъ разъ пять обвѣнчаться съ тобою.

Ниса.

И пять разъ измѣнишь.

Егерь.

Многія бы мужья и жены постоянными еще назывались, ежели бы только другъ другу по пяти разъ измѣняли.

Ниса.

Я не такова сложенія.

Егерь.

Да и я не таковъ.

Ниса.

Да скажи мнѣ, любишъ ли ты меня.

Егерь.

Развѣ я тебѣ епова не сказывалъ.

Ниса.

Да еще скажи.

Егерь.

Ей! ей! люблю. Еще сказать?

Ниса.

И хочешъ на мнѣ жениться.

Егерь.

И хочу на тебѣ жениться.

Ниса.

И вѣчно мнѣ вѣренъ будешъ.

Егерь.

Вить тебѣ не подписку въ етомъ отъ меня брать. А хотя бы я и подписался, такъ едакая подписка не вексель и протестовать ее не льзя.

Ниса.

Такъ видно, что ты на себя не надѣешся?

Егерь.

Полно голубушка, пустое то брѣдить; вѣчно буду вѣренъ, да что я съ тобой заговорился, у меня ружье еще не чищено.

Ниса.

Будешъ вѣренъ?

Егерь.

Вить я не ворожея, что бы я могъ узнать то что впредь будетъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ и Хапронья.

Хапронья.

Я бы для тебя, премногомилосердый отецъ, червчетой мой яхонтъ, финиста сокола перышко, ни зашто не постояла; да епова ни какъ не возможно сотворить, ета раба правая у меня рука.

Графъ.

Я бамъ, сударыня, за ету дѣвушку заплачу пять сотъ рублевъ.

Хапронья.

Сіятельный, да естолько взять за дѣвку выеодныхъ денегъ, полно и не грѣшноли.

Графъ.

Я етотъ вашъ грѣхъ на себя снимаю.

Хапронья.

Инъ будь по волѣ твоей, табѣ ни въ чемъ нѣтъ отказа.

Графъ цѣлуетъ у ней руку.

ЯВЛЕІЕ II.

Графъ, Хапронья и Викулъ.

Викулъ.

Всепокорнѣйше благодарствую высокосіятельный, что вы за мою хлѣбъ соль, такъ меня жаловать изволите; а ты невѣрная жена, куда ни будь запрячся, что бы тебя и мыши не видали.

Хапронья.

Въ умѣ ли ты батька? Вотъ, высокой Графъ! бурмицкой мой жемчугъ! Твое превосходителььство видитъ, какъ онъ со мною поступаетъ.

Графъ.

Какъ вы сударь не боитеся Бога.

Викулъ.

Ваше сіятельство, да вить присаженыя то мнѣ вашею высокографскою свѣтлосіпью рога меня графомъ не здѣлаютъ.

Графъ.

Какія рога? Ихъ у меня и въ головѣ нѣтъ.

Викулъ.

Да у меня они на головѣ. —— Мало мнѣ за грѣхи мои!

Хапронья.

Екой соромъ! Да ты бы благодарилъ ево свѣтлость за милости такія, что онъ у деревенской бабы, по природному своему человѣколюбію, грѣшную ея руку цѣлуетъ.

Ви-

Викуль.

Да! . . . А ты на поцѣлуй то отвѣчаешь? Ни вЪ чемЪ де отЪ меня тебѣ не будетЪ отказа.

Харонья.

Да послушай, о чемЪ ето было.

Викуль.

Я и слышалЪ и видѣлЪ. — Оставъте меня на часокЪ высокосвѣтлѣйшій, высокороднѣйшій графЪ, и ты дурища выйди.

ЯВЛЕНІЕ III.

Викуль одинЪ.

ВотЪ, до чево дожила голова моя! . . . Женища моя, баба старинная: а вздумала убрать голову мнѣ по новому манѣру; ни отецЪ мой, ни дѣдЪ, ни прадѣдЪ рогЪ не нашивали! . . Всѣ ихЪ прегрѣшенія на мнѣ оборвались! . . . О Харонья, Харонья! сЪ ногЪ ты меня срѣзала! . . А тебѣ высокосіятельный, воздастся по дѣломЪ твоимЪ! Здѣсь то мы не равны: а на томЪ свѣтѣ и графЪ и господинЪ, и баронЪ и мѣлкой дворянинЪ будутЪ равны; можетЪ и крѣпостной человѣкЪ по неисповѣдимымЪ судьбамЪ быти на томЪ свѣтѣ больше воеводы. Отвѣчать тогда то ты меня мужика старова такою взыскалЪ высокорейсграфскою милостію! . . Дворецкой!

ЯВ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

Викулъ и Дапорецкой.

Викулъ.

Скажи мнѣ, что по уложенью положено за присаженіе рогъ? И въ которой Коллегіи объ етомъ битьчеломъ надлѣжитъ.

Дапорецкой.

Въ которомъ уѣздѣ реченное присаженіе рогъ воспослѣдовало, въ воеводской канцеляріи того города, о томъ и прошеніе подать надлѣжитъ.

Викулъ.

Какое же по тому произвожденіе бываетъ?

Дапорецкой.

Такихъ казусовъ хотя и много бывало; однако свѣденія о томъ не обрѣтается: понеже еще по сей годъ, и по сіе число о такихъ прогрессахъ ни отъ кого прощенія не происходило.

Викулъ.

У меня едакое дѣло со женою начинается.

Дапорецкой.

Статное ли дѣло!

Викулъ.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь: такъ, по снисхожденію ево сіятельства.

Дапорецкой.

Кто бы отъ етой души, какая въ вашей помощницѣ имѣется, етова ожидать могъ!

Викулъ.

Викуль.

Я бы и развелся съ нею, да много съ нею ѣшей и внучатъ нажилъ: а скоро и правнучата удутъ: да и ее люблю я страстно, и хотя на уже и за шестьдесятъ лѣтъ: а когда прихнется; такъ и дватцати лѣтнюю женщину а поясъ заткнетъ.

Апорецкой.

Да и кромѣ красоты, ваше здоровье, какая нея память! Бову, Еруслана въ доль и поперегъ наетъ, а жать такая мастерица, какъ ты амъ вѣдаешъ, да и въ домашнемъ то быту; капусту солитъ сама, и куръ щупаетъ, и виней кормитъ.

Викуль.

Да что во всемъ ея искуствѣ, когда не вѣрна мужу?

Апорецкой.

Чашка меду, да ложка дегтю.

Викуль.

Да деготь атъ етотъ густенекъ.

Апорецкой.

Милостивый государь! Не ты перьвый, не ты послѣдній.

Викуль.

Да мнѣ етова не хотѣлось.

Апорецкой.

Что кому на роду написано, тому такъ и быть.

Викулъ.

Да мнѣ етова на роду написано не было.

Дапорецкой.

Коли бы не было етова написано: такъ бы етова и не здѣлалось.

Викулъ.

Какъ же ты думаешъ, битьчеломъ объ етомъ или нѣтъ?

Дапорецкой.

Не лутче ли ето про себя держать? Такъ и поношенія избѣжите: а что здѣлано, тово ужъ не поворотишъ: пролитое полно не бываетъ.

Викулъ.

Да Графъ ашъ всѣмъ раскажетъ: бить нынѣ все по новому: прежъ сего любился ради сластолюбія, а нынѣ ради тщеславія больше.

Дапорецкой.

Графъ человѣкъ милостивый, и етова не здѣлаетъ, будучи такимъ честнымъ господиномъ.

Викулъ.

Я за ево честность покорно благодарствую.

Дапорецкой.

Въ ето онъ только по молодости впустился.

Викулъ.

Да моей старости ето не вкусно.

Дапорецкой.

Враговъ своихъ мы любити должны.

Ви-

Викуль.

Коли бы кто тебѣ рога присадилъ; такъ бы ты инако заговорилъ.

Апорецкой.

Да випь ты, боярин государь, разводиться съ сожительницею своею не намѣренъ.

Викуль.

И намѣренъ бы былъ; да любовь етому препятствуетъ.

Апорецкой.

Такъ на чтожъ ето дѣло и въ огласку пускать?

Викуль.

Да и обиды то снести не хочется.

Апорецкой.

Да вы же Графа то и не перетягаете: по пословицѣ съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись. А съ такимъ и богатымъ и знатнымъ человѣкомъ, гдѣ намъ перетягаться?

Викуль.

Да диво не такъ ли другъ мой: дороже кожуха вошка станетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Викулъ, Егерь, Ниса

и

Дворецкой.

Ниса.

Я за милостивое увольненіе себя отъ вашей супруги, и за милостивое во здѣшнемъ домѣ содержаніе благодарствую. Барыня изволила меня отдати графу: а я выхожу за мужъ за етова человѣка, которова вы видите.

Викулъ.

Дворецкой! Едакъ она меня и со всѣмъ разоритъ, иныя по большей части рогами разживаются, а я отъ нихъ разоряюсь.

Егерь.

Не разоренье ето, господинъ Викулъ, когда она за дѣвушку ету пять сотъ рублевъ получила.

Ниса.

Графъ ей за меня далъ пять сотъ рублевъ.

Викулъ.

Пять сотъ бы тебѣ ударовъ плетью.

Егерь.

Милостивый государь! Такой великой суммы такихъ ударовъ и вы не выперпите.

Ниса.

Да чѣмъ я васъ прогнѣвала? Я вамъ вѣрно служила.

Ви-

Викуль.

Видно по всему, что рога то мнѣ присаживати и ты помогала. А я не скоро етому повѣрю, что бы за тебя кто пять сотъ рублевъ далъ.

Егерь.

За нее далъ бы Турецкой Султанъ и пять тысячь червонныхъ.

Викуль.

Пять сотъ рублевъ дѣло великое! Да кто заплатитъ такія за нее деньги.

Егерь.

Они уже заплачены, и ваша сожительница ихъ уже и приняла.

Викуль.

Освѣдомись дворецкой, да отлепортуй меня.

Дворецкой.

Письменно прикажите себя лепортовать, или словесно?

Викуль.

Словесно отлепортуй; лутче на словахъ получити деньги, нежели на письмѣ ни чево.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Викулъ и Егерь.

Викулъ.

Знатный господинъ и безденежно дѣвку отнять можетъ: вишь мы передъ ними прахъ земной; такъ лутче взять денежки, благо господа жалуютъ; а то поѣзжай еще въ Москву, да года два поприся около архивы, да рублевъ сотню раздари.

Егерь.

Нынѣ крѣпко запрещено едакимъ шильническимъ ремѣсломъ питаться.

Викулъ.

Пьяному да крючкотворцу и море по колѣно: да и подушка то у ябѣдниковъ не гораздо вертится; у тѣхъ вертится больше, которыя наблюдая свою честность по миру ходятъ, и у нихъ же ради пропитанія милостины просятъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Викулъ, Егерь и Дворецкой.

Дворецкой.

Деньги, бояринъ государь, россійскою серебреною ходячею монетою всѣ приняты сполна.

Викулъ.

Ето лутче, а за мѣдныя то деньги, нынѣ и при покупкѣ и при размѣнѣ проценты очень велики, мнѣ бы казалося, что ешо новая спатья лихо-

лихоимства, и должно бы о томъ доносить куда принадлежитъ.

Апорецкой.

За серебряныя деньги и за асигнаціи брати проценты кажется и съ указами не сходно; и ежели ето дойдетъ подалѣ; такъ етова лихоимства не похвалятъ.

Викулъ.

Что ни говори: а рога мои у меня изъ ума не выходятъ.

Егерь.

Какъ вамъ не стыдно? Люди о дѣлѣ, а онъ о рогахъ: випь они отъ етова, что ты швердншъ о нихъ, съ головы твоей не свалятся.

Викулъ.

Не свалятся.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Викулъ, Егерь, Апорецкой и Хапронья.

Хапронья.

Едакую на меня всклепалъ небылицу.

Викулъ.

Въ геенѣ, въ тартарѣ, въ архитартарѣ будешъ ты окаянница.

Хапронья.

Да хотя бы я и въ правду въ какое впала беззаконіе; такъ развѣ мнѣ нѣтъ ужъ и раскаянія?

Викулъ.

Да випь хотя ты и раскаешся, а рога то съ меня не спадутъ. . .

Хапронья.

Гдѣ ето ГрафЪ атЪ мой! Чпо онЪ такЪ замѣшкался, не дождусь я ево моево свѣпа.

Викулъ.

СлышишЪ ли дворецкой?

Дворецкой.

Уши вянутЪ, милостивый государь.

Викулъ.

КакЪ на нея небо не упадетЪ.

Егерь.

Да ежели небо то упадетЪ; такЪ оно и насЪ передавитЪ. . . . Едакой выскочка! Чпо бы ради ево рогЪ на насЪ небо упало.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

псѣ

Графъ.

Уже ли вы оставите свое подозрѣніе, когда я вамЪ ясно покажу, что я вашей сожительницѣ и помышленіемЪ не коснулся?

Викулъ.

Сіятельнѣйшій графЪ! чѣмЪ вы меня увѣрить можете?

Графъ.

Руку цѣловалЪ я у нея за то, что она мнѣ Нису уступила.

Викулъ.

Я бы тебѣ государь десять НисЪ и даромЪ челомбилЪ: а Хавронья то мнѣ самому надобна.

Ха-

Хапронья.

Такъ поцѣлуй меня, мой красавецъ; когда я табѣ надобна! Каковъ графъ ашъ ни преузороченъ; да ты мнѣ и ево прекрасняе.

Викулъ.

Нѣтъ, Хавронья, не поцѣлуй теперь на умѣ моемъ.

Графъ.

Вотъ моя любовница: она моя невѣста: и въ сей же день она мнѣ и жена будетъ, кончилоеь ли ваше подозрѣніе?

Викулъ.

Всепресіятельнѣйшій, и превсемилосерднѣйшій Графъ подлинно ли ето такъ?

Флориза.

Подлинно такъ, сударь: ваша сожительница вамъ вѣрна; а графъ севодни со мною обвѣнчается.

Викулъ.

Хавронья! Такъ ли ето?

Хапронья.

Што я табѣ, красное мое солнушко, вѣрна, ето правда: а што графъ беретъ ее за собя, ето я и сама теперь только слышу. Дай Богъ ей щастіе! А она етова достойна.

Дюрецкой.

Достойно и правѣдно.

Хапронья.

Не забудь и насъ, сіятельнѣйшая графиня!

Флориза.

Я еще не графиня: а вашей дружбы никогда не забуду.

Викулъ.

Высокосіятельнѣйшая графиня! Не оставь насъ, ежели какая нужда. . . .

Флориза.

Я еще не графиня: а думаю что графъ вашимъ недостаткамъ. . . .

Графъ.

Какъ во свой домъ ко мнѣ присылать извольте: всякое изобиліе имѣйте отъ моево дома, какъ отъ дома вашева. Я всѣ мои радости имѣю.

Викулъ.

Поцѣлуй меня, Хавроньюшка: а кто старое помянетъ тому глазъ вонъ. *Цѣлуются.*

Конецъ комедіи.

МАТЬ
СОВМѢСТНИЦА
ДОЧЕРИ,
КОМЕДІЯ
АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КОРНИЛІЙ.

МИНОДОРА, жена ево.

ОЛИМПІЯ, дочь ихЪ.

ТИМАНТЪ, женихЪ ея.

ПАЛЕСТРА, служанка Олимпіи.

БАРБАРИСЪ, слуга ТимантовЪ.

ДѢйствіе въ МосквѢ.

МАТЬ
СОВМѢСТНИЦА ДОЧЕРИ,
КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Олимпія и Палестра.

Олимпія.

НѢтЪ Палестра! Не утѣшай меня; повсему видно что онЪ меня не любитЪ.

Палестра.

Я бы ето конечно знала; утаилЪ ли бы ето отЪ меня БарбарисЪ, любя меня, ему служа, и слыша отЪ нево ежечасно, какЪ онЪ о тебѣ разсуждаетЪ.

Олимпія.

Ты ежеднѣвно видишЪ какЪ мало онЪ со мною говоритЪ, когда батюшка или матушка

сЪ

съ нами. На что ему такъ много дичиться? А особливо когда батюшка ево почитаетъ? Будто полько ему съ батюшкомъ и дѣла, что бы говорить о псовой ево охотѣ? Или слышать отъ матушки, какое она платье дѣлаетъ? Которой цвѣтъ лутче, пальевой, или кулеръ де планшъ? Не лутчели бы ему иногда что со мною поговорить, нежели, ради излишнева ласкательства, твердить о борзыхъ и гончихъ собакахъ, и съ матушкою о цвѣтахъ, будто о важной, или о самой забавной матеріи? И начто ему называть ради угожденія матушкѣ, солому пальею, а доску планшею.

Палестра.

Не ревнуешь ли ужъ ты сударыня?

Олимпія.

А хотя бы я и ревновала: не имѣла ли бы я къ тому основанія? я противъ добродѣтели матушкиной говорить не должна: а думать могу, имѣя тому нѣкоторыя знаки.

Палестра.

Тимантъ ея моложе.

Олимпія.

Да и ей только тринцать три года; онажъ дурна, и кажется еще моложе своихъ лѣтъ, а батюшка мой гораздо постаряе. Можетъ быть я, паче чаянія, и обманываюсь; однако я съ тобою говорю что что мышлю. Да пожалуй, не промолвися въ етомъ ты съ Барбарисомъ, и не-сказывай ему, ни обинякомъ тово, что я къ матушкѣ ревную.

Па-

Палестра.

ОнЪ говоритЪ сЪ нею по ея нраву, какЪ и Ь батюшкомЪ о собакахЪ, можетЪ быть ради ово только что бы имЪ угождать и удобняе достичь намѣренія своево.

Олимпія.

Щастливабъ я была, ежели я обманываюсь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Корнилій, Олимпія

и

Палестра.

Корнилій.

Что ты такЪ смутна, Олимпія? не немокешЪ ли?

Олимпія.

НѣтЪ сударь!

Корнилій.

ТакЪ ошЪ чевожЪ ты такЪ перемѣнна?

Олимпія.

НикакЪ, сударь, я все таковажЪ.

Корнилій.

Печалиться тебѣ не о чемЪ; все слава богу идетЪ на стать. А я хочу тебѣ нѣчто до тебя касаю-

касающееся молвить: и думаю что и тебѣ то пропибно быть не можетъ: и есть ли твое мнѣніе съ моимъ согласится, и со мнѣніемъ тово, о комъ я тебѣ говорить стану; такъ дѣло то и ладно будетъ: а я твердо уповаю, что мы всѣ четверо, согласны будемъ, и я и ты и мать твоя, и тотъ о комъ я тебѣ выговорю.

Олимпія.

Что такое ето, батюшка?

Корнилій.

Хочу тебя выдать за мужъ.

Олимпія.

Сперва надобно мнѣ вѣдать, за ково.

Корнилій.

Я тебѣ худова жениха не выберу.

Олимпія.

Да кто онъ?

Корнилій.

Тимантъ. . . . Мнѣ кажется онъ малой доброй.

Олимпія.

Да будетъ ли на ето матушка согласна?

Корнилій.

Будто я на матушку то и посмотрю! да ей какъ несогласиться? По едакихъ жениховъ далеко ѣздятъ.

Олимпія.

А я безъ согласія матушкина, съ вашимъ согласиться мнѣніемъ не могу.

Кор-

Корнилій.

КакЪ и ей не согласиться? Я вижу, что и она кЪ нему очень ласкова, видя хорошія ево качества. Да ужЪ коли ето не дѣтина, такЪ я тебѣ жениха и не знаю. ХорошЪ, проворенЪ, не мотЪ, не гуляка: да онЪ же еще такой охотникЪ, что у нево ни волкЪ ни медвѣдь не увернется. Роги. . .

Палестра, особливо.

Роги то дѣло не мудреное.

Корнилій.

КакЪ не мудреное? да иной и вѣкЪ мѣлитЪ да посыпать не умѣетЪ.

Палестра.

Ежели бы я была мущина; такЪ бы и я роги приставить умѣла.

Корнилій.

Приставить?

Палестра.

Да вить, ежели рога кЪ губамЪ не приставишЪ; такЪ и трубить не льзя.

Корнилій.

Я думалЪ ты говоришЪ ко головѣ приставить. А ето истинна: не приставишь ко губамЪ; такЪ и трубить не можно.

Палестра.

А какЪ приставишЪ; такЪ тогда труби сколько хочешЪ.

Кор-

Корнилій.

И вѣдомо.

Палестра.

Какъ, не такъ, сударь!

Корнилій.

Ты дѣвка, и на охотѣ никогда не бывала; такъ ты и путаешься. . , . Труби сколько хочешь! И всякъ пляшетъ да не какъ плясунъ. Роги дѣло не малое, и искуство къ тому надобно великое. Я и весь мой вѣкъ около одной псовой охоты пруся, а въ роги прубить не мастеръ. Ужъ жена часто смѣется и говоритъ: рога де отъ тебя ни когда не отлучаются: а тебѣ де они еще незнакомы: да и подлинно его стыдно: имѣти рога, и къ нимъ не привыкнуть.

Палестра.

Какъ бы кажется не привыкнуть?

Олимпія.

Перестань, Палестра! мнѣ и белъ тово грусно.

Корнилій.

Она дѣло говоритъ.

Олимпія.

Что его сударь, за разговоры?

Корнилій.

А мнѣ они всево пріятние.

Палестра.

Вотъ, сударыня! а вы меня объ этомъ говорить унимаете?

Олим-

Олимпія.

Я на тебя разсержусь Палестра; мнѣ ето не весело слушать.

Корнилій.

Мнѣ думается, что бы и дочери то любить надлежало, что ея отецъ и мать любятъ.

Палестра.

МожетЪ быть и матушка ея, а ваша супруга тоже что и она любитъ.

Олимпія.

Палестра!

Корнилій.

ТакЪ я пойду да скажу о женихѣ то твоемъ матери, и переговоривъ съ нею о томъ, ее къ тебѣ пришлю.

Олимпія.

Я не знаю что она на ето сказать изволитъ.

Корнилій.

Вить она съ ума не сошла.

ЯВЛЕНІЕ III.

Олимпія и Палестра.

Олимпія.

Что то матушка скажетъ.

Палестра.

Не въ прямъ то она сама въ Тимаша влюблена.

Олимпія.

Да диво, не такъ ли! . . . А ты Палеспра, давиче столько околесницы говорила, что мнѣ инда досадно было.... Я не знаю, какъ батюшка то не догадался.

Палестра.

Пускай бы онъ догадался: мнѣ тово то и хотѣлось; такъ онъ унимай матушку то твою, ежели ето правда. . . . Не прогнѣвайся, сударыня, ето хотя и не правда; однако между нами молвлено, она ужъ лѣтъ десятокъ, такова; а прежде тово, какъ люди всѣ, которыя въ домѣ постаряе говорятъ, она жила очень постоянно. Вы и сами уже видали, какова матушка то ваша.

Олимпія.

Полножъ Палестра! . . . Мнѣ ето противно; да пособить не чѣмъ. . . . Пойди ты отсель; матушка то сюда скоро будетъ, такъ не было бы и тебѣ въ чужомъ пиру похмѣлья.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Олимпія одна.

Что матушка мнѣ совмѣстница, ето очень видно; да что у Тиманта въ мысли, етова я не знаю: да и тово не вѣдаю, хотя онъ съ нею и политичествуетъ, а не въ правду любитъ, какъ я едакую сильную имѣя совмѣстницу, дѣло свое приведу ко окончанію.

ЯВЛЕНІЕ V.

Минодора и Олимпія.

Минодора.

А пропо ли ты ето вздумала, Олимпія? хо-ешъ выйти за Тиманта!

Олимпія.

Батюшка говорилъ, сударыня, что на ето во воля.

Минодора.

Ты себя погубишъ.

Олимпія.

А чѣмъ же матушка?

Минодора.

Онъ человѣкъ имущій многія кванпитеты; а главная то ево кондуита худа.

Олимпія.

Я худова ево поведенія ни въ чемъ не примѣтила.

Миподора.

Да онъ и въ Бога не вѣруетъ. . . . Я и сама, какъ ты вѣдаешъ, во всемъ первая модѣ слѣдую; однако, въ великой постъ мяса ѣспъ не стану: въ воскресенье обѣдни не прогуляю, и городскихъ воротъ, не перекрестясь не проѣду; на нихъ иконы: а онъ и обѣдни прогуливаетъ, и въ великой постъ мясо ѣстъ: по другимъ постамъ я и сама ѣмъ мясо: а намнясь встрѣпился мнѣ онъ у самыхъ Варварскихъ воротъ: и ѣдучи и не взглянулъ на икону то. Мода хорошее дѣло, а закона позабывать не надобно.

Олимпія.

У обѣдни онъ когда можетъ бываетъ: въ великой постъ мясо ѣстъ онъ, можетъ быть по слабости желудка, или опасаясь какой болѣзни, чувствуя что нибудь худое отъ рыбной пищи: въ Варварскихъ воротахъ не взглянулъ онъ на икону не отъ презрѣнія: Богъ насъ не по наружности судитъ. Да вы сударыня, ево и сами хорошо принимаете.

Миподора.

Ты досаждати мнѣ вздумала и не думаешь ли ты, что я ево люблю? Ето реприманды и апроши! Естьли бы я въ нево и влюблена была, такъ вить не вѣчно мнѣ съ нимъ жить. . . А я въ вѣрности моей ко твоему отцу свидѣтельствуюсь

ешбуюся имЪ самимЪ. ОнЪ за меня присягнутъ не опречется и благороднымЪ моимЪ сентиментамЪ инфиделите со всемЪ не свойственна.

Олимпія.

Кто васЪ обвиняетЪ, сударыня?

Минодора.

Я вижу, что у тебя о мнѢ худая идея.

Олимпія.

Ни какЪ сударыня. . . . А Тиманта я люблю и почитаю; а чтобы ТимантЪ вЪ Бога не вѢровалЪ, епова о разумномЪ человѢкѢ, и помыслить не можно.

Минодора.

НынѢ молодцы и многія таковы: все де натура.

Олимпія.

Ета тварь всякой гадины хуже.

Минодора.

Полно мать моя! НынѢ епо вЪ модѢ

Олимпія.

У дураковЪ, севодни они атеисты а взавтрѢ суевѢры будутЪ: а ТимантЪ ни атеистомЪ ни суевѢромЪ никогда не будетЪ; онЪ кое чему учился: и какЪ о божествѢ такЪ и о естествѢ, основательное понятіе имѢетЪ. А какЪ молодые люди говорятЪ; ему какое до шово дѢло?

Минодора.

Очень ты за нево вступаешся.

Олимпія.

И очень ево много почитаю.

Миподора.

А я тебя за нево не выдамъ. . . . Я давно примѣтила, что ты къ нему имѣешъ деклинацію, и что ты къ нему апаширована.

Олимпія.

Я къ нему подлинно склонность имѣю.

Миподора.

Какую склонность? Со всѣмъ таки деклинацію имѣешъ.

Олимпія.

Матушка да ето все равно, что инклинація, что склонность.

Миподора.

Нѣтъ, склонность по и ко другу имѣть можно: а деклинація по къ одному амуру надлѣжитъ.

Олимпія.

Инклинація моя къ нему конечно велика...

Миподора.

Не инклинація, худо имѣть и инклинацію: а ты имѣешъ деклинацію.

Олимпія.

Инъ пускай я къ нему и деклинацію имѣю.

Миподора.

Дѣвицѣ епио не годится: ей паендонеръ помнить должно и амбицію.

Олим-

Олимпія.

Я, сударыня, ни какова дому бесчестія не принесу.

Миподора.

Такъ развѣ я бесчестіе дому дѣлаю? Я и себя и отца твоего манжирую.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Корнилій, Миподора

и

Олимпія.

Корнилій.

Уговорилась ты мать то?

Миподора.

Я етова и слыщать не хочу; а для чево, я ето тебѣ давиче сказывала.

Корнилій.

Онъ человѣкъ молодой: будетъ постаряе; такъ онъ вѣрити станетъ какъ я.

Миподора.

Я еще и молода, да и тверда въ законѣ... Едакой мужъ, которой или не знаетъ Бога или мало знаетъ, конечно и парь-каприсъ женѣ измѣнитъ.

Корнилій.

Да вить ее отъ етова не убудетъ; былабъ она только вѣрна; муцина то пошалитъ, да и перестанетъ: женщинѣ ето не возвратное бесчестіе; да полно нынѣ и женщины то иныя избаловались.

Минодора.

Я бы едакую жену повѣсила, которая къ кому кромѣ мужа инфламацію имѣетъ.

Корнилій.

Душенька! Да ты ето по себѣ разсуждаешъ.

Минодора.

Радость моя! Да какъ етова хуже, когда я пѣмъ и Бога прогнѣвлю, и мужа осрамлю.

Корнилій.

Да иной все шрынь трава. Учатся, учатся да и собьются съ прямой дороги.

Олимпія.

Презрѣнно бы было ученіе, естьли бы оно людей съ прямой збивало дорсги.

Корнилій.

Ето не рѣдко бываетъ. . . . однако Минодора, соглашайся со мною: выдадимъ ее за Тиманпа.

Минодора.

Я на ето ни когда не соглашусь.

Кор-

Корнилій.

А я ее за нево выдамъ.

Минодора.

Изрядной ты кавалеръ будешъ, когда ты съ дамѣ столько политики имѣешъ! Поступаютъ ли благородныя люди такъ со своими женами. нѣтъ, душа моя! ты не папабиль етова здѣлать.

Корнилій.

Попа билъ или не билъ: а ето я здѣлаю... легкой ли ето дѣтина!

Минодора.

Что онъ емабиль, ето и я знаю; да въ законѣ не твердъ.

Корнилій.

Молодъ еще.

Минодора.

Какъ ты изволишъ: а я етова не хочу.

Корнилій.

Я тебя, Олимпія за нево севодни же зговорю. Ты съ нимъ любись и будь ему вѣрна: а я стану съ нимъ зайчиковъ потравливать.

Минодора.

Что ето за емпертиненція!

Корнилій.

Пестиленція или юриспруденція: а мнѣ такъ надобно. Опомнись Минодорушка!... А онъ тебя и по Француски научитъ, безъ труда,

однимъ только обхожденіемъ: а ты еще не перестарокъ. Соглашайся душенька!

Минодора.

Я и уши заткну.

Корнилій.

Хоть и ротъ себѣ замажъ; да только согласись напередъ.

Минодора.

Замажъ ротъ! . . . Едакая кумплеменція дамѣ.

Корнилій.

Сердце мое! Да ты меня съ ума сводишъ.

Минодора.

Я не хочу, не хочу, не хочу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Корнилій и Олимпія.

Корнилій.

Не думай ты, чтобы она меня перепягала.

Олимпія.

Батюшка! Я между васъ ссоры видѣть не стараюсь: да еще и тово прямо не знаю, возметъ ли меня Тимантъ йли нѣтъ.

Корнилій.

Ты невѣста богатая, молода, хороша и умна; такъ развѣ ему рожна хотѣть!

Олим-

Олимпія.

Позволите ли мнѣ самой съ нимъ изъ-
ясниться?

Корнилій.

А для чево и не изъясниться?

Олимпія.

Ну, ежели онъ меня прямо любитъ! А онъ
мнѣ объ епіомъ не однократно говаризалъ.

Корнилій.

Такъ и свадьба.

Олимпія.

А матушка що?

Корнилій.

А матушка що поколобродитъ, да и уй-
мется.

Олимпія.

Она меня вѣчно своей лишитъ милости: да
еще и клясти станетъ.

Корнилій.

Ета клятва у ней на шеѣ повиснетъ; вить
Богъ нащей неосновапіельной клятвы не утвер-
дитъ: я ето и отъ ученыхъ священниковъ слы-
халъ.

Олимпія.

Мнѣ матушку раздражить не хочется.

Корнилій.

А я надъ тобой больше власти имѣю; такъ
я тебѣ приказываю: слушай меня: и ежели Ти-
мантъ согласенъ съ нами, такъ чево мѣдлить?

Олим-

Олимпія.

Я вашей волѣ противиться не могу; а особливо, что она и съ моимъ желаніемъ согласна; только несоизволеніе то матушкино меня устрашаетъ, и всю мою надежду опровергаетъ.

Корнилій.

Я тебѣ отецъ; такъ ты мнѣ повинуйся.

Олимпія.

Легколи мнѣ на ваши ссоры смотрѣть будетъ?

Корнилій.

Будто ето твоя вина, что твоя матушка съ ума спятила? Поговори съ нимъ, какъ ты знаешъ.

Олимпія.

Слышу, сударь!

Корнилій.

А едакова жениха упустить жаль.

Олимпія.

О естьли бы ваша воля и мое желаніе исполнилось!

Конецъ перьваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Корнилій и Тимантъ.

Корнилій.

Хорошо, что ты дома случился: я думалъ человѣкъ мой тебя не застанетъ.

Тимантъ.

Я почти всегда дома.

Корнилій.

А все около книгъ! . . . Теперь погодка хороша. . . . пороша. . . . Можнобы и за городъ выѣхать.

Тимантъ.

Не очень досужно.

Корнилій.

Охотникъ, охотникъ! . . . Когда охотники недосуги разбираютъ?

Ти

Тимантъ.

Такъ едакъ и отъ Бога и отъ людей и отъ самово себя отстанешъ; надобно иногда и дома посидѣть.

Корнилій.

А я бы ужъ не усидѣлъ, ежели бы поздоровяе былъ. А ты въ Бога то развѣ вѣруешъ?

Тимантъ.

Какой ето спросъ? . . . Ето еще хуже, нежели бы вы меня спросили: естьли во мнѣ умъ и честь. . . . Кромѣ съ ума сшедшихъ етому вся подсолнечная вѣритъ.

Корнилій.

Да не хочешь ли ты повидаться съ Олимпіею? Я для тово и посылалъ за тобою, что она съ тобою что то говорить хочетъ.

Тимантъ.

Очень хорошо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Корнилій одинъ.

Жена по моя, диво въ полной ли нынѣ памяти! . . . Худо ето когда люди то съ лицкомъ и исполиничаютъ. Для бесѣдъ она женщина добрая: а для меня становится часъ отъ часу чудняе: да и говоритъ такимъ языкомъ, которова я не разумѣю. Дѣды наши не знали едакихъ словъ; да вишь жилижъ. Ето чудно: будь Руской, и говоря съ Рускимъ же по руски же, ево не разумѣй! Екой нынѣ обычай завелся!

ЯВЛЕНІЕ III.

Корнилій, Тимантъ и Олимпія.

Олимпія.

Наше желаніе съ вашимъ, сударь батюшка, благоволеніемъ согласно:

Корнилій.

Такъ и хорошо: а больше мнѣ и говорить нечево.

Олимпія.

Теперь только, что изволитъ матушка. . .

Корнилій.

Матушка твоя колобродитъ, я подъ солнцемъ едакой бабы не видывалъ, да скажи мнѣ отъ чего солнце то свѣтитъ.

Ти-

Тимантъ.

Отъ тово что оно горитъ.

Корнилій.

Да что въ немъ горитъ масло или воскъ?

Тимантъ.

Я сударь, етова не знаю.

Корнилій.

Да на чтожъ вы и учитесь, когда вы ужъ и етова не знаете.

Тимантъ.

Етова и ни кто не знаетъ.

Корнилій.

Такъ и учители то Французскія етова не знаютъ?

Тимантъ.

Нѣтъ.

Корнилій.

Начтожъ ихъ изъ за моря то и вывозятъ?

Тимантъ.

Они сами выѣзжаютъ.

Корнилій.

Да вить отъ Парижа до насъ не блиско; такъ они гдѣ такія берутъ деньги, чѣмъ бы сюда доѣхать, развѣ тамъ всѣ богати?

Тимантъ.

Они выѣзжаютъ оттолѣ сюда при достаточныхъ людяхъ.

Кор-

Корнилій.

Такъ тѣмъ достаточнымъ людямъ едакъ на дорогѣ и не скучно; я чаю они имъ всякія повѣсти расказываютъ.

Тимантъ.

Нѣтъ, они при нихъ: иныя лакѣями, иныя кучерами, иныя копорыя полутче и камердинерами. . . .

Корнилій.

Какъ! Такія ученыя люди въ камердинерахъ и лакѣяхъ? . . .

Тимантъ.

Такъ.

Корнилій.

Едакой Франція то прехвалѣной городъ! И лакѣи въ немъ больше знаютъ, нежели у насъ иныя секретари. . . . Да которой городъ атъ начальной, Франція или Парижъ?

Олимпія.

Полно, сударь! . . . Випь вы въ одинъ часъ ученымъ не станете.

Корнилій.

Избави меня Господи, чтобъ я етова когда захотѣлъ!

Тимантъ.

Богъ васъ етимъ не накажетъ.

Корнилій.

Такъ съ помощію ево гопювься севодни ко говору!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Корнилій, Тимантъ, Олимпія и Минодора.

Минодора.

О чемъ сударыня, ваше дискурованье?

Олимпія.

Вы знаете, о чемъ.

Минодора.

Мнѣ съ господиномъ Тимантомъ прежде самой инспликоваться надобно: а ты на одинъ Олимпія моментъ выйди, да и батюшка то пускай съ тобой выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тимантъ и Минодора.

Минодора.

Я едакова рекомпанса за всѣ мои куплементы отъ васъ не ожидала.

Тимантъ.

Чѣмъ я васъ раздражалъ?

Минодора.

Я имѣю честь имѣти къ вашему патрету, или къ вашей персонѣ отличной решпектъ, и принимала васъ безо всякой церемоніяльности и безъ фасоній. А вы мнѣ измѣняете.

Ти-

Тимантъ.

Я вамъ измѣны ни какой не здѣлалъ; былъ вамъ другъ, другъ и теперь.

Минодора.

Ты словъ моихъ и понять не хочешъ. . . . Или ты не узналъ еще, какую я къ тебѣ мой манификъ деклинацію имѣю.

Тимантъ.

Я благодарствую, что вы меня жалуете.

Минодора.

Ты такъ голубчикъ со мною говоришь фасонно, что ужъ не возможно. Я тебя. . . . Ахъ мой миніонъ. . . . Я тебя . . . Ахъ мой багатель. . . . Я мѣшаюсь, и не знаю сама что я болтаю.

Тимантъ.

И я не вѣдаю чево вы отъ меня требуете.

Минодора.

Я требую. . . . Послушай! Я все то сантирую къ тебѣ, что ты къ Олимпіи сантируешъ: и какое имѣетъ намѣреніе она, такое и я.

Тимантъ.

Вы за мужемъ; такъ на васъ не можно мнѣ жениться.

Минодора.

Да неужъ ли вамъ безъ женитьбы и любить не капабельно, будто только и кариспаденціи, какъ мужъ и жена!

Тимантъ.

Я, сударыня, и вашу и мужа вашева честь охронять долженъ, за ево дружбу и за ваше мнѣ учпивство.

Минодора.

Да вы мнѣ еще и больше покажете учпивспва, когда меня любити станете.

Тимантъ.

Я и такъ васъ люблю.

Минодора.

Ево любовь постная. Всѣмъ капиталемъ сердца любите меня, а не парпикалярно; только бы было инкогнито.

Тимантъ.

Вы, сударыня, проклинаете всѣхъ тѣхъ, которыя въ великой постъ ядятъ мясо; невѣрность то здѣлать мужу, кажется мнѣ грѣшняе еще.

Минодора.

О тиранъ сердца моево! . . Умерпви меня лупче своими руками! Умерпіви свою любовницу!

Тимантъ.

Я сударыня, не палачь.

Мино-

Минодора.

Ты жесточе палача; тотъ умерщвляетъ винныхъ и злодѣевъ: а ты меня невинную погубляешъ и не злодѣйку, да любовницу.

Тимантъ.

Вы, любовница своему супругу.

Минодора.

Дѣвка! Дѣвка! . . , Подай мнѣ оделаванду!

Дѣвка подаетъ, и слизъ ей подки на платокъ, выходитъ.

Тимантъ, во время нюханія.

Что ето за нещастіе! . . Я не знаю, куда мнѣ дѣться!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Корнилій, Минодора и Тимантъ.

Корнилій.

Что тебѣ здѣлалось душа моя?

Минодора.

Тошно! . . . Тошно!

Корнилій.

Не угорѣлаль ты?

Минодора.

Итъ. . . . Гипохондрія.

Корнилій.

Отъ чево на тебя едакая заморская нашла болѣзнь? . . . Вотъ! Не говаривалъ ли я тебѣ, что бы ты заморскихъ то словъ поменще сыпала въ разговоры? . . . И здѣлалась бурда. . . . Намнясь я на молошной кисель, напился молодова полпива: и чуть было не умеръ.

Минодора.

Ета бурда у меня, и вся ета контузія не отъ нобомодныхъ словъ, да отъ твоей старомодной грубости здѣлалась.

Корнилій.

Душа моя! Да вить я тебѣ ни чево лишнева не сказалъ.

Минодора.

Да мнѣ и то инсупортабельно.

Корнилій.

Знаю, мое сокровище, что отъ любимова человѣка, и малая досада великою кажется; да чтожъ дѣлать, когда ты меня принуждаешъ.

Минодора.

Возми меня за руку, Тимантъ, и пощупай каковъ у меня пульсъ.

Корнилій.

Я пощупаю.

Минодора.

У тебя руки холодны. . . . Да пощупай, Тимантъ, какъ у меня сердце бьется.

Кор-

Корнилій.

СемЪ и я пощупаю.

Миподора.

АхЪ! Пойди ты прочь отЪ меня. . . Пойди пожалуйста отЪ глазЪ моихЪ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тимантъ и Миподора.

Миподора.

Жизни лишуся, коли не умиритируюся быти тобою любима.

Тимантъ.

Я вамЪ дѣлать невинному мужу измѣны не совѣтую: а самЪ моей возлюбленной невѣстѣ, такЪ же для цѣлаго свѣта измѣны не здѣлаю.

Миподора.

Какой ето коушамЪ моимЪ. . . . АхЪ! жестокой, ТимантЪ! Варварское имѣешЪ ты сердце.

Тимантъ.

Я сударыня по етой тѣсной улицѣ, и въ кривыя ея ворота очень рѣдко ѣзжу.

Миподора.

И при ВарварскихЪ воротахЪ, хотя ты и шутишь, едакова не было мятежа, какой у меня въ сердцѣ.

Тимантъ.

Я безъ всякой шутки доношу, что я хочу быть вамъ усерднымъ зятемъ, а не принужденнымъ любовникомъ.

Минодора.

Олимпія, Олимпія! Змѣю въ утробѣ моей носила, змѣю, которая меня ужалила!

Тимантъ.

Одолѣйте вы страсть ету, когда она вамъ толико врѣдна, и нынѣшнюю вашу ко мнѣ любовь въ материнскую премѣните ко мнѣ милость!

Минодора.

Ахъ! Имя любовницы пріятняе ушамъ, нежели имя тещи.

Тимантъ.

А я противъ воли моей ни васъ полюбить, ни Олимпіи оставить не могу.

Минодора.

Я на ето не соглашаюсь, что бы дочь моя была за тобою.

Тимантъ.

Вы себѣ бесчестія умножите.

Минодора.

Развѣ я уже бесчестна?

Тимантъ.

Хотя и небесчестна; однако изъ порядка гораздо выходите.

Мино-

Миродора.

ВЪ етотЪ непорядокЪ ты меня приводишь. . . А дочери я за тебя не выдамЪ.

. . Тимантъ.

Когда и она и вашЪ на то согласенЪ супругЪ; такЪ вы напрасно, свою ко мнѢ склонность перемѢняете въ ожесточеніе.

Барбарисъ. приходитъ и говоритъ.

ГосподинЪ Корнилій желаетЪ васЪ обоихЪ видѢть и увѢриться о здоровьи своей супруги.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Барбарисъ одинъ.

Едакія нынѢ завелися барыни! Чтобы вЪ посты не Ѣсть мяса, ето они наблюдаютЪ: а чтобы не любиться съ чужими о томЪ они и забыли, будто разбойники: людей рѢжутЪ, а молока по середамЪ не хлебаютЪ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Барбарисъ и Палестра.

Палестра.

Здравствуй Барбарисъ! . . . Когдажъ ты на мнѣ женишься?

Барбарисъ.

Куда ты какъ скоро поспѣшна!

Палестра.

Да и ты очень мѣдленъ.

Барбарисъ.

Пускай на передъ мой господинъ съ твоею барашнею обвѣнчается.

Палестра.

Кто етова дождется! Такъ поцелуй же меня!

Барбарисъ.

Ето не къ селу ни къ городу.

Палестра.

Фу какой безсовѣстной!

Барбарисъ.

Инъ и поцелуемся.

ЯВЛЕНІЕ X.

Корнилій, Барбарисъ и Палестра.

Корнилій.

Не хорошо ето молодецъ! У меня не похабной домъ: а ты целуешь дѣвку!

Барбарисъ.

Не я целую вашу дѣвушку, милостивый государь! Она меня целуетъ. Вотъ, не говорилъ ли я тебѣ Палестра!

Палестра.

Что ето, сударь за бѣда?... Вить я не жена ваша! Изволите смотрѣть за своею супругою, чтобы она ково не целовала.

Корнилій.

Женѣ то моей етова и въ мысли прійти не можетъ. Она и чужихъ ругаетъ женъ, которыя етому беззаконію повинуются. Впадетъ ли постница и молитвенница въ такое душепагубное прегрѣщеніе! Развѣ царствіе то небесное, во время поста и молитвы она позабудетъ?

Палестра.

Позабудетъ, воспомнитъ, согрѣшитъ, покается. Будто только тѣ одни отъ мужей любятся, которыя скоромное ѣдятъ по постамъ! А что дѣлаютъ бояря, то и мы. Вить во цар-

ство

ство то небесное, не по знатности рода и не починамъ пускаютъ.

Барбарисъ.

Иной здѣсь воевода, а тамъ будетъ подканцеляристъ. Да полно и здѣсь воевода то менше подьячева грамотѣ знаетъ.

Корнилій.

Воеводѣ на что грамота? Ето подьяческое и дѣло: а ему и тово довольно, что онъ имя подписать можетъ. А тебѣ, братецъ, цеховаться съ моими дѣвками не приспойно.

Барбарисъ.

Я съ вашими дѣвушками не целуюся.

Корнилій.

Я ето самъ своими глазами видѣлъ.

Барбарисъ.

Я не съ дѣвками целовался; да съ одной и то полько однажды сударь поцеловался.

Корнилій.

И етова много.

Барбарисъ.

А менше одново раза и поцеловаться нельзя.

Корнилій.

Ни однажды не надобно.

Палестра.

Вамъ, сударь, такъ кажется: а намъ думается, что надобно: а губы то вить мои а не супруги вашей.

Бар-

Барбарисъ.

А у меня, губы мои а не баши.

Корнилій.

Едакая ты дѣвушка! Спыдъ и поношеніе моему дому!

Палестра.

Больше стыда и поношенія отъ жены, нежели отъ служанки.

Корнилій.

Да коли бы жена то моя едакъ ково поцеловала, такъ бы ей и губы отрезалъ.

Барбарисъ.

Да какъ же бы вы ее целовать то стали?

Палестра.

Жестокой ты судья!

Барбарисъ.

Да етова, сударь, и въ уложеньи нѣтъ: а естьли бы такое было узаконеніе; такъ бы безгубыхъ женщинъ было больше нежели злодѣевъ, у которыхъ ноздри вырваны.

Корнилій.

Да они етова и достойны. . . . Да и мужья то хороши, которыя ето терпятъ.

Палестра.

Иныя на ету догадку и не попадутъ.

Кор-

Корнилій.

Развѣ мужъ тотъ дуракъ, которой не видитъ етова въ женѣ своей.

Палестра.

Да вы, сударь, и не глупы; а не догадались бы, естьли бы ваша супруга благоволила васъ орогатить.

Корнилій.

Я бы ето въ три дни узналъ. А рогоносцы то сами передъ собою винны, что они етова не примѣчаютъ. За ето бы я въ воду всѣхъ помѣталъ.

Барбарисъ.

Да вы, сударь! Умѣетели плавать?

Корнилій.

Мнѣ на что плавать? Я надѣюсь на жену, какъ на городовую стѣну.

Барбарисъ.

Бендеръ покрѣпче супруги вашей; да и тотъ мужествомъ и искуствомъ полководца взятъ. Ето помудреняе, нежели побѣдить женщину.

Корнилій.

Моя жена неприступна.

Барбарисъ.

Да и Бендеръ ашъ былъ неприступенъ.

Палестра.

А мое сердце Барбарисъ уже давно плѣнилъ: а я за нево иду за мужъ.

Кор-

Корнилій.

Такъ бы подождала, какъ обвѣнчаешься: а до тѣхъ бы поръ была поскромняе. Впредь бы я до вѣнца ни воево, Палестра, ево не видалъ.

Барбарисъ.

Мы всегда отъ васъ таясь целовались; я не знаю, какъ вы и теперь увидѣли. Да вы сами виноваты: за чѣмъ вы туда ходите, гдѣ молодыя рабята съ дѣвками целуются?

Корнилій.

Много ты болтаешь; помолчи!

Отходитъ.

Палестра.

Впредь будемъ поосторожняе.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Олимпія, Одна.

Что вЪ такой начну крайности! ВсѢ мысли мои разсѢялись: чувства ослабѢваютЪ, камѢнѢетЪ сердце, томится грудь и свѢтЪ сокрываетсЯ отЪ очей моихЪ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тимантъ и Олимпія.

Олимпія.

Проспи ТимантЪ!

Тимантъ.

Для чево намЪ прощаться?

Олимпія.

Матушка клянетЪ меня, и сказала мнѢ, что она лишаетЪ меня своево благословенія; ежели я противЪ воли ея за тебя выйти соглашусь.

Ти-

Тимантъ.

Развѣ ты думаешъ то, что она пустою и пристрастною своею клятвою, загородитъ тебѣ дорогу къ милости Божіей, и что Богъ такое ея злодѣйское опредѣленіе утвердитъ?

Олимпія.

Да и ради свѣта ето дурно.

Тимантъ.

Скажи лутче: дурно ради дураковъ и дуръ.

Олимпія.

Да ихъ очень много.

Тимантъ.

Сверчковъ еще и больше.

Олимпія.

Да сверчки то своимъ пищаньемъ толикой досады не здѣлаютъ, какую люди здѣлать могутъ.

Тимантъ.

Мнѣ сверчки больше безмозглыхъ болтуновъ досады дѣлаютъ а особливо, когда я книгу читаю.

Олимпія.

Коли человѣка три кому скажутъ, ты пьянъ; такъ должно ложиться и проспаться.

Тимантъ.

А мнѣ, сударыня, хотя бы вся Москва говорила то что я пьянъ; такъ я будучи не пьянымъ, спать не лягу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тимантъ, Олимпія и Минодора.

Минодора.

Ты опять тоже дѣлаешъ?

Тимантъ.

Она тоже дѣлаетъ, сударыня, что ей прилично: да вы не то. . . .

Минодора.

Не брюскинаватъ ли вы меня, государь мой, хотите?

Тимантъ.

Я намѣренъ васъ на прямой путь поставить.

Минодора.

Я и такъ не кривою иду алеею.

Тимантъ.

Ета алея васъ ко доброму концу не приведетъ.

Минодора.

Очень комлезантной кавалеръ!

Тимантъ.

Я, не преходя моево къ вамъ почтенія, вамъ откръваюсь ясно, что я люблю Олимпію, и вѣчно ее одну любить стану.

Минодора.

Да я ее выдать за васъ не хочу.

Тимантъ.

Развѣ я вашева свойства не достоинъ.

Мино-

Миподора.

Вы знаете мои мысли.

Тимантъ.

Да изъ почтенія моево къ вамъ хочу ихъ забыть.

Миподора.

Велико ваше ко мнѣ почтеніе!

Тимантъ.

Я васъ, сударыня, со всею моею прошу покорностію, что бы вы и со мною и съ нею человѣколюбивяе поступали.

Миподора.

Ты очень человѣколюбивъ!

Тимантъ.

Вы отъ меня невозможнова требуете.

Миподора.

Да и вы требуете отъ меня невозможнова.

Тимантъ.

Я на дочери вашей, сударыня, женатъ буду, хотя вы соглащайтесь, хоть нѣтъ.

Миподора.

Что вы такъ капризны?

Тимантъ.

Я выхожу изъ терпѣнія.

Миподора.

Да и я изъ терпѣнія выхожу.

Тимантъ.

Дайте вашей дочери соизволѣніе.

Минодора.

Епова не будетъ.

Тимантъ.

Будетъ, сударыня. . . . Супругъ вашъ дозволяетъ. . .

Минодора.

А я знаю, что епова не будетъ.

Тимантъ.

Онъ знаетъ ето лутче.

Минодора.

А онъ знаетъ мысли свои, а моихъ онъ не знаетъ.

Тимантъ.

Такъ ваши мысли я ему объявлю.

Олимпія.

А ежели ты епо здѣлаешъ; такъ я твоею никогда не буду.

Минодора.

Что такое! . . . Тимантъ! . . . О чемъ ты Олимпія. . . Никакъ ты ему индискрецію противъ меня. . . . Злодѣй мой!

Тимантъ.

Ежели мнѣ Олимпіи лишаться; такъ на что мнѣ таить ваше къ себѣ любовное письмо, которое вы ко мнѣ севодни прислали.

Олим-

Олимпія.

Что ты дѣлаешъ!

Минодора.

О варваръ! . . . Олимпія! А ты ужъ видѣла. . .

Олимпія.

Отмѣните, сударыня, такія несходственныя съ вашею честію мысли; такъ ето предастся забвенію: а онъ о письмѣ мнѣ и не сказывалъ.

Тимантъ.

Все, сударыня, загладится.

Минодора.

Выйди Олимпія! А я объ етомъ письмѣ изъясняюся.

Тимантъ.

Оно очень ясно; такъ о чемъ больше толковать?

Минодора.

Выйдижъ, душа моя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тимантъ и Минодора.

Минодора.

Въ послѣднія тебѣ прапазирую: выслушай только всѣ мои идеи съ пасіянсомъ.

Тимантъ.

Хорошо, сударыня.

Минодора.

Лице мое не фатально, лѣта не стары, по французски я и съ наслышки говорю, и руской имъ языкъ, не меньше другихъ моихъ сестеръ украшаю. Модѣ слѣдую я первая; ссылаюсь на всю Москву, что въ городѣ здѣсь барсовое платье первая здѣлала я: всѣ поршныя ето присягою утвердятъ: на шеятрѣ и изъ ложи и изъ партера простыми глазами не смотрю я, и всегда въ лорнетъ: на спектакеляхъ, а особливо когда представляются траженіи, говорю я всѣхъ больше, хахачу въ тражедіяхъ больше всѣхъ, въ комедіяхъ кричу больше всѣхъ. Дома бываю рѣдко. Долго не засиживаюсь ни гдѣ, и визиты и контровизиты дѣлаю по запискѣ и по режистру: ни о какой матеріи по пендантски съ доказательствами не болтаю, и какъ надобно благородной дамѣ, перебѣгаю изъ матеріи въ матерію. Да яже и въ законѣ пверда. Часто я грѣшу, да часто и каюся. Ежели что о комъ и поносное молвлю; такъ передъ людьми скажу такъ, а передъ Богомъ переговорю. Мужа не люблю я по антипатіи: дочери препятствую я въ вашей кари-

каришпандеціи попассіи кЪ тебѢ. Что во мнѢ манкируетЪ и что тебѣ меня любить ампешируетЪ? ИмѢй компассію! А я тебѣ капитально рапитирую, что ты меня смертно фрапируешЪ.

Тимантъ.

ВсѢ ваши достоинства, о которыхЪ вы выговорили, и о которыхЪ знаемо всѣмЪ, меня не плѣняютЪ, когда я любовію моею, кЪ вашей дочери прилепляюся, почитая ее только упѣхою сердца моево, и щастіемЪ моей жизни.

Миподора.

ТакЪ я ее за тебя не выдамЪ.

Тимантъ.

А я письмо ваше ко мнѣ покажу вашему мужу.

Миподора.

ТакЪ ты безчестной будешь человѣкЪ, когда ты любовницыны письма станешЪ показывати, сЪ нею поссорився.

Тимантъ.

Не достоинЪ тотЪ жизни, кто поссорився сЪ любовницей письма ея ради поношенія показываетЪ: а вы моею любовницею не бывали: да меня сЪ моею любезною разлучаете.

Миподора.

Не выдамЪ я дочери.

Тимантъ, отходя.

А я письмо твое теперь же покажу. . .!

Миподора.

СвирѢпой!

Олимпія на встрѣчѣ ему останавливаетъ.

Постой! Или забывай меня вѣчно!

Тимантъ, бросясь передъ нею на колѣни.

Сжальтеся надъ нами!

Миподора.

Что мнѣ дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ.

Палестра.

Что такое!

Тимантъ, поставъ.

Ничево.

Барварисъ пошедъ.

Не загорѣлось ли. . . .

Корнилій пошедъ.

Жива ли она? . . . По лѣкаря, по лѣкаря. . . Кровь . . . По отца духовнова!

Тимантъ.

Обойдетися, сударь, дѣло и безъ тово.

Корнилій.

Каковъ у нея пульсъ?

Тимантъ.

Не рабѣйте!

Кор-

Корнилій.

Какъ не рабѣть? . . . Ежели ты таковъ щастливъ будешъ и такъ нѣжно и горячо Олимпіею будешъ любимъ; такъ ты узнаешъ, сколько вѣрная жена мила мужу.

Барбарисъ.

И я вѣрную жену имѣть буду, получивъ отъ васъ милостивое соизволеніе, на вашей жениться дѣвушкѣ.

Корнилій.

До товоль теперь! . . . Не до тебя. . .

Барбарисъ.

Вотъ такъ то въ приказахъ судьи говорятъ иногда челобитчикамъ: не до тебя . . . Ему не до нево, а онъ съ голоду умираетъ.

Корнилій.

И судья въ приказъ не поѣдетъ, когда жена умираетъ.

Барбарисъ.

Иной и тогда не поѣдетъ, когда у нево сука ощенится,

Миподора.

Радость моя! Я отдохнула; позволяй ему, вить ево свадьба ни укого въ дорогѣ не стоитъ. Барбарисъ! Хотя ты попытайся помочи мнѣ.

Барбарисъ.

Я, сударыня, не лѣкарь, и крови пускать не умѣю.

Тимантъ.

Ни кто вамъ больше не поможетъ, кромѣ себя самой.

Корнилій.

Отдохни, да примемся за зговоръ: а мы порадуемся: а потомъ обвѣнчаемъ ихъ, да дождемся внучатъ: а ты будешъ бабушка.

Тимантъ.

Не тревожте больше, ни себя ни насъ!

Корнилій.

Говори, свѣтъ мой.

Миподора соглашается, махнупъ рукою.

Корнилій.

Да вить ты въ памяти; такъ ето и словомъ утвердить можно!

Миподора.

Будь по вашему!

Олимпія.

Не опмѣните, матушка своей ко мнѣ милости! А вы во мнѣ всегда усердную будете имѣти дочь.

Тимантъ.

А во мнѣ благодарнова зятя.

Конецъ комедіи.

ВЗДОРЩИЦА,

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АСИРЪ.

БУРДА жена ево.

РОЗАЛІЯ дочь ихЪ.

ЕРАСТЪ женихЪ РозаліинЪ.

ФИНЕТТА служанка.

РОЗМАРИНЪ слуга.

ДУРАКЪ.

ВЗДОРЩИЦА,

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бурда, Розмаринъ и Финетта.

Бурда.

Финетта! . . Розмаринъ, Розмаринъ, Финетта! . . . Или они померли, или съ ума сошли! . . . Финетта, Розмаринъ!

Финетта.

Чево изволите?

Розмаринъ.

Что прикажите?

Бурда.

Вы только то помните, что вы помолвлены, да целуетесь: /а госпожу то и позабыли?

не

не можно васЪ докричаться? Инда я осипла. ГдѢ вы были?

Финетта.

Я, сударыня, шила.

Розмаринъ.

Она, сударыня, шила. . . .

Бурда.

Да ты что дѢлалъ?

Розмаринъ.

Она, сударыня, шила. . . .

Бурда.

Да ты о себѢ говори.

Розмаринъ.

Вы не даете мнѢ договорить. Она, сударыня, шила. . . .

Бурда.

Я не о ней спрашиваю; ты что дѢлалъ?

Розмаринъ.

Я вамъ доносилъ то, что она шила. . .

Бурда.

Ето ужъ я слышала.

Розмаринъ.

И при томъ пѢла она пѢсню. . . .

Бурда.

Я не о ней съ тобою говорю. . . .

Роз-

Розмаринъ.

А я пѣсню ему слушалъ, вить вы знаете, что я до музыки охотникъ, и что и самъ при-пѣваю.

Бурда.

У меня ты скоро и свиньею завизжишь.

Розмаринъ.

Я сударыня, самецъ, а не самка; такъ прикажите мнѣ лутче визжать боровомъ!

Бурда.

Ты еще балагуришъ! . . . А ты гдѣ была?

Финетта.

А я Розаліи чай подавала.

Бурда.

Какой теперь чай! Уже обѣдъ на дворѣ.

Финетта.

Девятой еще часъ.

Розмаринъ.

И по солнечнымъ такъ часамъ.

Бурда.

Мои часы вѣрны.

Финетта.

Ваши часы ушли.

Бурда.

Нѣтъ, солнце отстало.

Розмаринъ.

И то можетъ быть.

Бурда.

Кто тамъ такъ давиче шумѣлъ?

Розмаринъ.

Дуракъ нашъ.

Бурда.

Развѣ онъ съ ума сошелъ?

Розмаринъ.

Въ немъ ево и не бывало.

Бурда.

Надобно ево учить,

Розмаринъ.

Дурака никогда не научишъ. А шуму какъ не быть, когда дураки въ домѣ,

ЯВЛЕНІЕ II.

Бурда, Розмаринъ, Финетта и Дуракъ.

Дуракъ.

Да барыня то меня поитъ да кормитъ, одѣваетъ и обуваетъ, и здѣлала мнѣ конфидератскую шапку, да и перушко воткнула.

Бурда.

А ты много шумишь.

Дуракъ.

Едакая бы барыня и не нашему брату, каковъ я, и мужу ея годилась. Ево и меня дураками

раками называютъ: а ее никто: меня за то что я въ пестромъ хожу платьѣ; будто человѣкъ глупъ и уменъ по платью! По платью встрѣчаютъ только, а провожаютъ по уму: а ево зовутъ дуракомъ за то, что онъ по женниной пляшетъ дудкѣ. Что дѣла кому до етова, по чьей бы дудкѣ я ни плясалъ? . . . Розмаринъ! Да когда баринъ атъ нашъ по ея дулкѣ плясалъ, и когда она на дудкѣ играла. Видалаль ты ето Финетта? А я етова не видывалъ: а вить я хотя и дуракъ; а глаза уменя есть. Добрая ты Барыня! за тебя то я шумѣлъ.

Бурда.

За меня!

Дуракъ.

Какъ же не за тебя? Какой то ѣхалъ, мимо нашева двора господинъ, и хахоча говорилъ товарищу своему: тутъ то де вздорная то живетъ барыня.

Бурда.

Кто ето обо мнѣ скажетъ! Ты дуракъ; такъ ты дурацкое и выдумалъ.

Дуракъ.

Да уши то у меня не дурацкія.

Финетта.

Ослышился ты.

Розмаринъ.

Во снѣ ты ето видѣлъ.

Дуракъ.

Я уже часа сдва проснулся.

Финетта.

Пустое ты мѣлишь.

Дуракъ.

Я и молоть не умѣю: да и мука мнѣ не надобна; по милости господской, я и сытъ и пьянъ. Барыня такъ ли? Не поишь ли ты меня водкою, и не кормишь ли пирогами?

Бурда.

Или ты пьянъ, можетъ быть.

Дуракъ.

Нѣтъ, я больше пьянъ не буду ни когда; проучили меня. Помнишьли какъ съ меня едакой кафтанъ, у пьянова на улицѣ стащили. И спать помѣшали мнѣ, и кафтанъ мой взяли. На что они ево съ меня сняли, вить у нихъ кафтаны есть! А кафтанъ атъ у меня одинъ былъ. Я имъ кафтана то не давалъ, и чудь было лежа на улицѣ въ одной рубашкѣ не замерзъ. Помилуетъ Богъ, вотъ ихъ; Розмаринъ меня спасъ отъ морозу и привелъ домой: а Финетта горячей водой меня напоила. Вотъ ты, барыня, говоришь: дураки де худыя дѣла дѣлаютъ: а ето развѣ хорошее дѣло, которое умныя по люди здѣлали? Я ихъ ни бивалъ, ни бранивалъ: а они было меня ознобили. Чѣмъ было имъ дурака побѣречь и пьянова домой отвести: а они было меня докарнали. Нѣтъ, барыня, плохи стали нынѣ люди.

Роз-

Розмаринъ.

Они и всегда таковы были.

Дуракъ.

За чтожъ вы умныхъ то людей хвалище? Я и дуракъ а епова не здѣлаю. . . А ето отъ чево, барыня, что между мѣлкихъ людей въ едакомъ платьѣ, въ какомъ я, многихъ я видаю: а господа въ такомъ платьѣ не ходятъ?

Бурд.

Ето платье дурацкое, такъ намъ какъ ево носить?

Дуракъ.

Да развѣ между бояръ то ни дураковъ, ни дуръ нѣтъ?

Розмаринъ.

Столько же какъ и между просто людимовъ.

Дуракъ.

Для чевожъ и ихъ такъ не наряжаютъ?

Розмаринъ.

Для тово что въ нихъ господская кровь: а господская кровь, говорятъ, почтеннѣе нашей.

Дуракъ.

Такъ поучи дурака и раскажи мнѣ, братъ, ето: когда барская кровь лутче нашей; такъ и блоха та почотняе, которая кровь барскую сосетъ?

Розмаринъ.

Когда кровь ихъ почтенняе; такъ и блохи тѣ благородняе.

Дуракъ.

Каковажъ блохи по тѣ ранга?

Розмаринъ.

Они съ картежниками, которыя господскихъ обыгрываютъ дѣтей, считаются старшинспівомъ: блохи тѣмъ знатны, что они господскую кровь высосываютъ, а картежники тѣмъ знатны, что они господскія высосываютъ деньги.

Дуракъ.

О! такъ блохи то высокова ранга: мнѣ кажется что передъ ними нада и шапки скидывать.

Розмаринъ.

Передъ блохами и часто шапки скидаютъ: а особливо передъ тѣми, которыя больно кусаются.

Дуракъ.

Да какая мнѣ до блохи то нужда; вить она меня ни кормитъ, ни поитъ.

Розмаринъ.

Что бы не такъ больно и поменше кусала.

Дуракъ.

Да вить и клопы иныя господской же питаются кровью?

Розмаринъ.

Они рѣдко ето питье пьютъ, подобно какъ рѣдко пьютъ господскіе слуги самое хорошее вино.

Ду-

Дуракъ.

А я чаялъ то, что клопы то почотняе и блохъ; намѣдни меня ко клопу то привели въ гости: такъ у нево и господъ и госпожъ пуча: иныя пляшутъ, иныя прыгаютъ, а иныя около пеструхи прутся: когда господа то и дѣла то дѣлаютъ?

Бурда.

Вотъ тому то вы ево учите: пойди дуракъ; ужъ ты заболтался.

Дуракъ.

И вы умныя не менше насъ болтаете: даромъ то что на васъ не такое, какое на мнѣ платье.

ЯВЛЕНІЕ III.

Бурда, розмаринъ, и Финетта.

Бурда.

Ето онъ отъ васъ наслышался, что будто есть и господа такія, которыя дурацкова платья достойны. . . . Я васъ доѣду.

Розмаринъ.

Мы знаемъ ето, что такія господа есть. . .

Финетта.

И госпожи. . . .

Розмаринъ.

Не безъ тово та.

Бурда.

Вонъ съ едакими рѣчьми!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бурда одна.

Сколько ни преодолѣваюся; да никакъ не льзя не сердиться ежеминутно: и слуги и служанки, и мужъ и дочь меня смущаютъ. И всѣ не такъ разсуждаютъ какъ я. Я разсуждаю о всемъ прямо: а другія всѣ криво. Нѣтъ ни чево досадняе, когда кпо не правильно противорѣчитъ. Да ужъ и дурака мнѣ досаждати научили.

ЯВЛЕНІЕ V.

Асирь и Бурда.

Асирь.

Жена, послала ли ты по Ераста?

Бурда.

Я кликала и малова и дѣвку и насилу ихъ докликалась: хотѣла было Розмарина за етимъ послать, а не докликався ихъ, и заболтаяся и съ ними и съ дуракомъ, и позабыла то за чѣмъ я ихъ кликала.

Асирь.

Асиръ.

Ето еще поправить можно.

Бурда.

Да я посылать по Ераста пошеряла уже охоту, а между тѣмъ иныя получила мысли.... Я дочери поищу другова жениха.

Асиръ.

Севодни положено быти сговору; такъ ужъ позно перемѣнять намѣреніе. Да чѣмъ онъ тебѣ вдругъ не показался? Вить онъ не виноватъ, когда ты своихъ людей не скоро докликалась?

Бурда.

Что ты ни пой: а я ей другова жениха сыщу.

Асиръ.

Етотъ человѣкъ достойной и достаточной, да и она ево любитъ.

Бурда.

Не хочу.

Асиръ.

Ради чево?

Бурда.

Ради тово, что не хочу.

Асиръ.

Опять ты завздорила.

Бурда.

Я никогда не вздорю: а правду говорить можно.

Асиръ.

По чему ето правда?

Бурда.

По тому что правда.

Асиръ.

Какое доказательство етой правды?

Бурда.

Доказательство такое, что я такъ хочу.

Асиръ.

Ето доказательство очень сильно: да полно у тебя и на все едакія доказательства: и всѣ твои мысли ни какова не имѣютъ пустнова основанія.

Бурда.

Такъ и я по етому беспутная?

Асиръ.

Какъ же не беспутная? Въ понедѣльникъ не выѣзжаешъ ты ни въ деревни ни изъ деревень: коли тринатцать закушеньемъ человѣкъ; ты не станешь ни обѣдать, ни ужинать: коли просыплютъ соль; ты изъ застола выскочишь. Помнишь ли ты какъ мы прошлова лѣта изъ Москвы въ деревню ѣхали, и что отъѣхавъ уже съ двѣсти верстъ отселѣ, за пятьв ерстъ отъ деревни, сколько мы съ тобой шумѣли, для тово что ты въ Москву поворотиться хотѣла, испужався, что заяцъ перебѣжалъ дорогу.

Бурда.

Бурда.

Да ето все опасно: а тринатцать то человѣкъ и соль, сказываютъ и за моремъ опасностью ставится.

Асиръ.

Будто за моремъ и дураковъ нѣтъ!

Бурда.

Однако лутчія то къ намъ товары оттолѣ привозятъ.

Асиръ.

Будетъ ето со времянемъ и у насъ.

Бурда.

Улита ѣдетъ: коли то будетъ.

Асиръ.

Тогда, когда едакихъ улитъ, какова ты, то мѣньше будетъ.

Бурда.

Нѣтъ, тогда развѣ, когда едакихъ, каковъ ты дураковъ, поменьше будетъ.

Асиръ.

Ошалѣла ты.

Бурда.

А ты и никогда не бывалъ уменъ, и говоришъ ты что я ошалѣла: нынѣ я въ полномъ разумѣ: а ошалѣла я тогда, когда за тебя за мужъ вышла: правда ето что суженова и конемъ не объѣдешъ.

Асиръ.

А ЕрастЪ атЪ дочери твоей суженой или нѣтЪ?

Бурда.

НѢтЪ.

Асиръ.

А я докажу тебѣ что онЪ ей суженой.

Бурда.

А я докажу тебѣ что ты не угадалЪ. Да и кофе намнясь тоже почти показывало: по картамЪ на ту же стапть выходило. Да какЪ ЕрастЪ атЪ и желаніе свое намЪ объявилЪ: такЪ во всю тово дня ночь у насЪ на кровлѣ ворона сидѣла, а на улицѣ собака лаяла: а ето знаки худыя; такЪ и хорошо, что я дочь выдавати за Ераспіа раздумала.

Асиръ.

Коли етова невѣстамЪ дожидаться, что бы на улицахЪ не лаяли собаки; такЪ и свадебЪ ни когда не будетЪ: а что собаки лаютЪ, такЪ етова и я не люблю.

Бурда.

ТакЪ, вотЪ, и ты етова не хвалишЪ.

Асиръ.

Ето безспокойно; я ради тово собачья не люблю лаянья, а твой мнѣ лай еще и пропивняе.

Бурда.

Собака то ты, а не я.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Асиръ, Бурда и Дуракъ.

Дуракъ.

Барыня, гдѣ же барышнинъ атъ жейихъ? Ты вчера сказала, что севодни зговоръ будетъ; а мнѣ красная шапка.

Бурда.

ВотЪ два дурака на меня навялились.

Дуракъ.

Да для чевожъ ты и ему такова же какъ у меня не здѣлаешъ платья. БаринъЪ! И тебѣ севодни красная шапка.

Асиръ.

Изъ терпѣнія ты меня выводишъ. СЪ тобой ни кто не уживется.

Бурда.

Ни какъ ты черезъ край хватилъ севодни; такъ у тебя отъ питья то умъ помѣшался!

Дуракъ.

Такъ и ты братъ етова держишься?

Асиръ.

Дура! Когда ты меня пьянова видала?

Дуракъ.

И она нашева поля ягода?

Асиръ.

Я тебѣ говорю, что ты севодни одурѣла.

Бурда.

Бурда.

А ты давно одурѣлъ.

Дуракъ.

Баринъ! Такъ ты давно въ етомъ чину?

Асиръ.

Съ тово времени какъ на ней женился.

Дуракъ.

Долго ты въ етомъ чину завалялся! А еще господинъ! Нашу братью такъ не производятъ. А ты и дворянинъ, и грамотѣ горазд: а все въ одномъ чину! Развѣ дураковъ то въ большія чины не производятъ?

Бурда.

Въ семьѣ не безъ урода.

Дуракъ.

Какъ же они дѣла то правятъ? Екакія бояра то! Дуракъ: а дѣло правитъ! для чево и я не бояринъ! Можетъ бы быть и я былъ на воеводствѣ.

Асиръ.

Опомнись и не колоброд: а я по Ераста то пошлю.

Бурда.

Заткни горло то!

Дуракъ.

Пошли! А мнѣ тапку.

Бурда.

Заткни и ты горло то!

Ду-

Дуракъ.

БаринЪ! Едакая намЪ честь.

Асиръ.

Етова отмѢнить не льзя: есть пословица: давЪ слово, держись ево, а не давЪ крѢпись, и не обѢцайся, не подумавЪ.

Бурда.

ЧевожЪ ты хочешЪ? . . . Пошли кЪ нему хотя троихЪ.

Дуракъ.

Барыня! А шапка то? . . . А ты баринЪ; дай мнѢ рукавицы, да красныяжЪ.

Асиръ.

Хорошо.

Бурда.

Не будетЪ ему ни рукавицЪ ни шапки. А ты за ЕрастомЪ то хотя самЪ побѢги.

Асиръ отходя.

Фу! Какая дурища!

Бурда.

Ты дурачища.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурда и Дуракъ.

Дуракъ.

Ты называешъ дуракомъ ево, а онъ тебя; оба ли вы говорите на стапь, или для поговорки полько? Да полно господа лгапь не станутъ. Ей, машка! Нарядитесь и вы въ такое же плапье какъ я, что бы и люди васъ узнали что вы дураки: а безъ тово по чему узнаешъ?

Бурда.

Пойдижъ вонъ,

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бурда. одна.

Заѣла я свою молодоспь, вышедъ за едакова урода. А я ему никогда не дѣлала измѣны: да и нынѣ ево люблю. Человѣкъ онъ доброй и не глупой; да что и въ ево добротѣ и разумѣ, когда мнѣ онъ досаждаетъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бурда и Розмаринъ.

Розмаринъ.

Ерастъ будетъ, сударыня.

Бурда.

Хотя вы оба сквозь землю провалитесь.

Розмаринъ.

За что такая немилость.

Бурда.

За что ни есть.

Розмаринъ.

Меня, сударыня, посылалъ баринъ.

Бурда.

У меня разума въ мизинцѣ больше, нежели въ обѣихъ вашихъ головахъ.

Розмаринъ.

На что мнѣ и разумъ, когда онъ безъ покрышки?

Бурда.

У меня безъ покрышки разумъ?

Розмаринъ.

Нѣтъ сударыня! Я не къ вамъ ето говорю: а говорю, что на что мнѣ разумъ, когда онъ не покрытъ.

Бурда.

А мой покрытъ: да и гораздо покрытъ.

Роз-

Розмаринъ.

Кто инако овасъ и думаетъ.

Бурда.

Да хотя думай, хотя нѣтъ.

Розмаринъ.

У васъ сударыня, умъ съ покрышкой, однако конечно господа всякіе еспь: вить и лошади не одинаковы: иную въ карету впрягаютъ: а иную въ телегу.

Бурда.

Коли бы я лошадь была; я бы конечно телеги не возила: едакая кобылица годилася бы и на стойло.

Розмаринъ.

Избавь Боже отъ такова заводу! И ежели бы жеребята по отъ васъ укидывалися по матушкѣ, такъ бы они и дышлы, и оглобли, и колеса всѣ переломали.

Бурда.

Такъ бы я по твоему ни куда негодилася?

Розмаринъ.

Етова сударыня, я не говорю.

Бурда.

Да чтожъ ты говоришъ?

Розмаринъ.

Я говорю, что вы съ лишкомъ ретивы, такъ васъ бы не только впрячи куда, да и обуздать бы было трудно, и ради того то вы родилися человѣкомъ а не лотадью. Когда бы вы изуродовали

довали возницу будучи лошадью, такъ бы ето и пропало; потому что лошади законамъ не подчинены; хотя и люди по не всѣ законамъ повинуются.

Бурда.

Да лошадей то и безъ вины стегаютъ.

Розмаринъ.

Стегаютъ и людей безъ вины иныя господа: да и продаютъ ихъ такъ же какъ и лошадей,

Бурда.

Да вить между неблагороднова то человѣка и лошади и разности то не много.

Розмаринъ.

Мы, сударыня, ни воронопѣгими ни гнедопѣгими никогда не рождаемся: да все такими же пестрыми, какими и вы, и сѣна не ядимъ.

Бурда.

Какъ то ни есть: да вы не дворяня.

Розмаринъ.

Не дворяня, не дворяня! будто дворянское то имя и первое на свѣтѣ достоинство! Будто то великое тогда титло, когда я лицемъ кошавцу сѣсть не умѣю.

Бурда.

Да ты посмотри различіе и осанки нашей...

Розмаринъ.

Индѣйской пѣтухъ и васъ осанистяе; да ить не говоришь же о немъ: его высокопревосхо-

Бурда.

Индѣйской атъ пѣтухъ почтенняе холопа; они у насъ и на столахъ бываютъ: а вы стоите за нашими стульями.

Розмаринъ.

Я, сударыня, етой чести не желаю, что бы меня изжарили; лутче живому быть за спуломъ, нежели жареному на столѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Бурда, Розмаринъ и Финетта.

Финетта.

Ерастъ пріѣхалъ, сударыня.

Бурда.

Повѣсься къ нему на шею.

Финетта.

Ето не учтиво, сударыня, ежели служанка господину на шею повѣсится; не изволите ли вы ему ету здѣлать честь?

Бурда.

Помнишьли ты то, что я барыня твоя?

Финетта.

Да и онъ боярской сынъ, и женихъ моей барышнѣ.

Бурда

Бурда.

Такъ вы съ нею и вѣшайтеся ему на шею. я ни тебя, ни ево, не хочу и видѣть.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Финетта одна.

Она съ ума спятила, да и насъ видно всѣхъ ума сведетъ. Едакая барыня!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Розмаринъ, Финетта, и Дуракъ.

Дуракъ.

Братья! Женихъ атъ далъ мнѣ денежку: вся вызолочена. Куплю себѣ чирики, покаесть позолота не слиняетъ: етта купилъ я золоченой пряникъ: а онъ и полинялъ; видно по то руской золотилъ: а денежку то золотилъ зоземецъ: смотрите-тка: какъ жаръ горитъ: ая денежка: у меня еще двѣ денежки есть; тѣ отдамъ позолотить. . . . Что братъ! Богатая денежка!

Розмаринъ.

Богатая: да не потеряй ее.

Дуракъ.

Она у меня на шеѣ, въ машонкѣ будетъ.... Сестра! Знатная денежка!

Финетта.

Знатная: да у тебя ее кто нибудь выманитъ.

Дуракъ.

Меня не скоро оплетутъ. А блиновъ и горохова киселя, я ѣспь не стану, какъ бы я ни проголодался.

Розмаринъ.

Для чево такъ?

Дуракъ.

Епта за два блина, да за краюху киселя взяли съ меня серебряной пятикопѣишникъ: гораздо больше епой денежки; такъ дворецкой нашъ говорилъ: обманули де тебя: епотъ де пятикопѣишникъ былъ полтинной. Сестра Вить полтина пятикопѣешника дороже?

Финетта.

Въ десятеро дороже.

Дуракъ.

Едакія они добрыя люди! . . . Чево ето десяцкія по смотрятъ? Едакія обманщики и до умныхъ доберутся! . . . Въ Москвѣ едакъ и дураковъ не будетъ.

Розмаринъ.

Етова товару много, и не скоро ево выкупишь

Ду

Дуракъ.

Сеспира! На шпо меня бояра шо держатъ? Вить я пѣсенъ пѣть не умѣю.

Финетта.

Ты человѣкъ доброй; а умеръ бы ты съ голоду, ежели бы тебя люди не кормили и не поили?

Дуракъ.

Да я и ѣмъ и пью самъ.

Розмаринъ.

Дураки въ великой модѣ: будетъ ли такое когда время, что бы въ такой модѣ были разумныя люди!

Дуракъ.

Умныя то не въ диковинку: а насъ мало.

Розмаринъ.

Много; да не многія въ едакомъ платьѣ ходятъ. . . . Пойдемъ Финетта; спросятъ насъ за чѣмъ нибудь.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Дуракъ одинъ.

НѢтъ меня щастливяе во всей Москвѣ! Ѣмъ пью, сплю, одѣваюсь, обуваюсь хорошо. Голо у меня ни когда не болитъ: брюхо не вурчитъ да у меняжъ еще и золотая денежка. Всѣ ме любятъ, и мнѣ многія говорятъ то: не дери не лги, не крадь, не бранись, не обманывай люби и почитай господъ, въ праздники ходи церьковь: и ежели де ты ето дѣлати станеш такъ тебѣ хорошо и на томъ свѣтѣ будетъ а я все ето дѣлаю, зовутъ меня дуракомъ: самыя то умныя люди въ старину бывали, а ны ихъ и всѣхъ то сказываютъ не много; так ли въ старь работа бывала! Что нынѣ ни зд лаютъ, портится скоро: а солнце то да мѣся не испорчены еще и по нынѣ, да и починки им не надобно.

ЯВЛЕНІЕ. XIV.

Асиръ, Ерастъ, Розалія, и Дуракъ.

Дуракъ.

Женихъ! Я на твою денежку куплю себ чирики; да не слезетъ ли съ нея позолота?

Ерастъ.

НѢтъ.

Асиръ.

Пойди теперь отселѣ.

Дуракъ.

А рукавицы то?

Асир

Асиръ.

БудутЪ, будутЪ.

Дуракъ.

Да не такія какЪ извощики носятЪ: у нихЪ чорныя; а мнѢ ты красныя посулилЪ.

Асиръ.

Хорошо! Пойди, пойди.

Дуракъ.

Не солгижЪ БаринЪ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Асиръ, Ерастъ и Розалія.

Асиръ.

Радуюся, что и ваше и мое желаніе къ окончанію приходитЪ.

Ерастъ.

А вы, сударь, будете во мнѢ имѢть не зятя, да сына.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Асирь, Ерастъ, Розалія, и Бурда.

Бурда, услышавъ Ерастопу пходя рѣчь.

А я въ тебѣ ни сына, ни зятя видѣть не хочу.

Асирь.

Что онъ тебѣ здѣлалъ.

Бурда.

Слыханоли ето! Зговаривати дочь безъ матери!

Асирь.

Да не сама ли ты не пошла, какъ я и Розалія тебя ни просили? И не ты ли сказала: зговаривайтеся безъ меня?

Бурда.

Что бы я ни сказала; да я мать.

Асирь.

На чтожъ ты пакъ давиче и сказала.

Бурда.

Какъ я ни сказала, и что я ни говорила: а стому не бывать.

Асирь.

Для чево?

Бурда.

Мнѣ твое для чево, пуще смерти. . . Не выдаю я дочери за нево.

Асирь.

Асиръ.

Да я выдаю.

Бурда.

ВрешЪ пы.

Асиръ.

ПойдижЪ вонЪ дура.

Бурда.

Ежели ты ето безЪ меня Розалія здѢласшь; такЪ пы миѢ не дочь.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Асиръ, Ерастъ и Розалія.

Ерастъ.

НравЪ ея очень тяжелЪ.

Асиръ.

НесносенЪ.

Ерастъ.

ЧтожЪ намЪ, ко исполненію нашева предпріятія, начинашь?

Асиръ.

ЗговариватЬ васЪ, не взирая на ея брѢдни.

Розалія.

Не лутче ли попытаться ее уговоритЬ?

Асиръ.

УговоритЬ ее, ни чѢмЪ не можно; она ни какихЪ доводовЪ никогда не принимаетЪ, и кромѢ ворожей ни кому не вѢритЪ.

Ерастъ.

Всево бы лутче было, ежели бъ какова бродягу сыскать и употребить ево на пользу.

Асиръ.

А вотъ я подумаю, какъ бы до етова дойти, ежели можно.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Ерастъ и Розалія.

Розалія.

Не повѣришь ты возлюбленный мой Ерастъ, какая мнѣ опъ своенравія матушкина, каторга. Коли бы ето было временно; такъ бы уже тѣ часы помучився послѣ отдохнуть было можно. А то нѣтъ ей ни поста, ни празника мнѣ къ отдохновенію. И каторжники отдыхаютъ: а я никогда: тѣмъ только облегчаюся, чпо я къ етому уже привыкла.

Ерастъ.

Мы въ другомъ домѣ жить будемъ, хотя батюшка вашъ и уговаривалъ меня къ вамъ переѣхать.

Розалія.

Избави тебя господи!

Ерастъ.

Ерастъ.

Батюшка и самъ послѣ сказалъ такъ: хотя де у меня и одна дочь; однако лутче вамъ жить особливо, что бы не было, а паче не привычному человѣку всечаснова беспокойства.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Ерастъ, Розалія и Дуракъ.

Дуракъ.

Какой то къ намъ пріѣхалъ. . . Пришолъ ли чтоль. . . Куда какой! . . . Да такой страшной! . . . Спѣсивой. . . . Ни на ково не смотритъ. . . Ни водки, ни пива не пьетъ. . . Такъ сказали. . . . Привезли ево больша, изъ заморя. . . Фу какой!

Розалія.

Кто ето?

Дуракъ.

Я не знаю: . . . Онъ и глазъ не кажетъ . . . спиною смотритъ на всѣхъ. . . . Конешно у нево и на спинѣ глаза.

Розалія.

Да кто онъ?

Дуракъ.

Вить я ево въ лицо не видалъ.

Розалія.

Да какъ говорятъ о немъ?

Ду-

Дуракъ.

Какъ говорятъ! Да къ нему никто и подступить не смѣетъ.

Розалія.

Гдѣ они едакова урода подцепили?

Ерастъ.

Нарядили ково нибудь.

Розалія.

Кто подъ бродягу поддѣлаться умѣетъ?

Дуракъ.

Да наряженъ, и въ едакое платье какъ наши братья дураки по Москвѣ ходятъ. . . Ни какъ и онъ тойже статии! . . . Да ето чудно: дуракъ, а спѣсивъ.

Ерастъ.

Дураки всѣ спѣсивы.

Дуракъ.

Не дѣло говоришь, бояринъ; я первой не спѣсивъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Ерастъ, Розалія, Финетта и Дуракъ.

Финетта.

Какой то мудрецъ у насъ.

Розалія.

Мы дознался, что нашъ Дуракъ ево видѣлъ. Да гдѣ онъ?

Финетта.

Въ людской сидитъ комнатѣ: люди всѣ высланы; да и окошки затворены.

Ерастъ.

Для чево ето?

Финетта.

Что бы солнце во глаза ему не свѣтило и не мѣшало размышлять.

Розалія.

Да какъ же ты ево видѣла?

Финетта.

Онъ къ людямъ спиною сидитъ: а я ево видѣла въ спину.

Дуракъ.

Солгалъ ли я вамъ. И въ дурацкомъ платьи, Финетта? Такъ ли?

Финетта.

Во страномъ, матушка, онъ платьи.

Ду-

Дуракъ.

Вотъ бояра! все правда.

Розалія.

Ну какъ онъ навретъ матушкѣ по что намъ не въ пользу? . . . Отнеси къ нему, Финетта имперіялъ.

Финетта.

Да онъ не возметъ.

Розалія.

Возметъ, вить онъ ворожея: ворожеи деньги любятъ: возьми, и прополкуй ему, что мнѣ надобно.

Дуракъ.

Боярыня! Много ты дала: цѣлой пятикопѣишникъ, да еще и позолоченой, вить позолоченыя то пятикопѣишники дороги!

Розалія.

Отнеси Финетта.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Ерастъ, Розалія и Дуракъ.

Дуракъ.

Барышня! А мнѣ ты такова подарка не дашъ! Женихъ атъ твой не такъ скупъ.

Ерастъ.

Вотъ тебѣ еще золотая денежка.

Розалія.

Вотъ и отъ меня.

Ду-

Дуракъ.

Да не копѣйкиль полно ето?

Ерастъ.

Конечно, копѣйки, а не денежки.

Дуракъ.

Ой?

Розалія.

Конечно.

Дуракъ.

Такъ у меня цѣлой позолоченой алтынъ и сапоги куплю: да и грѣшнивиковъ подхвачу; а остальное отдамъ нищимъ; вить и они ѣсть хотятъ. Бояринъ! Вить какъ нищему то ни кто не подастъ; такъ онъ и съ голоду умретъ.

Ерастъ.

Ето правда.

Розалія.

Посмотримъ, дорагой Ерастъ, какой успѣхъ мы получимъ: и етотъ ханжа исправитъ ли то, чево отъ нево требуется нами. Дожидайся своево щастія: утѣшайся надеждою: а я поговорю съ Финеттою.

Дуракъ.

Я грѣшнивиками та и васъ на кормлю.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Розалія одна.

Недежда ободряетъ меня, а страхъ во трепетъ меня приводитъ.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Розалія и Финетта.

Розалія.

Истолковала ли ты ему чево мы хотимъ.

Финетта.

На что ему толкованіе; онъ вѣдаетъ о всемъ и безъ рапорта моево. Говорятъ, будто онъ и то, что у ково на умѣ вѣдаетъ.

Розалія.

Полно врать Финетта.

Финетта.

Да какъ же онъ наши то обстоятельства всѣ подногтно вѣдаетъ, и знаетъ имена: и ваше и вашева жениха, и мое, и Розмариново?

Розалія.

Ему ето все сказали.

Финетта.

Нѣтъ, матушка, ни кто не сказывалъ.

ро-

Розалія.

Чтожъ?

Финетта.

А онъ меня узналъ и назвалъ именемъ.

Розалія.

Сказали о тебѣ.

Финетта.

Ни кто къ нему не подходилъ, и ни кто видя меня что я къ нему иду, не предускорилъ ешова ему сказать. . . . Вить я, сударыня, въ полной памяши, и ето не во снѣ видѣла!

Розалія.

Какъ то ужъ ни есть: а узнать ему тебя безъ предувѣдомленія, не естественно.

Финетта.

Матушка! Да вить онъ не естественной человѣкъ: онъ ворожея.

Розалія.

Какъ ты деньги то ему отдавала?

Финетта.

Я пришла, и молвила сперьва: ваше превосходительство, такъ онъ промолчалъ: потомъ, аше сіятельство; потомъ ваше благоутробіе: аконецъ онъ сквозь зубы, тихимъ голосомъ сказалъ: преизящество.

Розалія.

Всѣ титлы выговоренныя тобою ему не принадлежатъ. . . .

Финетта.

Преизящество то онъ себѣ именовалъ: онъ же въ лѣсу, гдѣ то живетъ.

Розалія.

А въ лѣсахъ и медвѣди живутъ, такъ и ихъ по етому преизящными называть! . . . Ну что по томъ?

Финетта.

Я сказала что я пришла къ нему доложить о нуждѣ: знаю не только всѣ нужды ваши; но и всѣ ваши помышленія, Финетта, отвѣчалъ онъ и почалъ всѣхъ насъ называть поимянно, и о всемъ томъ, чево мы отъ нево пребуемъ; какъ будто вѣкъ жилъ онъ съ нами. Изволите принять, ваше преизящество имперіялъ, говорила я, за милостивое о насъ попеченіе, и будь намъ покровитель: все отвѣчалъ будетъ, яко вы хощете: а злато возложи на главу мнѣ: я ему имперіялъ атъ на голову положила: и спрашивала, возметъ ли онъ и у меня что за неоставленіе меня: чесо ради не воспріяти подаваемаго? Да какія ты пѣнязи, то есть, монеты, то есть деньги хощеши ми подати, спрашивалъ онъ: а я отвѣчала четверть рубля: сребреныя или мѣдныя, спрашивалъ онъ: аще сребреныя, подай мнѣ въ руку: аще же мѣдныя, повергни при стопахъ моихъ, и изыди опселѣ: я деньги ему и бросила, онъ самъ такъ велѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Асирѣ, Ерастѣ, Розалія и Финетта.

Розалія.

Что ето, батюшка, за ворожея?

Асирѣ.

Какое тебѣ до етова дѣло? Знай себя, да готовься ко зговору.

Ерастѣ.

Мы ето знаемъ: а тебѣ етова до времяни знать не надобно: послѣ свѣдаешъ.

Розалія.

Конечно вы ково ни будь бродягою то наряди ли?

Асирѣ.

Нѣтъ.

Финетта.

Куда какой онъ премудрой.

Ерастѣ.

Ежели бы не былъ онъ излишнею премудростію исполненъ; сталъ ли бы онъ щалить.

Асирѣ.

Пойди же Финетта, да скажи женѣ, что пришолъ къ намъ перьвостепенной колдунъ.

Финетта.

Слышу, сударь!

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Асиръ, Ерастъ, и Розалія.

Розалія.

Конечно епю шутка!

Асиръ.

Не шутка: а ханжи едакія и всѣ таковы; такъ чему дивиться. Пускай онъ брѣдитъ: а намъ будетъ польза.

Розалія.

Не будетъ ли изъ епова намъ какова поношенія, что мы едакова ханжу въ домъ пустили?

Асиръ.

Крайность извиняетъ насъ; матери твоей, кромѣ бродяги ни кто не уговоритъ.

Розалія.

Да какъ не поимаютъ едакова бродягу?

Асиръ.

Думаютъ о немъ то, что онъ сумасшедшій.

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Асиръ, Ерастъ, Розалія и Финетта.

Финетта.

Сказала я боярынѣ. . . . Она отъ радости внѣ себя.

Асиръ.

Что она говоритъ?

Финетта.

Велѣла ево привести въ верьхъ: я ето въ низу сказала: и ужъ ево ведутъ.

Асиръ.

Подожди же ты здѣсь, и съ нимъ побудь, поколь жена прийдетъ: мы допустимъ ее прежде съ нимъ переговорить, и здѣлаемъ ей ету честь.

Финетта.

Да я одна то на единѣ съ нимъ быть боюся.

Асиръ.

Вить онъ тебя не съѣстъ!

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

Финетта одна.

Куда великія то люди спрашны! Спрашняе волка: а еще мудрецовъ то хвалятъ: на что мудрости такія, которыя людей обезображиваютъ и отводятъ отъ природныя простоты!

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

Финетта и Вороже я.

Вороже я.

Рцы чадо, скоро ли прійдетъ семо начальница дома сего, и возвѣсти ми пришествіе ея.

Финетта.

Скоро прійдетъ.

Вороже я.

Возвѣсти ми дщи: гдѣ днесь супругъ ея, и Розалія чрева ея плодъ?

Финетта.

Всѣ прійдутъ: а сперьва прійдетъ барыня... Да скажи и мнѣ что ни будь хорошенькова.

Вороже я.

Покажи ми сердце свое!

Финетта.

Да оно у меня вЪ нутри! а сЪ наружи ево не видно.

Вороżея.

Проникну очами.

Финетта.

ГосподинЪ ворожея, я вить не стеклянная.

Вороżея.

Буди яко ты хощеши. . . . Не возрѢла ли ты на кого сЪ любожеланіемЪ?

Финетта.

Что ето такое?

Вороżея.

Не пала ли ты когда мыслію, на какова мущину?

Финетта.

КакЪ не пала, я обЪ однимЪ человѢкѢ и день и ночь мышлю.

Вороżея.

УнѢе еще что не о многихЪ. . . Кого возлюбила ты?

Финеттта.

ВЪ нашемЪ домѢ слугу.

Вороżея.

КакЪ именуется?

Финетта.

Розмаринъ: . . . Любитъ ли онъ меня, и будуль я за нимъ?

Вороже я.

О дѣво! Нещастная дѣво!

Финетта.

Что такое?

Вороже я.

Не имаши быти ему женою; не хощетъ бо тя въ жену пояти.

Финетта.

Ахъ! . . . А я твердо уповала, что онъ меня любитъ.

Вороороже я.

Горе тебѣ, дѣво!

Финетта.

Какъ не горе! Я сама на себя руки подыму; я ево какъ душу любила: едакой обманщикъ!

Вороже я.

Забуди его, и меня возлюби, не доспойнаго возрѣпи на красоту твою.

Финетта.

О! . . . Такъ ты плутъ.

Вороже я.

Поцелуй меня душенька Финетушка.

Фи-

Финетта хочетъ ийти.

А вотъ я о тебѣ раскажу; такъ тебя выгонятъ.

Вороже я.

Постой, постой! . . . Посмотри на меня Финетта!

Финетта.

Едакъ ты преобразился!... Фу батька напугалъ меня.

Вороже я.

Спасибо тебѣ, мое сокровище, что ты меня столько любишь.

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

Бурда, Финетта и Вороже я.

Бурда.

Скажи мнѣ что доброе.

Вороже я.

Погибаеши, окаянная.

Бурда.

Ахъ, преизящный!

Вороже я.

Много твориши беззаконія, и нѣсть ни единыя минуты, воеже бы не шумѣти тебѣ: отъ гласа твоего вся улица трепещетъ.

Бурда.

Да какъ ваше преизящество, не шумѣть! ВотЪ и теперь слуга провалился сквозь землю, и не знаю гдѣ ево сыскать. РозмаринЪ! РозмаринЪ!

Ворожея.

Изжени ево изЪ дома, и аще имать жену, изжени. . .

Бурда.

ОнЪ холостЪ. . .

Ворожея.

Не имать ли невѣсты или любовницы?

Бурда.

ВотЪ на етой дѣвкѣ женится онЪ хочетЪ; да и ее избаловалЪ; только и дѣла ей что на нево глаза пялитЪ.

Ворожея.

Дѣво, изыди изЪ дома сего: не возмущай души сея миролюбивыя боярыни!

Бурда.

Я етому и рада.

Финетта.

За что вы меня хотите выгнать?

Бурда.

МолчижЪ, дура! . . . ВотЪ какія досады!

Воро-

Вороже я.

Безмолвствуй дѣво!

Финетта.

Да мнѣ одной то, изъ дома не хочется.

Бурда.

ВотЪ высокопреизящный! . . . СЪ двора до-
ой негодная!

Финетта.

Мнѣ и отЪ того польза: за Розмарина
йти я раздумала; такЪ я ево и избавлюся.

Бурда.

А я тебя сильно за нево выдамЪ.

Финетта.

Силою не обвѣнчаютЪ.

Бурда.

ВотЪ, сіятельно-премудрый! . . . Можно ли
Ъ едакими людьми ужиться! Я думаю чтобЪ
они и твое благоговѣніе смутили!

Вороже я.

ТвердЪ есмЪ и постояненЪ, а ты аще не
ощеши смиренномудрія; исчезнешЪ: горе тебѣ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ.

Асиръ.

Поговорилаль ты сЪ нимЪ, Бурда?

Вороже я.

ГлаголахЪ; но не обрѣтохЪ во сердцѣ ея ни коего блага.

Ерастъ.

Какое благо; когда свою крушитЪ дочь!

Бурда.

ПередЪ такимЪ мудрымЪ мужемЪ, ты меня едакЪ обносишЪ!

Ерастъ.

Я ево высокоблагоутробію доношу правду.

Вороже я.

И змія пшєнцовЪ своихЪ не поядаетЪ. . . . Рцы ми чадо: чѣмЪ крушитЪ она дщерь свою?

Бурда.

Молчи, ЕрастЪ! Или я сЪ тобой гостинцы то раздѣлю.

Ворожея.

Вѣмъ и безъ рѣчей его, яко разлучаешъ бракъ; сотвори яко же хотятъ.

Бурда.

Ето очень тяжело мнѣ, премудрый!

Розаліи.

Я тебя, безсовѣстная!

Розалія.

А я въ чемъ виновата?

Ворожея.

Погибнешъ окаянная, аще не угомонишися и дщери препятствовати будеши.

Бурда.

Что мнѣ дѣлать! Да дай мнѣ подумати, высоко великій мудрецъ.

Ворожея.

Рцы!

Бурда.

Ахъ, мудрый мудрецъ;

Ворожея.

Рцы!

Бурда.

Выходи, воровка, за ково ты хочешЪ! Я тебя благословляю, хотя и не хочу.

Ворожея.

А дѢвушку то изжени и съ тѢмЪ... какЪ бишь ево зовутЪ?

Финетта.

Розмариномъ.

Ворожея.

Изжени и съ Розмариномъ.

Бурда.

ОбЪ ешомЪ дѢлѢ и говорить не чево: провалитесь они сквозь землю.

Ерастъ

ТакЪ ето и о насЪ и о нихЪ свое благоволеніе заручите: а вотЪ оно и написано.

Бурда.

Да на что ето?

Ерастъ.

А на то, что бы вы послѢ не власпны были етова перемѢнить, и не винили бы дочери, что она вышла за мужЪ безЪ воли вашей.

Бурда.

На что подписывать; пропасть васЪ и безЪ подписки поглотить можетЪ.

Воро-

Вороже я.

Идѣ же слово твое, тамо и рука твоя да будетъ!

Бурда становится на колѣни.

Помилуй превысоковсещедрѣйшій, и избавь меня отъ едакой напасти!

Вороже я

Аще едино противно слово речеши, абіе погибнеши.

Бурда.

Дай мнѣ хотя постонати.

Вороже я.

Подпиши, и послѣ стонай елико хощеши.

Бурда истаетъ и подписываетъ.

Дуракъ.

А о шапкѣ то моей вы и не написали! . . . Умникъ! . . . Не слышитъ! . . . Разумникъ! . . . Не слышитъ . . . Зайти передъ нево . . . А! . . . Да ето Розмаринъ нашъ! . . .

Бурда.

Розмаринъ!

Дуракъ.

Здравствуй, братъ въ етомъ чину: да насъ не забудь: а шапку то вели. . .

Бурда.

Розмаринъ!

Ду-

Дуракъ.

Вишь бумага то не вся исписана; примолвите и о шапкѣ то.

Бурда.

Что ето!

Асиръ.

Съ едакой сумазбродной, что иное и дѣлать!

Бурда брося въ мужа башмакъ.

ЧтобЪ тебѣ и въ тартарѣ мѣста не было!

Брося другой башмакъ въ Розмарина.

Что бы ты и съ невѣстою своею исчезъ, и что бы твоего праха не осталось!

Ераст у и Розалія.

А вы бы ссорилися и бранилися и денно и нощно, и грызлися бы какЪ собаки!

Асиръ.

А ты бы впредь молчала! А ежели не такЪ, такЪ я тебя и со двора собью.

Конецъ комедіи.

КРАТКАЯ
МОСКОВСКАЯ
ЛѢТОПИСЬ.
АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ИЗВЕСТНЫЕ СЛОВЕНЦЫ

ФИЛОЛОГ

МОСКОВСКАЯ

БЕСЕДА

КРАТКАЯ
МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Возшелъ на престолъ великаго княженія въ россіи на мѣсто родителя своево владимира всеволодовича мономаха, георгій, проименованный долгорукій. Престольный городъ былъ кіевъ. Старшаго сына своево андрея, наименованнаго боголюбивымъ, отдѣлилъ онъ, и поставилъ государемъ суздаля и владимира. Шествуя посѣтить сына своево ко владимиру, увидѣлъ онъ отъ пути по обѣ стороны москвы рѣки прекрасныя села принадлежащія степану ивановичу кучку. Онъ не здѣлалъ пристойнаго великому князю, пришедшему въ ево вотчины, почтенія; и говорилъ о немъ гордяся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, за что великій князь повелѣлъ ево привести предъ себя, и казнивъ бросити въ прудъ. Услышавъ о неутолимомъ дѣтей ево стенаніи, не утѣшно оплакивающихъ кончину отца ихъ, сжалился онъ надъ ними и съ отмѣннымъ почтеніемъ отослалъ ихъ ко сыну своему во владимиръ. Кучковы сыны были хороши собою, а

дочь

дочь ево прекрасна: сынамъ имена, старшему, петръ, младшему іоакимъ: а сестрѣ ихъ имя улита. Возшедъ на гору, гдѣ нынѣ кремль, и обозрѣвъ около рѣкъ москвы и неглинной, лежащія прекрасныя мѣста, возлюбилъ великій князь сіе мѣстоположеніе, и повелѣлъ поспроить тамо деревянный городъ, и назвать по имени москвы рѣки, москвою: а въ имя сына своего андрея именованнаго прежде китаемъ, повелѣлъ онъ построить городъ у москвы рѣки, гдѣ нынѣ знаменской монастырь, назвавъ оный китаемъ. По семъ великій князь отходитъ во владимиръ, и сына своего андрея боголюбиваго сочетаваетъ со дочерью кучкова, и взявъ ихъ съ собою въ кіевъ отходитъ. Тамо сгодъ поживъ, великій князь георгій преставился, давъ о населеніи москвы сыну своему андрею завѣщаніе, который престольствуя во владимирѣ, о населеніи москвы, по завѣщанію отца своего крайне старался, а паче о созиданіи церквей и объ иконномъ украшеніи; и взявъ изъ кіева икону пресвятыя дѣвы написанную лукою евангелистомъ, полученную прежде изъ царя града, и украсивъ оную драгоцѣннымъ каменіемъ и жемчугомъ, золотомъ и серебромъ, каменную въ москвѣ состроилъ церковь ко чести успенія пресвятыя дѣвы, и сію икону поставилъ во ономъ храмѣ, позлативъ верьхи ево, давъ лупчія къ нему села и всего збора десятую часть; но сія церковь не та, которую мы нынѣ видимъ подъ именемъ успенскаго собора. Великій князь андрей поживъ довольное время съ женою своею и имѣвъ отъ нея сыновъ во младости по-

помершихъ оставилъ житейскія попеченія, не прикасаяся болѣе супругѣ своей, и презирая всегдашнія докуки ея о должности супружества, огорчилъ жену свою, и возобновилъ досадующее въ ней воспоминовеніе о смерти учиненной, отцемъ его, отцу ея; она согласився съ братьями своими живущими при великокняжескомъ дворѣ въ отмѣнномъ почтеніи, чтобъ отцовой смерти учинить отмщеніе, которыя во время ночи, вшедъ съ оружіемъ въ ложницу ево, по наспавленію злоковарныя сестры своей, спящаго ея супруга умертвили. Пришедъ изъ кіева во владимиръ братъ ево великій князь всеволодъ, и побивъ убійцовъ брата своего, приказалъ тѣла ихъ бросить въ озеро, а наставницу сего убійства живу на врапахъ повѣсить изъ луковъ разстрѣлять для устрашенія подобныхъ ей злодѣевъ. Отъ начатія великимъ княземъ георгіемъ москвы, до возобновленія княземъ даніиломъ прошло болѣе ста лѣтъ. Князь даніилъ, послѣдній сынъ отца своего, остався двухъ лѣтъ по преставленіи александровомъ и учиненный наслѣдникомъ московской волости, въ оную по возрастѣ своемъ, пришелъ онъ изъ владимира: и пришедъ туда возлюбилъ сіе мѣстоположеніе, какъ прежде того великій князь георгій. Начатаго повелѣніемъ георгіевымъ города, населяемаго переведенцами, какъ по многому видно, болѣе не было: и остались только старыя кучковскія села и заведенныя нѣкоторыя слободы населенныя переведенцами. Гдѣ нынѣ кремль, тамо стоялъ темный, и непроходимый боръ: въ ономъ бору было ве-

ликое

ликое и глубокое болото, посреди котораго лежалъ маленькій островокъ: на немъ была построена хижинка, а въ ней жилъ пустынникъ именемъ букалъ: по имени ево называлася сія хижинка: букалова хижина: на мѣстѣ семъ нынѣ дворецъ: а гдѣ хижинка стояла, на самомъ томъ мѣстѣ поставилъ князь даніилъ деревянную преображенія господня церковь: вкругъ сего мѣста построилъ онъ дубовую ограду, и городъ нарекъ, какъ и георгій, по имени рѣки, москвою: а москва рѣка прежде называлася смородиною; но протекая чрезъ дорогу смоленскую, какъ и прочія московскія воды, имѣла мостки, какъ и тѣ рѣки, гдѣ ломалися оси, колеса и дроги, ради чево при мосткѣ чрезъ неглинную поселилися и кузнецы, отъ чево и по нынѣ мостъ черезъ ту рѣку называется кузнецкимъ мостомъ. Отъ сихъ мостковъ главная рѣка получила наименованіе: а отъ рѣки и городъ. Въ 29 лѣто пришелъ къ нему изъ греціи епископъ варлаамъ, и съ собою принесъ на посвященіе церквамъ многія части нетлѣнныхъ тѣлъ угодниковъ божіихъ. Тогда князь даніилъ повелѣлъ ему освятити церковь на горахъ у москвы рѣки: горы по крутости мѣстъ нарекъ онъ крутицами, а варлаама владыкою крутицкимъ. Внизъ москвы рѣки создалъ князь даніилъ по имени своему монастырь даніила столпника: гдѣ онъ и постриженъ и погребенъ. Селѣнія кучка были: воробьево, на воробьевой горѣ: симоново, гдѣ симоновъ монастырь: высоцкое, гдѣ петровской монастырь: кудрино и кулижки, тако и по нынѣ имѣнуемыя: сухощаво

отъ

отъ пересыханія рѣчки, нынѣ сущово: кузнецкая слободка, гдѣ кузнецкой мостъ: и тамо были еще селѣнія, гдѣ вшивая горка: андроніевъ монастырь: тамо гдѣ красный прудъ: и гдѣ былъ чистый прудъ: а жилище кучково у чистова пруда было.

ИВАНЪ ДАНИЛОВИЧЪ.

1328.

Сынъ ево иванъ даниловичъ воспитанный въ москвѣ и привыкнувъ ко симъ прекраснымъ мѣстамъ, не хотѣлъ жити во владимирѣ воспріявъ престолъ великаго княженія. Митрополитъ максимъ перенесъ престолъ свой изъ кіева во владимиръ, а преемникъ ево петръ благословя великаго князя перенести престолъ изъ владимира въ москву и свой туда же перенесъ. Поставлена симъ великимъ княземъ церковь успѣнія; но не та которую мы видимъ нынѣ. Вмѣсто княземъ даніиломъ поспроенной деревянной церкви преображенія, поставлена сыномъ ево каменная, которая и по нынѣ пребываетъ посреди дворца подъ именемъ спаса на бору, около коей послѣ здѣланъ былъ монастырь и пренесенъ даляе, когда мѣсто сіе подъ домъ великокняжескій взято, и названъ монастырь сей новоспасскимъ. По томъ построилъ онъ деревянный вторично кремль. Въ тотъ же годъ создана церковь михайла архангела, пребывающая и до нынѣ подъ именемъ архангельскаго собора, гдѣ погребено тѣло сего государя, а послѣ нево

гдѣ и всѣ государи московскія погребалися: какъ митрополиты и патріярхи въ успенскомъ соборѣ; но не сіе зданіе церкви архангельскія было кое мы нынѣ видимъ. Сей государь великое княженіе усилилъ и отверзъ путь ко единоначалію.

СИМІОНЪ ИВАНОВИЧЪ

1340.

Сей избранъ и на новогородокое княженіе: и во время жестокаго по всей россіи мора и съ дѣтьми своими скончался.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ

1353.

Государь тихій постригшійся во младости своей, и вручивъ правленіе сыну своему димитрію ни въ какія свѣтскія дѣла не вмѣнивался.

ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЬ

1360.

Выпросивъ ухищренно у ордынскаго царя себѣ великокняженіе отъ прямаго наслѣдника и сына великаго князя съ престола согнанъ и выдалъ за нево свою дочь.

ДИМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ

1362.

Побѣдитель мамая на рѣкѣ донѣ; но востревоженный по томъ приступомъ тактамыша къ москвѣ, отъ котораго россія много претерпѣла; но московское княженіе димитріемъ распространилось. Алексѣй митрополитъ и сергій радонежскій были во дни ево: кремль обведенъ каменными стѣнами: состроенъ алексѣемъ митрополитомъ чудовъ монастырь: сродникомъ и ученикомъ сергіевымъ построенъ симоновъ монастырь: андроникъ ученикъ сергіевъ построилъ андроніевъ монастырь: аѳанасій ученикъ монастырь высоцкой въ серпуховѣ: а супруга димитріева въ москвѣ вознесенской.

ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ

1389.

Велъ войну съ новогородцами и наложилъ на нихъ дань. Воевалъ съ отцемъ супруги своей анны витольдовны. Лишился смоленска и отъ набѣга татарскаго князя едигея претерпѣлъ около москвы великія разоренія: и лишивъ сына своево по нѣкоторымъ обстоятельствамъ наслѣдства, далъ ему только угличъ. Тамерланъ изъ россіи выгналъ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЪ

1425.

Народъ не взирая на то что отецъ отрѣшилъ ево отъ наслѣдства возвелъ ево на престолъ: и хотя онъ и дважды сверженъ былъ со престола; однако онъ на немъ упівердился, бывъ крайне любимъ москвою. Новогородцевъ противящихся платити дань усмирилъ онъ. Нареченъ онъ темнымъ; по тому что князи непріятели ево выкололи ему глаза; но онъ видѣлъ, хотя и худо. Митрополитъ іона былъ во дни ево владѣнія. Москва отъ дней димитріевыхъ и въ сіи два владѣнія разширялася и расцвѣтала.

ИВАНЪ ВАСИЛІЕВИЧЬ

1462.

Всея россіи самодержецъ: во дни владѣнія ево марѳа посадница возмутила новъ градъ; но онъ городъ сей покорилъ и взявъ ево подъ свою область, вывезъ отполѣ великое богатство: серебра, золота и всякаго имѣнія, которое великими обозами отполѣ везено было, къ обогащенію ево и всея москвы. Сей государь былъ мужъ великаго духа, хотя и весьма грозенъ. Москву украсилъ онъ и далъ ей нынѣшнее великолѣпіе: нынѣ пребывающая успѣнская соборная церковь при немъ заложена: кремль распространилъ онъ и обвелъ ево новыми стѣнами, украсивъ прекрас-

ными

ными башнями и спаскія врата поставилъ: большая пушка вылита при немъ: никольскія ворота, тайницкія и погреба подъ дворецъ при немъ совершены. И хотя крымъ и обезсилѣлъ отъ сего государя; но казань усилилася: однако онъ ее принудилъ покориться подъ свое повелѣніе. А по сочетаніи съ греческою царевною софіею, взялъ онъ и гербъ цесарей греческихъ двуглавнаго орла: а до ево дней былъ гербъ россійскихъ великихъ князей всадникъ только, который и нынѣ при двуглавномъ орлѣ оставленъ.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЬ

1505.

Сей казанцовъ паки усмирилъ; однако по томъ почти все войско ево отъ нихъ побито. Поляки сообщася съ крымцами воевали съ нимъ. Усмирилъ онъ противящихся власти ево псковитянъ. Отнятъ дѣдомъ ево смоленскъ у поляковъ и возвращена смольянамъ икона смоленская, по прозьбѣ ихъ и по совѣту митрополита: но списокъ оставленъ: а на томъ мѣстѣ до коего она была препровождаема, состроилъ василій ивановичъ новодѣвичій монастырь и поставилъ тамо списокъ сей: поспроена церковь варвары, на варварскомъ торгу, и улица та варварскою названа: строилъ ее италіянецъ, какъ и всѣ почти знатныя спроенія въ царство отца ево италіянскими архитектами ставилися: состроена церковь варвары иждивеніемъ гостя бобра съ братьями:

въ

вЪ то же время поставлена церковь іоанна предтечи каменная, бывшая при петрѢ митрополитѢ соборною: а при ней построенЪ митрополичій домЪ: церковь петра митрополита, а при ней монастырь нареченный высоцкимЪ, у неглинной: церковь на срѣтенкѣ введенія: у фроловскихЪ воротЪ церковь аѳанасія и кирилла. При самомЪ концѣ жизни своея сЪ великимЪ нетерпѣніемЪ постригся онЪ и воспріялЪ имя варлаама. ВЪ послѣднія лѣта жизни своея сталЪ онЪ царемЪ титуловаться.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

1533.

ПолучилЪ казань, астрахань и сибирь. При немЪ состроена церковь покрова у спаскихЪ воротЪ и грановитая палата: сысканЪ путь агличанами кЪ городу архангельскому, и оставлено прежнее путешествіе по бальтійскому кЪ россіи мо ю. Книгопечатаніе вЪ москвѣ зачалося при семЪ государѣ. ОнЪ называется грознымЪ; но я все то прехожу молчаніемЪ; и ради того не упоминаю ни обЪ усмиреніи новогородцевЪ, ни ливонцовЪ. При немЪ пострадалЪ митрополитЪ филипЪ за недопущеніе раздробить россію. При немЪ китай обведенЪ каменными стѣнами, и построенЪ городЪ свіяжскЪ.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЬ

1584.

Государь тихій, вЪ котораго владѣніе правилЪ государствомЪ борисЪ годуновЪ шуринЪ ево и

мужъ дочери малюты скуратова, любимца царя ивана васильевича. Возволновавшіяся казанцы покорены. Годуновъ желая по немъ царствовати велѣлъ умертвити брата ево димитрія. Царь ради свидѣтельства сего убіенія пошелъ въ угличъ, а годуновъ велѣлъ зажечь москву, дабы царь поворотился, что и учинено; однако годуновъ москву выстроилъ еще лутче, давая погорѣлымъ довольно на строеніе казны. Во дни сего царя здѣлана въ семь лѣтъ стѣна бѣлаго города, который сперьва назывался царевымъ городомъ, какъ тверская названа тогда царевою улицею а никитская царицыною. При немъ и приказы московскія стараніемъ годунова построены. Пришедшія крымскія къ осадѣ москвы татары прогнаны отъ воробьевскихъ горъ: а гдѣ во время сраженія была икона донская, поднесенная предъ сраженіемъ димитрія съ мамаемъ великому князю донскими козаками, и поставленная во благовѣщенскомъ соборѣ, тамо послѣ побѣды царь построилъ монастырь, и сію икону далъ сему монастырю, который и нынѣ существуетъ близъ воробьевыхъ горъ подъ именемъ донскаго монастыря. Патріярховъ уставилъ онъ. Возвращены ямбургъ, копорье и ивань городъ.

БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЬ

1598.

Годуновъ еще умноживъ россіи пышность отошелъ по смерти царской въ монастырь, будто

убѣгая

убѣгая монаршей власти и ища уединенія. Но работая тайно о возведеніи себя на престолъ, и умоленъ пришедшими къ нему духовными и боярами, съ иконами и со крестами, принялъ скипетръ. Романовыхъ разослалъ онъ, а ѳедора никитича и супругу ево постригъ; ибо ѳедоръ никитичь былъ двоеродной скончавшемуся царю братъ: и ево по свойству хотѣли возвести на престолъ. Годуновъ получивъ много непріятелей во своихъ подданныхъ, ради безопасности своей завелъ доносителей: холопей на господъ и прочихъ, и доводы приведенныя въ употребленіе царемъ иваномъ василіевичемъ умножилъ, отъ которыхъ произошла послѣ нынѣ разрушенная тайная канцелярія. Данскаго королевича, жениха дочери своей отравилъ онъ изъ подозрѣнія, дабы не лишиться престола. А какъ ложный димитрій усилился; такъ годуновъ отъ страха отравился. Онъ построилъ ивановскую большую колокольню: а до нево была только сія, на которой царь колоколъ висѣлъ послѣ.

ѲЕДОРЪ БОРИСОВИЧЪ

1604.

Царствовалъ только шесть недѣль, и присланнымъ отъ ложнаго димитрія умерщвленъ и съ матерью.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

1605.

Назвавшійся димитріемъ бывъ въ польшѣ у сендомирскаго воеводы и сказавшійся своему отцу ду-

духовному что онъ царевичъ московскій и наслѣдникъ престола, увѣрилъ воеводу, имѣя крестъ на себѣ съ подписью что онъ царевичъ димитрій и царскую печать. Бывшій у поляковъ папской посолъ и спавшій послѣ папою подъ именемъ климента VIII. по перепискѣ изъ польши благословилъ ево взойти на тронъ а поляковъ ему помогати; но съ тѣмъ дабы ему въ россію римскій ввести законъ. Поляки воружилися и пошли съ самозванцомъ, а сендомирской воевода выдалъ за нево свою дочь маріяну. Города россійскія и войски всѣ покорялись ему гдѣ онъ ни шелъ. По томъ пришедъ ко граду москвѣ встреченъ онъ со крестами: и всѣ ему покорилися. А я во извиненіе моево отечества сіе предлагаю. Какъ не повѣрити было возможно, что сей самозванецъ не подлинный димитрій? Имѣлъ онъ крестъ и печать точно данныя царевичу: примѣты на лицѣ и на тѣлѣ были точныя, какъ у царевича: одна рука короче какъ у царевича: мать ево признала и любила а онъ ее почиталъ. Разстригою отрепьевымъ не признавалъ ево ни кто, который десять лѣтъ былъ ево старяе, и вышедъ съ нимъ изъ польши, за свои неистовства отъ него сосланъ подъ началъ въ отдалѣнный монастырь, о чемъ и чудовъ и вся москва тогда были извѣстны: а о спасеніи царевича всегда слухъ носился. Папа именованнаго самозванцемъ поощрялъ письмами ко исполненію обѣщанія: о чемъ онъ нагло старался: а поляки дѣлали всякія неистовства и ругательства церквамъ, закону и насиліе народу: да и самъ онъ по вшествіи своемъ

емъ

емъ въ москву изнасиловалъ царевну ксенію дочь бориса ѳедоровича и послѣ постригъ; достоинъ ли онъ имени человѣческаго а не только царскаго по сему единому? онъ же носилъ одѣяніе польское: вмѣсто середы поспился въ субопу: въ праздники въ баню ходилъ и нѣкогда во всеношну николина дни: вотъ причины ево сверженія. Шуйской ица и своего щастія ухитрился на него; но сіе извѣстно стало: а шуйской за то на смерть осужденъ: и уже лежа на плахѣ, когда и топоръ поднятъ былъ, прощенъ онъ отъ самозванца. Вся россія на пришедшаго изъ польши злочестивца возволновалася и подъ предводительствомъ шуйскаго свергла ево съ престола: а шуйской застрѣлилъ ево изъ пистолеты своею рукою. И хотя и всѣ почитали ево подлиннымъ димитріемъ, но государемъ недостойнымъ престола; однако по повелѣнію шуйскаго, принесены изъ углича мощи царевичевы; и все сіе всенародное мнѣніе что сверженный со престола былъ подлинный димитрій истребилося.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ

1606.

Онъ выбранъ на престолъ, частію ради того что избавилъ москву отъ самозванца и отъ гоненія поляковъ: а частію что онъ ближайшій сродникъ былъ царю ѳедору ивановичу, хотя и онъ былъ далекъ. Сей царь сталъ отомщати участныя свои обиды, и былъ нелюбимъ ради того: онъ же былъ очень лукавъ: да и лице ево пока-

показывая то народу, было противно; чево ради силою постригли ево и отдали полякамъ, во упованіи имѣти на престолѣ польскаго королевича.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Шуйскаго свергнувъ со престола не знали россіяня что имъ дѣлать, и опасаяся новыхъ бѣдствій отъ своихъ соплеменниковъ возведенныхъ на тронъ, бросалися они, то къ полякамъ, то ко шведамъ дабы ихъ королевичей возвести на царствованіе: а поляки и шведы ихъ разоряли только обманывая и отнимая у нихъ города и земли. Поляки мужествомъ и разумомъ князя пожарскаго засѣдшія въ москвѣ и по томъ запершіяся въ кремлѣ покорены и по многомъ ихъ россіянамъ озлобленіи достойную мзду прияли. А михаилъ ѳедоровичь избранъ на царство.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЬ

1613.

Сей государь отца своево здѣлалъ патріярхомъ изъ архиепископовъ! а постриженную мать вознесенскою игуменьею. Мать не хотѣла ево выдать на царство изъ костромскаго ипатскаго монастыря, куда они сосланы были, видя неосновательство народа; но по прошенію всего на-

рода возшелъ онъ во младости своей на пре-
столъ, помогаемъ правительствовании седьмьк
выбранными къ тому боярами. Онъ разстроенну
россію упокоилъ и привелъ во порядокъ, хотя
по необходимости и съ ущербомъ. Теремы в
которыхъ обиталъ сынъ ево царь алексѣй ми-
хайловичъ состроилъ онъ ради ево и своево дру-
гова сына.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

1645.

По возшествіи на престолъ прогналъ онъ турок
и татаръ отъ украйны. Новогородцевъ и пско-
витянъ усмирилъ онъ. На соль прибавка цѣнь
положена при немъ, и приказано покупать клей-
меныя аршины, дабы не было въ мѣрѣ обмана
отъ сего здѣлался бунтъ. Мятежники приступу-
пали къ селу коломенскому и просили на убіені
морозова; но въ скорости собралися дворяня
ихъ подъ коломенскимъ перебили и раскосовали
Въ ево время бунтовалъ стенька разинъ, но по-
иманъ и въ москвѣ колесованъ. Сей государ
положилъ основаніе правильнаго войска, и ста-
рался завести мореплаваніе, здѣлавъ уже ко-
рабль, который стенька разинъ сожегъ: а смерт
пересѣкла сіе ево намѣреніе. Взялъ онъ смо-
ленскъ и всю польшу устрашилъ. Патріярха ни-
кона создавшаго воскресенской, иверской и крест-
но

ной монастыри свергъ онъ со престола: а паче за то что будто онъ подкупленъ поляками, и согласився съ новогородскимъ градодержателемъ доносилъ государю о опасности отъ шведовъ, и вызвалъ ево изъ польши, которую ему завоевать было уже очень легко.

ѲЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЬ

1676.

Словесныхъ наукъ, театра, художествъ и пѣнія называемаго партесным̃ъ любитель. Вредное мѣстничество разрушилъ онъ: учредилъ заиконоспаское училище: богатое одѣяніе отставилъ: конскія завелъ заводы: и колико слабъ былъ тѣломъ, толико бодръ разумомъ. Преставился онъ ко сожалѣнію, плачу и стенанію всего россійскаго народа.

ТАБЛИЦА О СУПРУГАХЪ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ

Иванъ Даниловичь. —— Елена, а чья дочь не извѣстно.

Симіонъ Ивановичь —— 1. Анастасія великая княжна литовская. 2. Параскева Ѳедоровна княж-

на

на смоленская. 3. марья александровна княжна тверская.

Иванъ ивановичъ. — 1. ѳедосья димитріевна княжна брянская. 2. александра, чья не извѣстно: мать димитрія донскаго.

Димитрій константиновичъ. — супруга не извѣстна.

Димитрій ивановичъ. — евдокія димитріевна княжна суздальская: дочь димитрія константиновича.

Василій димитріевичъ. — софья витольдовна великая княжна литовская.

Василій василіевичъ. — княжна марья ярославовна внука князя владимира донскаго.

Иванъ василіевичъ. — 1. марья борисовна княжна тверская. 2. софья ѳоминишна царевна греческая, родная племянница послѣднему греческому императору константину палеологу

Василій ивановичъ. — вторыя супруги сынъ. 1 салмонида юрьевна сабурова: постриженa добровольно, для двадцатилѣтняго неплодія 2. княжна елена васильевна глинская.

Иванъ

ИванЪ василіевичЪ. —— 1. настасья романовна юрьева: скончалася: мать царя ѳедора ивановича. 2. марья шемрюковна княжна черкаская: разведена. 3. марѳа василіевна собакина: пострижена. 4. анна григоріевна васильчикова: погибла. 5. княжна долгорукова: погибла. 6. дарья ивановна колтовская: пострижена. 7. марѳа ѳедоровна нагихЪ: мать царевича димитрія: осталася вдовою.

ѲедорЪ ивановичь. —— ирина ѳедоровна годунова, сестра бориса ѳедоровича.

БорисЪ ѳедоровичь годуновЪ. —— марья григоріевна дочь малюты скуратова, начальника той стражи, и послѣ именованныхЪ опричниками, съ которыми царь иванЪ василіевичЪ, освободився изЪ александровой слободы, куда онЪ отЪ народа сосланЪ былЪ, вшелЪ вЪ москву и возшелЪ паки на престолЪ.

ФедорЪ борисовичЪ: былЪ холостЪ.

Димитрій самозванецЪ —— маріяна дочь польскаго сендомирскаго воеводы.

Василій ивановичь шуйской. —— княжна елена петровна буйносова ростовская.

МихаилЪ ѳедоровичь. —— 1. марья владимировна княжна долгорукова. 2. евдокія лукіяновна стрешнева.

Алексѣй михайловичъ. —— рожденъ отъ евдокіи: 1 марья ильинишна милославская. 2. наталья кириловна нарышкина.

Ѳедоръ алексѣевичъ. —— рожденъ отъ милославской 1. аѳафья семеновна грушецкая 2. марѳа матвѣевна апраксина. Отъ милославской рожденъ и царь иванъ алексѣевичъ и царевна софья алексѣевна: а отъ нарышкиной рожденъ петръ великій.

КОНЕЦЪ.

ПЕРВЫЙ И ГЛАВНЫЙ

СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ,

БЫВШІЙ ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ 1682 году ВЪ мѣсяцѣ Маіи.

писалъ

АЛЕКСАНДРЪ СУМАРОКОВЪ.

А. С. ПУШКИНЪ

СЦЕНЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ ИСПАНІИ XVII

ВЪКА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К°

1844

СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ.

ГЛАВА I.

Первая Супруга Царя Алексѣя Михайловича была Марія Ильинична изъ рода Милославскихъ: Вторая супруга Наталія Кириловна изъ рода Нарышкиныхъ. Сіе сугубое супружество было причиною стрѣлецкихъ бунтовъ. Сила Милославскихъ по второмъ Царскомъ сочетаніи поддерживаема надеждою, будущаго царствованія Царевича Ѳеодора рожденнаго отъ Милославской, хотя и не пала, однако гораздо умалилась, а сила Нарышкиныхъ хотя и несовершенна была, но силѣ Милославскихъ уже препятствовала. Имя Нарышкиныхъ у черни, а особливо у стрѣльцовъ, было приведено ухищреніемъ бывшаго Боярина Ивана Михайловича Милославскаго въ ненависть; ибо всякое въ народѣ огорченіе, налоги, насилія, драки по улицамъ, замедлѣнія въ выдачѣ стрѣльцамъ жалованья, въ праздничныя дни работы, все то Нарышкинымъ приписывалося. И не только стрѣльцы, но жены ихъ и дѣти часто онымъ Бояриномъ Милославскимъ были призываемы и

оплакиваемы: а сіи безразсудныя люди оплакивали съ нимъ и съ ево сообщниками прежнее свое и ихъ Милославскихъ состояніе: всякое новое худо чувствительняе, нежели минувшее. Иногда оный Милославской повязывалъ себѣ голову платкомъ по женски и садился на крыльцахъ, будто онъ боярыня какая, и будто отъ Нарышкиныхъ бита, приводя стрѣльцовъ ко сожалѣнію. Сказывалъ онъ иногда, что отъ скорой ѣзды молодыхъ господъ Нарышкиныхъ тотъ то и тотъ то раздавленъ, и что кровь на нихъ вопіетъ на небо и ко Иконѣ Знаменія Богоматери, отъ которыя Иконы поручалъ онъ всей черни знамения паденію ихъ Нарышкиныхъ; ибо де Богоматерь и Заступница рода Православныхъ Христіянъ таковаго утѣсненія Православнымъ долго терпѣть не можетъ. Надобно при семъ вѣдати, что сія Икона Знаменія въ соборной церкви Знаменскаго Монастыря, гдѣ онъ Милославской вкладчикъ, и церковь сія, прежде того имъ Милославскимъ поновлена. И хотя въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича время было и благоденственно; но онъ Милославской всякія малости чинимаго народу худа возлагалъ на Нарышкиныхъ, превращая и малѣйшее худо въ великое; ибо на признаваемомъ общемъ худѣ было основано ево участное благо. Все то было имъ вымышляемо, что хитрости человѣческой при подлой душѣ свойственно. А по тому что онъ имѣлъ дѣло съ чернью такъ и политика, на самой простотѣ основанная, была употребляема. Иная проповѣдь людямъ просвѣщеннымъ, иная черни. По кончинѣ Царя Алексѣя Михай-

Михайловича, возведенъ на престолъ старшій сынъ ево Царевичъ Ѳеодоръ, бывшій самаго слабаго здравія, и лутчихъ естества человѣческаго качествъ. Вознеслися Милославскія; ибо свойственникъ ихъ царствуетъ, хотя Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и болѣе тщился быти свойственникомъ народа россійскаго, нежели однихъ господъ Милославскихъ; но какъ то ни было, однако Нарышкины со всемъ обезсилѣли, а Царица Наталія Кириловна, хотя и въ крайнемъ была почтеніи, но комнаты ея были пусты; тамо, гдѣ нѣтъ Фортуны, политики не кланяются, а низкостепенныя люди, взирая на высокостепенныхъ, дѣлаютъ то же: нѣкоторыя ради страха, нѣкоторыя ища милости въ противной сторонѣ, отколѣ изливается ихъ польза, нѣкоторыя отъ извычки ласкать и боготворить Фортуну, хотя бы отъ нея ни какой пользы не ожидали, а нѣкоторыя удалялися отъ комнатъ Царицы Наталіи Кириловны, ради чего, и сами того не вѣдая, развѣ только на семъ оснуяся: такъ де нынѣ водится. Слово, мода, было тогда въ Россіи еще не извѣстно, но дѣйствіе онаго слова искони у насъ было: все входило и выходило изъ моды; входили и выходили изъ моды и поклоны, тѣмъ же подобіемъ какъ и нынѣ. А когда въ комнатахъ Царицы Наталіи Кириловны прихожихъ было не много; такъ и Нарышкины безъ друзей осталися; ибо друзья обыкновенно не къ особамъ людскимъ, но къ Фортунѣ ихъ прилепляются: отлепится Фортуна, отлепятся и друзья. Не была бы Царица толико оставленна,

ежели

ежели бы ея благоденствіе отъ единаго Царя зависало; но она отъ сестры Ево Царевны Софіи Алексѣевны во время владѣнія родителя ея была ненавидима, а во время владѣнія брата ея утѣсняема. Несогласія между мачихъ и патчерицъ на свѣтѣ почти обыкновенны: а сія Царевна была паче надлежащей мѣры любочестна, и будучи красавицею, полико властолюбива, лукава и мстительна, колико прекрасна; такъ не удивительно, что она участницею престола родителя своего мачихи терпѣть не могла, и что къ ней получила ненависть. Она была разумна и прекрасна, возросла въ величествѣ, окруженна ласкателями, и отъ воспитанія не заимствуя просвѣщенія, а отъ природы и породы была высокомѣрна: и не могла содержать себя во границахъ должности человѣческой. Въ ея обстоятельствахъ много требовалося добродѣтели, чтобы не свернуться отъ пути истинны, и вмѣсто дѣйствительнаго геройства не восприяти кажущагося; и вмѣсто полезнаго нравоученія не послѣдовати политикѣ, которая начертанна въ испорченныхъ сердцахъ нашихъ, и по страстямъ нашимъ ими всякому цѣломудрію предпочитается, хотя истинная слава и истинное любочестіе состоитъ только въ добродѣтели: въ ней только истинное любочестіе; но сіе Философическое мнѣніе не многими приемлется: а Царевна Софія Алексѣевна была не Философка и сей системѣ не повиновалася; ибо таковыя разсужденія страстямъ человѣческимъ гораздо сухи. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ сѣдя на престолѣ россійскихъ Государей преодолѣвая пре-

препятствіе слабаго своего здравія царствовалъ умножая ежедневно благоденствіе своего отечества, не имѣвъ ни жестокосердія, заглаждающаго и самыя великія дѣла монарховъ, ни мягкосердія отклоняющаго скипетръ отъ правосудія, и отверзающаго злодѣямъ пути къ нарушенію общаго спокойства и безопасности. Былъ хранитель правосудія, любитель наукъ, покровитель бѣдныхъ, рѣшитель перепутанныхъ тяжебъ, истребитель разорительной одежды, сего суетнаго малоумныхъ людей украшенія, искоренитель мѣстничества, вмѣсто заслугъ отечеству почитающихъ, безполезное роду человѣческому, свое родословіе, облегчитель народныхъ тягостей, и уменшитель дороговизны, которая главный источникъ народнаго злоденствія: украситель краснорѣчія цвѣтами изъ россійскаго языка рожденными; ибо тогда языкъ нашъ еще не былъ нашпикованъ, ни нѣмецкими ни французскими словами, а Россіяня во дни ево не старалися ни въ Нѣмцовъ ни во Французовъ претвориться, но исправиться, просвѣтиться, и быти достойными подлинниками, а не слабыми, смѣшенными, и колеблемыми сообразованіями чужестранцамъ, собственными своими гнушаяся почтенными качествами; ибо не думали еще тогда, какъ нынѣ нѣкоторыя думаютъ, того, что посыпаніе на головѣ, сей пшенишной муки, которую мы пудрою называемъ, уподобляетъ насъ протчимъ Европейцамъ; ибо протчія нашея свѣта части жители, не пудрою, но науками отъ Азіятцовъ, Африканцовъ и Американцовъ отличаются. Бредятъ

дятъ люди, проповѣдывающія то, что мы до временъ Петра Великаго, варвары или паче скопы были; предки наши были не хуже насъ: а сей послѣдній Царь въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому. И не было другова Россіянамъ превращенія, какъ вопяпъ новомодныя невѣжи, наслышавься отъ чужестранныхъ, которымъ они сами о себѣ такую подлость наполковали, кромѣ сея, что сіи сумозбродныя толкователи превращенны стали; ибо они изъ человѣковъ ненапудренныхъ, дѣйствительно, въ напудреную превратилися скопину. Ни младыя лѣта, ни слабое здравіе, ни непрестанныя болѣзни не уменшили славы Царя Ѳеодора Алексѣевича, но еще умножили. Перьвая ево супруга была Агаѳія Сіміоновна изъ рода Грушевскихъ, и родивъ ему сына Илію, преставилася, а съ нею купно и сынъ ея. Отъ сей печали болѣзни Царевы умножилися; однако перьвый ево Бояринъ и наперстникъ Языковъ желая удержати на всегда щастіе свое и преимущество присовѣтывалъ ему вторымъ сочетаться бракомъ, дабы при жизни ево и слабомъ состояніи не преклонилися поддданныя ево къ надеждѣ будущаго другой стороны благополучія, и дабы по смерти ево та же сторона во обладаніи россійскаго остася престола, а онъ бы Языковъ былъ воспитателемъ чадъ ево и правителемъ государства. Сіи политическія ево вымыслы не разногласили тогда со желаніемъ Бояръ и народа. Избрана ему невѣстою прекрасная, добродѣтельная дѣвица Марѳа Матвѣевна изъ рода Апраксиныхъ. Сочепался

четался Царь и въ томъ же году 27 дня Апрѣля по шести лѣтахъ и прехъ мѣсяцахъ облада-нія своего скончался. Жилъ онъ къ радости и увеселенію народа: преставился ко слезамъ и стенанію. Въ день смерти ево по услышаніи ево кончины, была Москва въ такомъ горестномъ состояніи, какъ Римъ по смерти Титовой. Рыдала Москва и вся по томъ Россія омывалася слезами. Въ тотъ же часъ, когда преставился Государь, изъ комнатъ Царскихъ послано извѣстіе къ Патріярху Іоакиму и всему народу, кончина Царская вѣстнымъ объявлена колоколомъ. Патріярхъ, духовенство, Бояря и все знатное дворянство собралися въ Кремль ради нарѣченія новаго Царя, и всѣ единогласно избрали преемникомъ россійскаго престола Царевича Петра; ибо старшій Царевичъ Іоаннъ для крайней слабости здравія, косный языкомъ и лишенный зрѣнія, признанъ былъ ко правленію государства неспособнымъ, что по немощамъ и съ собственнымъ ево соглашалося желаніемъ. Избранъ Царь и учинена знатными присяга вѣрности. Возшелъ онъ на престолъ десяти лѣтъ отъ рожденія своего, обновивъ надежду народа, и отовсего народа выборъ сей утвержденъ плескомъ, восклицаніемъ и безпринужденною присягою.

ГЛАВА II.

Сѣмена ненависти противъ Нарышкиныхъ насеянныя Милославскимъ и прилѣпленія къ ихъ Милославскаго роду и сторонѣ, ко произведенію плодовъ уже готовы были ко вреду новаго Царя и Царицы Наталіи Кириловны. Стрѣльцы московскія общенароднаго избранія не признали: и не будучи членами отечества, но за положенное имъ жалованье защитниками и оборонителями государства имѣли 14198 голосовъ вооруженныхъ. И хотя всѣ знатныя и все прочее дворянство и чернь уже при присягѣ вѣрности крестъ и цѣловали; однако великая часть была противной стороны; такъ кажется мнѣ, что самая лутчая присяга есть любовь къ отечеству и честность; потому что оная присяга никогда не нарушается: тако клялся Катонъ и многія Римляня въ вѣрности своему отечеству. Услышавъ о мятежѣ народа, и облекшися пансырями имѣя оныя подъ одеждою, пріѣхали въ Кремль ради защищенія Государя, и ради спокойства своего отечества, безстрашныя мужи стороны Царя Петра Алексѣевича и Матери его Царицы Наталіи Кириловны: а именно: Кравчій Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и братъ ево Голицынъ Князь Иванъ большой называемой Лобъ, Князь Яковъ, Князь Лука, Князь Борисъ, Князь Григорій Долгорукія. А при сей сторонѣ были еще многія знат-

знатныя люди: Князь Никита ИвановичЪ Одуевской, почтенный честію Боярства изЪ молодыхЪ лѣтЪ, еще при ЦарѣЪ МихайлѣЪ ѲеодоровичѣЪ, и сынЪ ево Князь ЯковЪ НикитичЪ, Князь Михайла АлегуковичЪ и Князь Михайла ЯковлевичЪ Черкаскія, Князь Юрья АлексѣевичЪ и сынЪ ево Князь Михайла ЮрьевичЪ Долгорукія, Князь ИванЪ Борисовичь РепнинЪ, Князь ИванЪ БорисовичЪ ТроекуровЪ, Князь Григорій ГригорьевичЪ, и дѣти ево Князь Андрей и Князь Михайла Григорьевичи Ромодановскія, ПетрЪ ВасильевичЪ большаго, ПетрЪ ВасильевичЪ меньшаго, и БорисЪ Петровичь Шереметевы, АлексѣЙ СеменовичЪ ШеинЪ, Князь ИванЪ ГригорьевичЪ КуракинЪ, Князь Юрья НикитичЪ Борятинской; Князь Михайла ИвановичЪ ЛыковЪ, Князь ПетрЪ; Князь Никита, Князь Юрья; Князь ѲедорЪ Семеновичи Урусовы, все дворянство и почти весь народЪ. А противной стороны были только одни стрѣлцы и самое малое число изЪ черни ихЪ сообщниковЪ. А знатныхЪ число сей стороны было весьма мало, да и то потаенно. Лучше монархамЪ и государствамЪ войска не имѣти, нежели отЪ него зависати: лутче быти народу подЪ игомЪ иноплеменниковЪ, нежели подЪ игомЪ вооруженной черни: и лаская своевольству ихЪ быти подЪ ихЪ стражею, и препетати день и ночь. Во правильныхЪ ЕвропейскихЪ войскахЪ за всякое воину преслушаніе положена смерть; и ради того, гдѣ такая вЪ воинствѣ наблюдается исправность, тамо и безопасность; ибо ни кто не учинивЪ малаго преслушанія, кЪ великому до-

ступить не можетъ; потому что всякое дѣло идетъ по степенямъ; и никогда пожары большими пламенями не начинаются, но отъ малыя рождаются искры: и гдѣ затушаются искры, тамо противъ отцевъ и чадъ отечества никогда пожара быть не можетъ. Войски содержимыя въ воинскомъ порядкѣ, единымъ только тиранамъ опасны, колико тираны опасны своимъ подданнымъ. Любовь и усердіе между монарховъ и подданныхъ бываютъ завсегда взаимственны; ибо подданныя толико же созданны ради монарховъ, колико монархи ради подданныхъ. Стрѣльцы подсылками отъ Царевны и отъ Милославскаго во время тяжести болѣзней покойнаго Царя и по смерти ко противленію выбора были уже со всѣмъ изготовлены, и подученъ нѣкакой дворянинъ Сунбуловъ ко зачанію онаго закричать со единомышленниками своими таковыми же рядовыми дворянами, въ Кремлѣ при общемъ собраніи, отъ дворянства яко членъ отечества: выборъ Боярской беззаконенъ; ибо избранъ на царство младшій братъ, а старшій обойденъ: надлежитъ быть на престолѣ Царевичу Іоанну Алексѣевичу. За сіе получилъ онъ по томъ отъ Царевны чинъ Думнаго дворянина, хотя онъ и Боярства чаялъ, и обманувься сею надеждою постригся: и въ Монастырѣ Чудовѣ былъ монахомъ, котораго увидѣвъ нѣкогда Царь Петръ Алексѣевичъ бывша уже въ монашествѣ, въ соборной церкви онаго Монастыря, оставша по литургіи и не пошедша къ антидору, и спросивъ около стоящихъ ради чево етотъ Монахъ нейдетъ ко антидору, и извѣ-

вѣстившься, что ето Сунбуловъ, подозвавъ ево къ себѣ спросилъ ради чево онъ нейдетъ ко антидору, который объявилъ ему, что онъ Сунбуловъ, и что онъ со трепетомъ на лице Его Величества взираетъ, и не только пройти мимо прогнѣваннаго собою Государя смѣлъ, но ниже возвести на него страдническія глаза свои: таковы были слова ево; ибо онъ уже покаялся и принялъ образъ ангельскій, не получивъ въ образѣ діявольскомъ ожидаемаго награжденія. Государь приказалъ ему ийти къ антидору и подозвавъ ево послѣ антидора, и ободривъ ево къ безбоязненному отвѣту спрашивалъ ево, какой ради причины онъ ему при выборѣ на царство не понравился. Сунбуловъ ободренный отвѣтствовалъ: Іюда Христа за тритцать сребренниковъ предалъ, бывъ ученикомъ ево, а я твоимъ, Государь, ученикомъ никогда не бывалъ; такъ чему дивиться, что я тебя предавалъ мѣлкимъ будучи дворяниномъ за Боярство: отвѣтъ разумнаго и мерзскаго человѣка. Царевна Софія Алексѣевна и сама брата своево Іоанна Алексѣевича ко правленію царства почитала неспособнымъ; но ради тово старалася о возведеніи ево на престолъ, дабы ей вмѣсто ево царствовать и подъ именемъ Царевны быти Самодержавною Царицею: а Петра Алексѣевича лиша трона, по времени отъ скипетра отдалить и отсѣчь надежду Россіянъ видѣти ево, когда нибудь, облеченна порфирою, или потаеннымъ образомъ лишити жизни, и утвердити свою безопасность. Крикъ Сунбулова стрѣлцамъ потребенъ былъ; понеслося по

всѣмъ полкамъ ихъ сіе ехо, что не все дворянство избраніе новаго Царя утверждаетъ: и что они не яко бунтовщики, но яко подпора испинны и раби опечества праведное желаніе сыновъ его, и законное наслѣдство, изъ усердія къ роду Монаршу и ко дворянству, оберегаютъ, отъ нарушающихъ права Бояръ. И подлинно по большой части стрѣльцы такъ думали: а что, и для чево дѣлается, ешо знали только изъ нихъ немногія тщася начати дѣло видомъ истинны, поддерживать яростію и піянствомъ, и окончати варварствомъ. А Царевна при властолюбіи и того еще опасалася, чтобы Царица не спала ей отомщати прежнихъ отъ нея себѣ гоненій, и временщикамъ бывшаго правленія гоненій братій и сродниковъ ея, терпѣвшихъ отъ нихъ разныя многочисленныя оклевѣтанія и злодѣйствія: и бояся отомщенія, вмѣсто раскаянія и удоблетворенія, стремилася сотворенное зло умножить и имъ оградиться, угрызеніе совѣсти презирая, и гласу ея не внемля. Своевольство стрѣльцовъ, неповинующихся своимъ начальникамъ, полезно было Царевнѣ и сообщникамъ ея, ко утвержденію ея жестокосердія, къ отверстію неправедныя власти, ко разрушенію общаго спокойства и къ начатію вбзмущенія. Войско должно отъ народа зависати, а не народъ отъ войска: а инако были бы, члены отечества, гражданя и поселяня, невольники ратниковъ. Стрѣльцы тогда не много памятовали о своихъ должностяхъ, основанныхъ на военномъ искусствѣ, къ охраненію отечества и къ защищенію онаго; но упражняяся въ торгахъ,

имѣя

имѣя въ рядахъ и лавки: а излишнее время препровождали въ роскошахъ и піянствѣ. Разгораются искры въ сердцахъ войска противъ отца и сыновъ отечества, и огнь воспламеняется. Забываетъ сіе пагубное войско Бога, Государя, Честь и Отечество: и принадлежащее скипетру право, отторгая отъ престола и отъ законовъ, отдаюпіъ оружію и своевольству. Вопъ какова была наша чернь ко стыду нашему! Римская чернь никогда противъ Рима не бунтовала, а Московская противъ Москвы вооружалася, чево Дворяня никогда не дѣлали. Пала тогда истинна, глася-щая устами Государей законы и охраняемая знатнѣйшими сынами отечества, и овладѣли высочайшею властію вооруженныя раби. Обыкновенно повелѣніе нисходитъ, а тогда восходило. Зачалися зборищи во сѣзжихъ избахъ, и сѣзжія избы стали сонмищами расправы, въ которыхъ безмозглыя люди совѣщевали о судьбинѣ государспва, и Полковниковъ своихъ отъ оныхъ избъ отгоняли палками, браня и ихъ и всѣхъ Бояръ, и грозя мученіями и смертью: а они спасалися молчаніемъ и бѣгствомъ. Десятники, Пятидесятники, Сотенныя и прочія изъ лутчихъ стрѣльцовъ старалися унимати ихъ отъ начинаемаго беззаконія; но благоразумныя ихъ совѣты ни какова дѣйспвія не имѣли: а они по общему согласію возводя ихъ на высокія зданія, и бросая оттолѣ, за обличеніе наглости умерщвляли. Нѣкоторыя изъ стрѣлецкихъ полковъ не преклонялися сперьва къ возмущенію, колебаяся и угрыжаяся совѣстію, по елику угрыженіе въ неут-

вержденныхъ совѣстяхъ быть можетъ. Девять было стрѣлецкихъ полковъ тогда въ Москвѣ, состоя изъ четырнатцати тысячь, ста девяноста осми человѣкъ: три полка: Стремянной, Полтевъ и Жуковской долго сему злочестивому дерзновенію противуборствовали: а полкъ Сухоревской во границахъ вѣрности и честности пребылъ до конца. Съѣзжій ихъ дворъ былъ тамо, гдѣ Сухорева башня, которая кажется мнѣ непреспанно прохожимъ и проѣзжимъ напоминаетъ и гласитъ: будьте вѣрны Государямъ и Отечеству. Священно сіе мѣсто и благословенъ тотъ полкъ. Милославской въ тѣ дни сказывался больнымъ, тайно чужими руками жаръ загребая, которая тайна уже послѣ смерти ево открылася. Весьма опасны люди имущія хорошій разумъ и худое сердце. Милославской былъ возмущенія руководецъ, а подозрѣнія на него не было ни малѣйшаго. Во время притворныя ево болѣзни, не выѣзжалъ онъ и къ себѣ ни кого не допускалъ. Но выборныя имъ коварнѣйшія изъ стрѣльцовъ люди, ходили къ нему по ночамъ, донося ему о приуготовленіяхъ, и приемля отъ него наставленія. Къ Царевнѣ стрѣльцы такъ же по ночамъ ради наставленія ходили, донося ей, что у нихъ устроевается. Первыя собесѣдники и помощники въ дѣлѣ семъ у Милославскаго были, сродникъ ево Александръ Ивановъ сынъ Милославской, Иванъ и Петръ Андреевы дѣти Толстыя, изъ которыхъ послѣдній вѣрностію своею къ Государю Петру Алексѣевичу, заглаждая прежнія свои преступленія, обративъ разумъ свой къ вѣр-

ности

носпи Государя и Отечества, и имя свое оставилъ не къ безчестію, но къ чести своихъ потомковъ. Стрѣлецкой Подполковникъ Иванъ Елисѣевъ сынъ Цыкляръ, да изъ мѣлкаго Новогородскаго дворянства кормовой иноземецъ Иванъ Григорьевъ сынъ Озеровъ, такъ же къ руководству сего бунта Милославскимъ опредѣлены были. Изъ стрѣльцовъ начальники сего бунта были, Борисъ Одинцовъ, Обросимъ Петровъ, Кузьма Чермновъ и другія нѣкоторыя. Преждерѣченныя три полка великими обѣщаніями награжденія къ бунту преклонены. А Сухоревской полкъ не допущенъ ко злодѣянію сему Пятисотеннымъ Васильемъ Бурмистровымъ и Пятидесятникомъ Иваномъ Борисовымъ. И хотя кромѣ начинщиковъ возмущенія и ни кто изъ стрѣльцовъ не вѣдалъ подлинно доброе ли они или худое дѣло зачинаютъ, но пьянство, жестокосердіе и прибыточество на ихъ надеждѣ основанное имъ колеблющееся мнѣніе разрѣшило, и очистило путь ко злочестивому исполненію. Изъ комнатъ Царевниныхъ тайнымъ образомъ во всѣ полки даваны были стрѣльцамъ деньги. Руководствовала въ семъ бунтѣ и постельница Царевнина Ѳедора Семенова дочь по прозванію Козачка, родомъ Малороссіянка, и послѣ съ великимъ богатствомъ за преждеименованнаго Озерова, выдана въ замужество. Зачинаютъ уже стрѣльцы говорить о злоумышленіи своемъ явно и всенародно съ крикомъ, съ безстрашіемъ и съ угрозами. Собиралися они великими толпами и короводами: торговыя бани и кабаки молвою ихъ наполнялися, звонили у многихъ церквей

квей вмѣсто обыкновеннаго звона по набатному: а не рѣдко напившся пьяни, безъ пожара и безо всякой причины били въ барабаны тревогу, сами себя обманывая, ради единаго предваритель-наго увеселенія пригоповляяся ко предприятому варварству. О вы Князи, Господичи и Дворяня Московскія, чево вы ожидаете, и почто сего зла не предваряете; народа въ Москвѣ больше, нежели стрѣльцовъ! Казалося имъ то, что стрѣльцы безъ важныя причины и безъ общенароднаго согласія присяги своей не нарушатъ, однако они нарушили!

ГЛА-

ГЛАВА III.

ВЪ пятый надесять день Маія того тысяча шесть сотъ осмьдесящь второго года, по утру по приказанію Боярина Ивана Михайловича Милославскаго, при сѣзжихъ избахъ ударили въ барабаны зборы, и спрѣльцы собралися, и ожидали только изъ комнатъ Царевниныхъ повелѣнія ийти къ безсовѣстной осадѣ своего отечества. Тогда АлександрЪ Милославской, и ПетрЪ Толстой прибывъ ко полкамъ объявляли скача по войску, что часъ праведнаго отомщенія наступилъ: Царевичъ ИванЪ АлексѣевичЪ убитъ: Нарышкины Россіею овладѣли: вѣрныя подданныя и все войско приготовлены къ погибели: и кричали: отомщайте друзья, отомщайте кровь Царевича, убіеннаго въ тотъ же самый день, въ который на Угличѣ убіенъ ЦаревичЪ Димитрій: отомщайте кровь Царевича и отвращайте всенародное нещастіе: помремъ за отечество! и всѣ стрѣльцы вооруженныя противъ отечества, кричали помремъ за отечество. День сей назначенъ былъ ради пущаго стрѣльцамъ воображенія справедливаго отмщенія; ибо сей день былъ и прежде днемъ убіенія Царевича, такъ бы чрезъ то несмысленный и суевѣрный ихъ сонмъ получилъ больше о убіеніи Царевича увѣреніе, будто какъ бы судьбинѣ, употребленный на таковое убіеніе день другихъ дней способняе могъ быти. Которыхъ

БоярЪ побити, АлександрЪ Милославской и ПетрЪ Толстой полкамЪ тогда сообщили записки, по волѣ Царевны и Ивана Михайловича яко Начальника и руководителя всего возмущенія. Тогда же взятЪ былЪ изЪ Знаменскаго Монастыря изЪ поновленной имЪ Милославскимъ церкви по отпѣніи Молебна и по совершеніи Водосвященія Мѣстный ОбразЪ Знаменія Богородицы. ВЪ полкахЪ ударили вЪ барабаны тревогу, подняли знамена, и неся предЪ собою ОбразЪ и чашу святой воды, оставивЪ одни Фузеи, и для лутчія способности сокративЪ бердыши, сЪ пушками, и со всемЪ воинскимЪ снарядомЪ двигнулися кЪ походу злодѣянія. БояринЪ АртемонЪ СергѣевичЪ МатвѣевЪ стрѣлцами яко стороною МилославскихЪ былЪ ненавидимЪ; ибо изЪ его дома взята живущая вЪ ономЪ дѣвица Наталія Кириловна Дщерь Кирилы Полуехтовича Нарышкина вЪ супружество Царю АлексѣюМихайловичу, и по тому что онЪ былЪ всегда прилепленЪ кЪ комнатамЪ Царицы, былЪ онЪ во дни Царствованія Царя Ѳедора Алексѣевича, по навѣтамЪ БоярЪ Богдана МатвѣевичаХитрова и Ивана Михайловича Милославскаго вЪ ссылкѣ, и предЪ нѣсколькими днями изЪ ссылки по волѣ Царицы возвращенЪ. Сей БояринЪ около полудни сего ужаснаго дня, бывшаго вЪ понедѣльникЪ вышедЪ ко своей корепѣ, и на лѣсницѣ, называемой Курепной, услышалЪ отЪ Боярина Князя Ѳедора Семеновича Урусова, что стрѣлцы вошли уже вЪ Земляной и БѣлойГороды. ВозвратилсяБояринЪ МатвѣевЪ кЪ Царицѣ и донеся ей о томЪ, приказалЪ вЪ ту же минуту

нуту Подполковнику Стремяннаго полку Григорью Горюшкину запирать въ Кремлѣ воротны; но стрѣльцы уже въ Кремлѣ и вокругъ Дворца. На Ивановской Колоколнѣ ударили они въ большой набатной колоколъ, и во все время варварскія своея осады въ набатъ били непрестанно: и приступая ко Красному крыльцу кричали: выдайте измѣнниковъ Нарышкиныхъ и Матвѣева умертвившихъ Царевича Ивана Алексѣевича. Нарышкины, Кириллъ Полуехтовичъ, и сынъ ево Иванъ Кириловичъ просили Царицу, чтобы показать имъ Царевича, что онъ живъ и здравъ: оба и Царевичъ и Царь были выведены изъ комнатъ и поставлены, у Краснаго крыльца на простенкѣ перехода, гдѣ караульныхъ лежали барабаны: Царевичъ ради увѣренія, что молва о его убіеніи есть ложна, а Царь ради показанія имъ достойнаго Вѣнценосца къ угрызенію ихъ совѣсти и раскаянію: Сама Царица вышла съ ними и ихъ увѣщевала; но они отвѣчали ей со всякою непристойнѣйшею грубостію: самъ Царевичъ говорилъ имъ то, что ему ни какова и малѣйшаго утѣсненія отъ Царицы и ни отъ ково нѣтъ и не бывало; но они отломавъ деревянныя у крыльца рѣшетки, хотя и видѣли Царевича жива, бунтовать и побити предписанныхъ имъ Бояръ устремившся, предпріятія своего не отмѣнили; ибо ихъ не смерть Царевича, но ихъ собственное прибытчество ко возмущенію привело. Выдайте Нарышкиныхъ, кричали стрѣльцы, Царевичъ не умерщвленъ; но впредь отъ нихъ умерщвленъ быти можетъ. Лютая предосторожность, недостойная

ная человѣчества погубляти человѣковъ опасаяся отъ нихъ бѣдствій, когда къ подозрѣнію и слѣдовъ нѣтъ. Иванъ Нарышкинъ, кричали они, надѣвалъ на себя Царскую Діядиму, и достоинъ смерти. Пришедшія воины собранны отомщати Царевичеву смерть, и увидѣвъ его жива, выдумываютъ новыя и глупыя причины своего возмущенія. Здѣсь не дѣйствіе основанію, но основаніе дѣйствію слѣдуетъ. Бояринъ Матвѣевъ ко стрѣльцамъ низшедъ со лѣсницы, уговаривалъ ихъ, дабы они опомнилися и пришли въ себя, и не омрачали бы прежнихъ за отечество своихъ сраженій и побѣдъ, и не дѣлали бы того, чего Россіяне никогда не дѣлывали, и чтобы они изъ Кремля выступили и возвратилися во свои слободы; усмирилися было они нѣсколько, о чемъ Матвѣевъ и Царицѣ донесъ. Потомъ главный ихъ Начальникъ, правящій стрѣлецкимъ приказомъ Князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукой съ лѣсницы сошедъ властно и безстрашно жестокими словами уговаривалъ ихъ, яко смѣлый и въ такомъ обстоятельствѣ нѣсколько неосторожный человѣкъ, достойный и великаго почтенія, и великаго по неосторожности сожалѣнія. Сіе ихъ паки ожесточило, а особливо, что они вообразили себѣ строгую и порядочную ево надъ собою власть, и ни мало со своевольствомъ ихъ несогласную: и отступивша отъ нихъ на Красное крыльцо взяли ево и сбросили съ крыльца на копья, и бердышами изрубили. Вотъ начало кровопролитія, и первое превосходящаго звѣрство жестокосердія исполненіе. Прервала чернь узы

свои: нѣтъ Монаршей власти: скипетръ и законы безсильны: властвуютъ и повелѣваютъ рабы: сыны отечества молчатъ и повинуются. Се мнимое естественное право; что всѣ человѣки равны! Благородныя люди никогда толпами къ варварскому дѣйствію не приступаютъ. Рабамъ принадлежитъ раболѣпная покорность: сынамъ отечества попеченіе о государствѣ: Монарху власть: Истинѣ предписаніе законовъ. Вотъ основаніе общенароднаго россійскаго благосостоянія. Стрѣльцы другихъ полковъ отъ сѣней Грановитой полаты ворвалися въ Царскія комнаты и вырвали Боярина Матвѣева благоразумнаго, обществу полезнаго и драгихъ качествъ исполненнаго мужа, на убіеніе, и сколько женская сила допускала Царицу къ его защищенію; столько защищенія она употребляла, примѣшивая къ тому снисходительныя и жалостныя прозьбы; но все то тщетно; неукротимая свирѣпость исторгла изъ рабскихъ устъ ихъ самыя грубыя слова, Супругѣ владѣвшаго и Матери владѣющаго Царей, правящей тогда Скипетромъ россійскимъ. Добродѣтельный, безбоязненный, неужасающійся смерти, и вѣчнаго почтенія къ чести своихъ потомковъ достойный мужъ, Боярынъ Князь Михаилъ Алегуковичъ Черкаской, бросился въ толпу сихъ разъяренныхъ тигровъ и вырвалъ изъ рукъ ихъ и изъ челюстей смерти, Боярина Матвѣева. Но они изодравъ одѣжды сего защитника человѣколюбія отняли изъ рукъ ево защищаемаго, и съ Краснаго крыльца ко Благовѣщенскому Собору сбросили ево на копья, копія сообщникамъ своимъ:

любо ли вамъ: и всѣ многократно повторяя отвѣчали: любо, любо. Зрители сего страшнаго позорища, состояція изъ единыя черни, иныя добровольно, а иныя по принужденію удостоевая сіи варварскія дѣйствія, съ ними тоже кричали: вся площадь вопитъ: любо, любо; ибо вся площадь состояла изъ черни. Господскія слуги біемы палками и принуждаемы восклицати, любо, любо, отторженны вѣрностію ко своимъ господамъ и слѣдственно ко престолу, не только сердцами, но и устами съ ними не сообщалися, терпя біенія и угрозы смерти. Тогда ясно видѣло раздражаемое Небо, и невинною кровію обагряемая земля различіе между Благородныхъ людей и черни. А вы Духовныя молчите! а вы подпора добродѣтели видите, что Истинна падетъ и ея не поддерживаете! Сей день, сіи часы, сіи минуты, вашему охраненію поручены; но какъ имъ поддерживать; ибо самъ Патріархъ стороны противной по причинѣ согласнаго съ его лицемѣріемъ черни суевѣрія, и сокровенный участникъ люпаго злодѣянія ихъ? О Никонъ, Никонъ! любимецъ и наперстникъ твой пришедшій изъ горы Аѳонской, и создавшій по образу тамошнему, по косогору близь горъ Воробьевскихъ Обитель, тайными своими ухищреніями былъ начальнымъ орудіемъ твоего сопрестола сверженія: и се тайными же ухищреніями помогая неправдѣ, спокойно взираетъ изъ чертоговъ своихъ на проліяніе невинной крови своихъ соплеменниковъ. Ты спасъ Царскій домъ отъ повѣтрія: сей помоществуетъ возмущенію. Смѣло скажу, что не было бы сего

вЪ МосквѢ бунта, ежели бы ты былЪ живЪ и былЪ бы на ПатрІаршемЪ престолѢ. О неиспытанныя судьбы БожІи! НикономЪ страждетЪ: ІоакимЪ благоденствуетЪ! СтрѢльцы умертвивЪ МатвѢева и окрововленны БоярЪ неповинною кровІю громогласно возопіяли: началося время опомщенія; не щадите измѢнниковЪ, ступайте и ловите ихЪ! и уклонивЪ копья, возбѢжало ихЪ великое множество на Красное крыльцо и разсѣялися по ЦарскимЪ черпогамЪ. Царица, видя варварство сея мерскія черни, стеня, трепеща и горькими обливаяся слезами, отошла сЪ ЦаремЪ и сЪ ЦаревичемЪ во Грановитую полату. А они ходя и по внутреннимЪ бѣгая Царя, Царицы и ЦаревенЪ комнатамЪ вездѢ шарили и искали, кого имЪ было надобно. Худое обыкновеніе, чпю вЪ Западной церкви тати, убІйцы и разбойники спасаются осязаніемЪ СвященныхЪ храмовЪ: а еще худшее дѢло, когда и не повинныя не только осязаніямЪ стѢнЪ священныхЪ, но ниже подЪ церковными престолами спасенія не обрѢтаютЪ. А стрѢльцы ища БоярЪ, и подЪ церковныя престолы копьи свои вонзали; кЪ чему Посты, Молитвы и Коленопреклоненія, когда души не утвержденны вЪ добродѢтели? Естество сЪ ІсторІею для того соображалося, какЪ бы гнушаяся варварскаго сего позорища; ибо при вступленіи во кремлевскія ворота, прекрасная Майская погода вЪ сильныя вѢтры и вЪ жестокую бурю премѢнилися: и нѢкоторымЪ боязливымЪ, мнилося тогда, и по незапному премѢненію пріятнѢйшія Майскія погоды и по люпости необузданной черни,

ни, что преставленіе свѣта наступаетъ; но послѣдній часъ разрушенія нашего мира можетъ ли быти ужаснѣе, сего Матвѣеву и Долгорукову часа. Въ то же время убили стрѣльцы во дворцѣ Стольника Василья Иванова, сына Думнаго Дьяка Ларіона Иванова, да Подполковниковъ Григорья Горюшкина и Олимпія Юренева: и не минуя ни чулана, а не только какой комнаты, не исключая ни Царскихъ, ни Царевенскихъ и Царевичевой почиваленъ, бѣгая съ бердышами и копьями убили они, вмѣсто Комнатнаго Стольника Аѳанасья Кириловича Нарышкина, Стольника Ѳедора Салтыкова, сына Боярина Петра Михайловича, и учтиво предъ отцемъ ево извинялися, что они то ошибкою учинили. О мерзскія и недостойныя солнечнаго освѣщенія души! вмѣстно ли такое извиненіе! и могло ли ваше учтивство утѣшити толь сокрушеннаго родителя! Вы убили человѣка, которому и сами убіенія не предписали. Вбѣжавъ въ церковь Воскресенія на сѣняхъ, и увидѣвъ Царицына карла названіемъ Хомяка; и извѣстившься отъ нево, что Аѳанасій Кириловичь Нарышкинъ въ оной церкви подъ Престоломъ, котораго онъ имъ и указалъ, вытащили его изъ подъ Престола, и вытащивъ на паперть разсѣкли ево на части, и части тѣла сбросили съ сея высоты, будто бы ради вторичнаго убіенія, и какъ будто бы куски тѣла ево будучи одушевленны, еще терзаніе ихъ чувствовали: толико ненасытимо было ихъ варварство! тѣло ево было сброшено на площадь передъ Соборную церковь. Рѣченного Хомяка взяла Царица Наталія ду-

Кириловна за нищету изъ богадѣльни, предста-
тельствомъ сего убіеннаго и указаннаго на жер-
тву смерти Браша Ея. Великій Боже! есть ли
во адѣ мученіе достойное сему злодѣю! Въ той
же день мучительски убіенъ стрѣлцами живущій
за Москвою рѣкою, и бывшій тогда во своемъ
домѣ Комнатной человѣкъ Иванъ Ѳомичъ Нары-
шкинъ. Пьяныя они шаталися по улицамъ, и
безобразно входя во знатнѣйшія домы умножати
свое пьянство, грозили смертнымъ убійствомъ,
грабили, били и всякія дѣлали озорничества. И
въ то же время убили Бояръ Князя Григорія Гри-
горьевича, и сына ево Андрея Григорьевича Ромо-
дановскихъ, Полководцевъ знаменитыхъ, будто
за то, что они подъ начальствомъ ево подъ
Чигириномъ многія претерпѣвали озлобленія. Въ
той же день сысканы ими и побиты Ларіонъ И-
вановъ и Аверкій Кириловъ и на части разсѣче-
ны: Ивановъ за то, что онъ правя прежде Стрѣ-
лецкимъ приказомъ, ихъ стрѣльцовъ утѣснялъ:
а Кириловъ за то, что будто онъ правя Боль-
шаго дохода приказомъ на всякія съѣстныя при-
пасы и харчи накладывалъ тяжкія пошлины. Въ
домѣ Иванова по убіеніи ево нашли они рыбу
каракатину, и почетъ ея ядовитою змѣею, и
ругаяся ему уже и по смерти сію мнимую змѣю
на Красной площади приложили къ тѣлу ево,
являя народу и говоря, что они убили человѣка
злочестиваго питающаго змѣй ядовитыхъ: а они
сами всякой гадины и мерзче и ядовитяе. Всѣ
сіи совершая убійства кричали они любо, любо:
а неповинующіяся имъ сіи кричати слова господ-

скія служители и стеняція видя сіе позорище многія были и до смерти убиты. Въ Кремлѣ тогда били они въ набатной колоколъ, и во все то время тревогу въ барабаны, возвѣщая народу, что раби отечества осаждаютъ Царя и царедворцевъ. При захожденіи солнца напившся невинною кровію своихъ единоплеменниковъ, выступили они изъ Кремля, и возвратилися во свои слободы, оставя въ Кремлѣ свой многолюдный караулъ.

ГЛА-

ГЛАВА IV.

Въ шестый надесять день Маія, стрѣлцы во многолюдномъ собраніи и вооруженны какъ и на канунѣ того дни, пришли съ похмѣлья поправити свое здоровье и вновь напиться въ домъ Боярина Князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, отца ими убіеннаго Князя Михайла Юрьевича, и просили у него прощенія, что они отъ запальчивости сына ево убили. И подлинно по таковомъ дѣйствіи, извиняяся запальчивостію, чистосердечное прощеніе получить удобно; ибо, по ихъ мнѣнію, кто безъ грѣха; но таковой грѣхъ не свойственъ человѣчеству, и правосудіе Божіе при такихъ обстоятельствахъ не умягчается. Сей Князь былъ человѣкъ осьмидесяти лѣтъ, покрытый сѣдинами, и въ параличной болѣзни, а къ тому и пораженный варварскою смертію сына своего, по неволѣ прощаетъ ихъ: а они при полученіи отъ него прощенія, за ево здравіе и поминая по должности Христіянской требуютъ попойки: а которыя по грамотняе, тѣ говорили: любите враги ваши, творите добро ненавидящимъ васъ. Растворивъ погреба, приказалъ Бояринъ ихъ подчивать, а самъ сидя у окна, думая, что нѣтъ ни кого въ ево комнатѣ огорченный выговорилъ старинную пословицу: ну, хотя щука и умерла; однако ея зубы остались, и при томъ заставила ево крайняя досада сіи слова вымолвити: сколько на Московскихъ стѣнахъ зубцовъ,

цовъ, столько васъ будетъ повѣшено стрѣльцовъ: сіе Римомнворное изрѣченіе было ему пагубно, но предрѣченіе исполнилося, и можетъ быти сообразуя казни ихъ со предрѣченіемъ ево. Скрывшійся тогда отъ страха пришедшихъ гостей за печь карла мнимый имъ вѣрный рабъ ево, вышедъ изъ комнаты объявилъ тѣ слова ликовствующимъ стрѣльцамъ: которыя поворотяся въ боярскія покои, и взявъ ево за сѣдыя волосы, и выпащивъ передъ ворогы, на многолюднѣйшее мѣсто, знатнѣйшія въ Бѣломъ городѣ улицы, предъ воротами разсѣкли ево на части, и бросили на куски тѣла ево соленую бѣлугу! вотъ тебѣ, говоря, и обѣдъ. Въ одиннацатомъ часу предъ полуднемъ, пошли стрѣльцы паки въ Кремль и ко Дворцу, тѣмъ же порядкомъ, какъ и на канунѣ: во всѣ били барабаны, и въ большой набатной колоколъ, и къ Золотой пришедъ решеткѣ, увидя, что Боярамъ и протчимъ Палатнымъ людямъ во Дворцѣ сѣздъ, они кричали: выдайте Ивана Нарышкина: или всѣхъ Бояръ и другихъ Палатныхъ людей въ куски изрубимъ: и по томъ грозя Царицѣ вопили: выдай Царица брата, или худо тебѣ будетъ: и не получивъ требуемаго, кричали: мы выдачи ево далѣ взавтрешняго дня ждать не станемъ, съ чѣмъ они во второмъ часу послѣ полудни изъ Кремля выступили. Сія мерзкая, пьяная и ядовитая гадина, недостойная имени человѣческаго въ оба дни по улицамъ, и простой народъ и лошадей кололи, и вся Москва стенаніемъ наполняла воздухъ. Казалося тогда жителямъ Москвы, что

подъ

подъ нею земля трепещетъ, и основанія ея разрушаются. Въ перьвый день бунта, Бояринъ Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ съ родителемъ своимъ и съ Дѣдомъ Царскимъ, и со сродниками своими, со Комнатными Стольниками, съ Васильемъ Ѳедоровымъ сыномъ, съ Кондратьемъ Ѳоминымъ сыномъ, и съ Кириломъ Алексѣевымъ сыномъ Нарышкиными, да съ Андреемъ Артемоновымъ сыномъ Матвѣевымъ, крылися въ разныхъ потаенныхъ и невѣдомыхъ мѣстахъ, при комнатѣ Царевны Наталіи Алексѣевны. А по томъ когда стрѣльцы въ Кремль вошли вторично, по дружелюбію Царевны Марфы Алексѣевны съ Царевною Наталіею Алексѣевною, переведены они были въ дальныя Царевнины деревянныя покои, стоящія глухою стеною къ Патріяршу двору, о чемъ одна только вѣрная постельница, прозваніемъ Клушина, была извѣстна. Иванъ Кириловичъ спасая и себя и ихъ, остригъ своими руками и себѣ и имъ волосы, чтобы не такъ легко могли они быть узнаемы. Тутъ сокрылися они въ чуланѣ заметаны постелями, двери чулана растворивъ на четверть аршина. Стрѣльцы какъ быстрая вода протекли, ярясь и шумя, и безыменно браня, всѣми лая скверными словами: и нѣсколько разъ на пролетѣ своемъ нѣкоторыя изъ нихъ совали въ постели копьями, и кричали: тутъ мы уже были, и тутъ нѣтъ никово. По отбытіи изъ Кремля стрѣльцовъ они простившься другъ со другомъ, пошли сокрываться куда кому потребно было.

ГЛАВА V.

ВЪ седьмый надесять день Маія стрѣльцы паки вошли вЪ Кремль сЪ большимЪ еще прежднихЪ дней неистовствомЪ, и вЪ однихЪ рубашкахЪ, спустивЪ кафтаны сЪ плечь, сЪ бердышами и сЪ копьями подЪ непрестаннымЪ большаго кремлевскаго набата звономЪ и сЪ барабаннымЪ боемЪ, вЪ безобразномЪ и крайнемЪ пьянствѣ. Тогда Бояря видя неизбѣжную Ивана Кириловича погибель, и свою крайнюю опасность, немогущую болѣе быти ево спасеніемЪ, уговаривали и просили Царицу, чтобы она выдала стрѣльцамЪ брата своего. Соглашается пораженная почти преестественною горестію кЪ выдачѣ брата Царица; ибо и Царевна Софія Алексѣевна ей сЪ великими пѣньми, будто бы и своей собственной погибели ужасаяся, о выдачѣ онаго весьма изобразительно швердила, тщетно усиливаяся сокрыти во притворномЪ страхѣ злобу свою. ВходитЪ за злашую решетку во ХрамЪ Нерукотвореннаго Спасова Образа, сЪ Царевною, гдѣ чрезмѣрное множество стрѣльцовЪ было. ПриведенЪ и ИванЪ КириловичЪ вЪ оный храмЪ и по исповѣди и по приобщеніи СвятыхЪ ТаинЪ, не тронувЪ жалостію ни сердца Царевнина, не только ярости стрѣлецкой, какЪ Царица ни рыдала, и какЪ палатныя люди ни плакали готовЪ былЪ безЪ робости, кЪ неминуемой смерти. Царевна

ревна припворяяся вмѣсто того чтобы хотя прішворно уговаривати стрѣльцовъ, уговаривала ево, будто крайне о немъ сожалѣя, и представляя смерти ево причиною необходимость. А онъ ей отвѣчалъ изо Псаломника: азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предомною есть выну: не боюся смерти; но чтобы смерть моя окончала кровопролитіе и нещастіе возлюбленнаго моего отечества. И обратяся къ Царицѣ, говорилъ ей: не терзайся, прости, забывай мою погибель и памятуй мою невинность. Разрываемая горестію Царица объявъ брата своего, и простившься съ нимъ, затворила очи и возведъ руки ко престолу Храма возопіяла: о Боже, укрѣпи немощи мои, и сохрани мое великодушіе! Царевна подала ей Образъ Богоматери, для врученія нещастному и безвинному осужденнику, и наполненная радости, о немъ народу глубочайшее возвѣщала сожалѣніе, и что она Икону ему ради того вручаетъ, дабы стрѣльцы ево прикосновенна къ Иконѣ пощадили. Не въ ругательство ли Божеству, употреблено и благочестіе и Икона? Былъ тогда въ оной церкви Бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одуевской, человѣкъ старой и по природѣ боязливой и торопливой человѣкъ, которой представлялъ и Царицѣ и Царевнѣ, чтобы сего осужденника, скоряе выдать; ибо де всѣмъ намъ отъ медлѣнности бѣда будетъ, и понуждалъ и самого сего нещастного уже почти шествующа ко своей погибели, дабы скоряе шелъ на смерть: поди Иванъ, поди скоряе, дабы и государи и мы всѣ за тебя не погибли. Сей поступокъ не достоинъ

Боярскаго сына. Боязливость излишна; ибо осужденный бунтующею противъ отечества чернью на неповинную смерть и мученіе, Бояринъ, братъ Царицынъ и дядя Царевъ отходитъ уже ко окончанію своея судьбины, и не противится рабамъ государства и судіямъ престола; такъ на что лишать ево оставшія минуты зрѣти друзей своихъ? Князь Михаилъ Алегуковичъ Черкаской не тако разсуждалъ. Одно вѣчнаго достойно забвѣнія: другое вѣчной достойно памяти. Царица и Царевна шли съ Иваномъ Кириловичемъ изъ церкви посторонамъ препровождая ево къ мучительной смерти: и какъ только приближилися они къ Золотой рѣшеткѣ: и двери отворились: варвары и кровопійцы, какъ алчныя звѣри презирая Бога, Церковь, Икону, и съ осужденникомъ единоутробную Царицу, бросилися на него, и ухвативъ за волосы, за горло и за одѣжды, поволокли по степенямъ той крутой лѣсницы и до самой площади: а оттолѣ съ лаемъ и ругательствомъ вели ево чрезъ весь Кремль до застѣнка, называемаго Костентиновскаго, и тамо распытавъ ево толикими мученіями, коликихъ они сами достойны были, и извлекши ево оттолѣ провели за Спасскія ворота, на Красную площадь, и обступя многолюдствомъ, подняли выше себя на копья и вверьхъ мѣтали безчеловѣчно, со многократнымъ крикомъ: по томъ ему руки, ноги и голову обсѣкли, а останокъ тѣла изрубили въ мѣлкія куски, и втоптали въ грязь. Сколько они ни ругалися ему; но всѣ сіи ругательства составляютъ едину преходящую мѣры жалость: а

му-

мужественное ево терпѣніе приноситъ ему честь и славу; изъ чего слѣдуетъ то, что невинность ни какою силою, и ни какою наглостію осквернена быть не можетъ, и что нашею честію, кромѣ насъ самихъ, ни кто не обладаетъ. Въ той же день умертвили они Боярина Ивана Максимовича Языкова, сокрывшагося въ домѣ духовника ево, въ Бѣломъ городѣ на Никитской, въ приходѣ Чудотворца Николая на Хлыновѣ. Указалъ ево стрѣльцамъ нѣкоево дома слуга встрѣтившійся съ нимъ на пути въ оный домъ во время его вхожденія, и которому, дабы о немъ молчалъ, подарилъ онъ снявъ съ руки своей перстень. О неслыханная благодарность! бывала ли ты когда внѣ Москвы на свѣтѣ! Стрѣльцы взявъ ево тамо, и приведя на ту же Красную площадь, подняли на копья, и все тѣло ево изрубили въ куски. Такова и сего благоразумнаго и знатнаго мужа была кончина. Въ той же, чаятельно, день поймали они въ одѣждѣ нищенской, крещенаго жидовской породы Нѣмца, Медика Данилу Фонгадена въ Нѣмецкой слободѣ, и взяли другова Медика Нѣмца Гутменша, въ домѣ ево на поганомъ прудѣ, названномъ послѣ Чистымъ прудомъ, и сына ево Гутменшева: Фонгадена, крающагося своея погибели, а Гутменша и не подозрѣвающа оныя, обоихъ искусныхъ людей во Врачебной наукѣ, по ненависти къ чужестраннымъ, а особливо къ Нѣмцамъ; ибо ихъ болѣе въ Москвѣ было, хотя Нѣмцы бывъ подъ властію московскихъ Бояръ и ни какова утѣсненія Россіянамъ причинять не могли, и въ мѣстахъ опредѣленныхъ имъ

жили спокойно. И сихъ невинныхъ чужестранцовъ, Медиковъ за то, будто они Царя Ѳедора Алексѣевича отравили: а сына Гупменшева за то, что онъ сынъ ими ненавидимаго Медика, приведя на Красную площадь, подняли на копья, а по томъ изрубили въ мѣлкія куски. Кто изъ сихъ тиранскихъ и почти естество человѣческое превосходящихъ дѣйствій: кто изъ сего единаго только не видитъ того, что есть намъ жизнь по смерти; когда нѣтъ равновѣсныя симъ злодѣямъ казни на свѣтѣ: и когда на сіи недостойныя своего Создателя, твари, не пали грозныя молніи и страшныя громы! а сіе время, жестокаго бунта, назвали послѣ ласкатели временемъ смутнымъ. Тако ласкатели называютъ умягчая истинну бытія грозными тирановъ превосходящихъ Нерона и Калигулу, а симъ уменьшаютъ честь праведныхъ государей, взирая въ одной грудѣ, и на изверговъ природы и на руководителей нашего блаженства; чего ради во всякой Исторіи, надлежитъ писать истинну; дабы человѣки научалися отъ худа отвращаться, и къ добру прилѣпляться. Историкъ не праведно хулы и хвалы своему сплетающій отечеству, есть врагъ отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставленію и общему благоденствію служитъ. Не полезно вымышленное повѣствованіе, о комъ бы оно ни было. И вредоносна ложная Исторія тому народу, о которомъ она: ежели она тѣмъ народомъ допущена или не опровержена, къ ослѣпленію читателей. Долго сыновъ отечества тѣла валялися на Красной площади изруб-

:убленныя рабами, и тѣла протчихъ невинныхъ
людей, едва по томъ дозволѣніемъ удостоившія-
:ся погребенія. Благодерзновенной слуга Мапвѣева
Арапъ собралъ куски тѣла господина своево, мо-
жетъ быть отъ удивленія ни кѣмъ не воспре-
пятствуемый, и принеся въ домъ покойнаго Боя-
рина созвалъ ево ближнихъ, и предалъ сіе тѣло
землѣ между Мясницкою и Покровкою въ церкви
Николая называемаго Столпа. А стрѣльцы ходя
по престольному граду, грабили и знатныхъ и
незнатныхъ, богатыхъ и убогихъ, и московскихъ
обитателей безбожно разоряли, а жены ихъ обо-
гатившіяся, и уже избытки свои презирая, бога-
тыя женскія одежды, ругаяся знатнымъ госпо-
жамъ мѣтали въ грязь, топча оныя, лая и сквер-
нословя и ругая Бояръ, Боярынь и всѣхъ благо-
родныхъ людей, сію неколеблемую подпору пре-
стола, и чадъ отечества: непросыпно пьянствуя
и таскаяся по кабакамъ пропивали оное, и про-
давали бродягамъ и машейникамъ похищенное и-
мѣніе самою дешевою цѣною. По томъ разхища-
ли они Царскія сокровищи. Пьянство въ черни
нашей было всегда всякаго безобразія поводомъ и
преддвѣріемъ беззаконія. Мало еще стрѣльцамъ
казалося къ погибели своихъ сограждан, ко ра-
зоренію отечества, и къ похищенію имѣнія, си-
лы; чего ради приглашали они холопей, и Холо-
пій приказъ разломавъ, и отбивъ замки у сун-
дуковъ, крѣпости передрали, и всѣ письменныя
дѣла испоргли и испребили: и кричали громогла-
но: всѣмъ господскимъ людямъ свобода: будто
какъ бы они прежде были невольники; но ни о-

динъ

динъ слуга къ нимъ не приобщился, оставься въ прехвальной и вѣчно роду ихъ честь приносящей вѣрности. Таковы были стрѣльцы, сія гнуснѣйшая и адскимъ ядомъ напоенныя гадина. Бояре видя неукротимый сей мятежъ, погибель народа, и Монаршей власти, возвели въ послѣдующій день, то есть въ 18 того мѣсяца, ради прекращенія бунта, на престолъ и Брата Петрова, соцарствовати Ему, учинивъ Имъ Сестру Ихъ Царевну Софію Алексѣевну Соправительницею.

КОНЕЦЪ.

ВТОРЫЙ

СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ,

писалъ

АЛЕКСАНДРЪ СУМАРОКОВЪ.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ПУШКИН

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ВЕЛОСИПЕД

ВТОРЫЙ
СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ.

ГЛАВА I.

По утвержденіи Россійскому Единодержцу со престольника, и по опрѣшеніи правительства Царицы Наталіи Кириловны, учинена новая присяга ГосударямЪ и СестрѢ ИхЪ правительствующей РоссійскимЪ ГосударствомЪ. Достигла Царевна до желанія своего: а стрѣльцы за свое безаконіе получили прибавку жалованья: а главнымЪ изЪ нихЪ отечества врагамЪ, наградивЪ и обогативЪ ихЪ, учинила кЪ себѣ невозбранный доступЪ, и имЪ отличное почтеніе: а они не только со знатными дворянами, но и сЪ самыми боярами, за столы сажаемы были, чево вЪ Москвѣ до того времяни, ни кому и не снилося. А они испросили себѣ удобренія безчеловѣчію, и поставленЪ былЪ на Красной площади, гдѣ валялися тѣла побіенныхЪ ими господЪ и протчихЪ невинныхЪ, и ради истолкованія ихЪ невинности столбЪ: а на немЪ были прибиты жестяныя листы сЪ прописаніемЪ жестокихЪ винЪ побіенныхЪ,

ко-

которыя на нихъ были вымышлены къ оправданію злодѣйства. Вотъ какою истинною не рѣдко Исторіи наполняются. Сіпроеніе столба сего поручено было Цикляру и Озерову, стрѣлецкимъ Подполковникамъ, первостепеннымъ бунтовщикамъ: и оба они были отъ отродья таскающихся по Москвѣ нѣмцовъ. Они столбъ оный въ самой скорости состроили, и лишивъ невинныхъ людей живота, съ варварскимъ мученіемъ оный отнимая честь и славу ихъ во безчестіе и въ безславіе превращаютъ, и сочиненныя свои пасквили, прибиваютъ явно во градѣ Престольномъ и предъ очами всего народа и Монарховъ, ежели двухъ Сопрестольниковъ Монархами именовать можно. А Имъ еще и Сестра Ихъ соцарствовала: и челобитныя такъ писаны были: Государю Царю Іоанну Алексѣевичу, Государю Царю Петру Алексѣевичу, и Государынѣ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ: а чрезъ два года по томъ и ликъ Ея на другой сторонѣ монеты приобщенъ былъ. Кирилъ Полуехтовичь Нарышкинъ родитель Царицынъ бунтующими стрѣльцами взятъ былъ подъ караулъ и неволею въ Чудовѣ монастырѣ постриженъ и подъ именемъ Кипріяна сосланъ по томъ, подъ крѣпкое начало на Бѣло Озеро въ Кириловъ монастырь, какъ прежде неволею постриженъ Родитель Царя Михайла Ѳеодоровича, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, бывшій по томъ подъ имянемъ Филарета Патріархомъ, и ево Супруга матерь Царева. Сходно ли со благочестіемъ православія, постригать людей неволею? А ето и послѣ дѣлалося не однократно. Осставшія

шія дѣти Кирилы Полуектовича и братья Царицыны, ЛевЪ, МартеміянЪ, и ѲедорЪ Кириловичи въ первый день бунта одѣвся въ сермяжное платье, съ нѣкоторыми вѣрными своими служителями вышедъ изъ Москвы крылися по дальнымъ деревнямъ своихъ свойственниковъ: а прочія молодыя Нарышкины такъ же всѣ гдѣ могли, укрывалися отъ погибели своей. Тѣмъ же образомъ искали своего спасенія два брата Алексѣй и Михайла Тимоѳѣевы дѣти Лихачевы, бывшія у Царя Ѳеодора Алексѣевича въ великой милости, и мужи отличныхъ качествъ достойныя милости толико цѣломудраго Государя: и СеменЪ сынъ убіеннаго Боярина Ивана Максимовича Языкова: такъ же Андрей сынъ Боярина Артамона Сергѣевича, спасенный Царицыной комнаты КарломъКомаромъ, вышедшій за нимъ изъ Кремля, и изъ Бѣлаго Города за Смоленскія воротыпо нынѣшнему за Арбатскія, сквозь многочисленныя при воротахъ стрѣлецкіе караулы, и отданный ради охраненія Церкви сошествія святаго духа священнику, и порученный Царицынымъповелѣніемъ свойственнику своему стремянному конюху Кирилу Суворову. Но Царевна Софія Алексѣевна и ИванЪ Михайловичь Милославскій, Нарышкиныхъистребити мнѣнія своево не покинули, что изъ послѣдующаго при семъ повѣствованія ясно видно; дабы удобняе было погубити Царицу и Государя: а спасеніе ихъ зависало единственно отъ человѣка въ конеромъ я великое участіе имѣю; ибо родной братъ моево роднаго дѣда: а что ето истинна; такъ о томъ

господамъ Нарышкинымъ произшедшимъ отъ колѣна Кирилы Полуектовича извѣстно; слѣдовательно повѣствованіе мое не пристрастно. Сей человѣкъ Комнатный Стольникъ Иванъ Богдановъ сынъ Сумароковъ нѣкогда спасшій Царя Алексѣя Михайловича на охотѣ отъ медвѣдя, и мужественно повергшій онаго звѣря, проименованъ Орломъ, и потомъ во комнаты Царскія имѣлъ отличный доступъ; такъ нѣкакой лѣкарь Давыдъ озлобяся на комнаты Царицыны, что будто ему вмѣсто ста рублевъ только пятьдесятъ заплачено, грозилъ то отомстить и сложивъ небылицу донесъ Царевнѣ, будто когда то говорили Нарышкины, Суморокову: Орелъ, убѣй де намъ того Орла, который летаетъ на Воробьевы горы, разумѣя подъ тѣмъ и по гербу, и по знатности особы, и почастому тамо бытію, Царя Ѳеодора Алексѣевича, возлюбившаго сіе прекрасное мѣсто и создавшаго на нихъ прекрасный домикъ, являя и симъ превосходный свой вкусъ во познаніи вѣщей. Сія небылица вымышлена на прошедшее время, и сказана въ настоящее: да и по смерти всѣмъ народомъ божественно и праведно почитаемаго Государя, которому поддапныя, можетъ быть болѣе нежели себѣ блага желали, и который не въ Воробьевскомъ но въ Кремлевскомъ дворцѣ къ вѣчному испиненыхъ сыновъ отечества жалостному воспоминовенію, во цвѣтущей своей младости, подая уже зрѣлыя плоды, скончался. Возрадовалася Царевна нашедъ привязку къ погубленію оставшихъ Нарышкиныхъ и уговаривала

Су-

Суморокова утвердити сей лживый доносъ, обѣ-
щала ему за то, тысячу дворовъ крестьянъ, Бояр-
ство и Вятское Намѣстничество и Воеводство, въ
по время весьма доходное Намѣстнику и Воеводѣ:
а не склонившагося къ тому приказала мучить
ево разнолично, употребляя ему мученія цѣлой
годъ. При послѣднемъ ево издыханіи прислала
она къ нему своево духовника спросити еще о
номъ; но онъ ей отвѣчалъ то что онъ и тогда
не солгалъ, когда ея боялся и когда ему великія
награжденія сулены: а тогда солжетъ ли онъ у-
же, когда ему ни награжденія ни милости ея
больше не надобно, отходящу изъ свѣта, въ
мѣста, гдѣ люди не чинами но дѣлами своими
отличаются, и гдѣ всѣ равны и въ чести и въ
богатствѣ, какъ носившія на плѣчахъ Порфиры,
пакъ и носившія на плѣчахъ со милостынею су-
лы: не я соплелъ сіи слова; но они точно та-
ковы были. Сожалившаяся Царевна удовлетворяя
отъящіе съ долговременнымъ мученіемъ не вин-
ному человѣку, приказала тѣло ево похоронити
въ той церкви, гдѣ ея свойственники Милославскія
погребаются, и отколѣ тѣло Ивана Михайловича
извержено, а именно въ Бѣломъ городѣ между
Мясницкою и Покровкою у Николы Столпа, гдѣ
прежде высокая коланчя, для усмотренія Татар-
кихъ набѣговъ въ видѣ столпа, на семъ вы-
комъ мѣстѣ поставлена была; и гдѣ дѣдъ мой
отецъ и безъ указа при семъ родственникѣ
воемъ и страдальцѣ за истинну, погребены;
днако Царица Наталія Кириловна и Государь

сынъ ея, брата ево, а моево дѣда наградили. Царевна, царедворцы и всѣ, время бунта, смутнымъ называли временемъ: а предатели отечества именованы были вѣрнѣйшими отечества чадами отъ сообщниковъ Царевниныхъ. А въ 15 ден Іюня оба Цари вѣнчаны въ Успѣнской соборно церкви, рукою Патріярха Іоакима: а Царевн начала Владычествовати яко Самодержица.

ГЛАВА II.

Ради лутчія безопасности, присовѣпывалъ Іванъ Михайловичь Милославской имѣвшій надъ спрѣльцами начальство, тогдашнимъ друзьямъ своимъ Боярамъ Князьямъ Хованскимъ, Князю Ивану Андрѣевичу и сыну ево Князю Андрѣю Ивановичу. Князь Хованской проименованъ былъ Тараруемъ по непостоянству и торопливости, воюющій всегда съ прошибками и всегда безъ успѣха, и упускавшій изъ рукъ побѣды надъ Поляками и надъ Шведами, а сынъ ево былъ крайне высокомѣренъ, не основателенъ, надутъ и тщеславенъ: и оба разумовъ посредственныхъ: а ето и изъ качествъ ихъ заключить можно. Они стрѣльцамъ давали своевольство, не принадлежащую дѣлали имъ почесть, и по ихъ неправеднымъ прошеніямъ притѣсняли многихъ кривосудствуя: отъ чего жителей московскихъ и честь, и жизнь и имѣніе были нѣсколько въ опасности. А стрѣльцы бѣгая предъ старымъ Княземъ Хованскимъ по улицамъ толпами возносили имя ево крича: большой, большой, что гордость ево сына еще умножало, и подало ему надежду имѣти супругою Царевну Екатерину Алексѣевну, о чемъ онъ иногда при крайнихъ своихъ друзьяхъ и опзывался; но такое ево мнѣніе еще небеззаконно. Но по смѣшно: сынъ хотѣлъ жениться на Царевнѣ: а отецъ на старости женился на вдовѣ женѣ убитаго стрѣльцами дьяка Ларіона Иванова, и взялъ оную за себя съ великими угрозами насильно; ибо она великое ему въ приданое принесла богатство. Ни кто

не смѣлъ симъ Хованскимъ ни въ чемъ противурѣчить, и не почитати отлично выборныхъ стрѣльцовъ: а стрѣльцы всегда съ Царевною и съ Милославскимъ имѣли и сношенія и совѣты злоумышленія, хотя Хованскія къ онымъ совѣщаніямъ, можетъ быть и не были прикосновенны, не зная не только того что выборныя стрѣльцы мыслятъ и Милославской, но ниже того что они сами дѣлаютъ; однако выдавали стрѣльцамъ изъ казны деньги, яко заслуженое ими жалованье. А старый Князь Хованской былъ старовѣръ; такъ не умѣя защищати оружіемъ отечества, возмнѣрился посреди своево отечества силою стрѣльцовъ, между которыхъ многія мнимыя старовѣры были, защищати старовѣріе, и ересь Казанскія соборныя въ Китаѣ церкви протопопа Никиты, нарицаемаго пустосвята, покаявшагося и паки къ оной ереси приступившаго, и привлекшаго къ оной старухъ, проспяковъ, пьяницъ и бездѣльниковъ подъ охраненіе вышерѣченнаго тарурая. Сія ересь и прежде въ Москвѣ являлася, за что раскольщики въ Пустозерскомъ острогѣ въ тюрмахъ заточены были, и попомъ за хулу на весь Царской домъ созжены. Сіи новозаконныя послѣдователи созженные называющіяся старовѣрами и сами многихъ приобщенныхъ закону своему въ лѣсахъ сожигали, а сами выбѣгая изъ огня довольствовалися ихъ имѣніемъ. Князь Хованской былъ покровитель сея ереси и по челобитью стрѣльцовъ Патріярха довелъ до того, что во гранитой палатѣ опредѣлено быти съ ними опищенцами прению.

Только отыскано въ рукописяхъ.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

писалъ

АЛЕКСАНДРЪ СУМАРОКОВЪ.

ШЕЛЬ ВЕЛИКОЛО

ПРИСТУПЛЕНІЕ КЪ ИСТОРІИ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Россія есть пространнѣйшая страна изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ, и хотя она и сама собою пространна, однако три присовокупленныя къ ней Царствы Казань, Астрахань и Сибирь весьма далеко границы сея Имперіи простерли. Сверхъ сихъ трехъ земель обладаетъ Россія Лифляндіею и частію Финляндіи. Россія Граничитъ на востокѣ съ Великою Тартаріею, на западѣ съ Польшею и Швеціею, на полудни съ Европейскою Тартаріею, съ Чернымъ и Каспійскимъ морями, на полуночи съ полуношнымъ Океаномъ. Тѣ, которые думаютъ что Россійское государство не такъ многонародно, какъ на примѣръ Нѣмецкая земля или Франція, думаютъ не разсуждая о пространствѣ области сея, и не представляютъ себѣ что селеніе Россійской Имперіи хотя и не такъ часто какъ въ реченныхъ областяхъ, однако обширность странъ сихъ ни съ

Нѣмецкою землею и ни съ которою лежащею въ Европѣ несравненна; и есть ли бы въ Россіи селеніе было такъ часто какъ на примѣръ во Франціи, и во всѣхъ бы странахъ ея, было такъ многонародно какъ тамо, тобъ Россія не Государство но цѣлый свѣтъ была. И такъ хотя въ Россіи на стѣ верстахъ столько народу и нѣтъ, сколько напримѣръ на стѣ верстахъ въ Нѣмецкой землѣ; но во всей Россіи конечно народу больше, нежели въ каждой изъ протчихъ Европейскихъ земель. О происхожденіи сего народа точнаго извѣстія дать не возможно, историки о немъ говорятъ весьма смѣшенно, однако то подлинно что Россія есть великая часть Сармаціи. Какое ея въ древнія времена было состояніе, о томъ не извѣстножъ, а ежели что въ исторіи и сыскивается, сыскивается весьма темно. То извѣстно что предъ девятымъ вѣкомъ Новогородцы и сосѣди ихъ непрестанно воевали съ Варягами. Новъ городъ есть древней и былъ великой городъ, сверхъ того былъ онъ городъ вольной, хотя мы и не знаемъ подлинно какова содержанія въ немъ правленіе было. Чаятельно по многому что были въ немъ бургомистры, и что власть надъ народомъ имѣли великую. Было и то что нѣкогда бургомистромъ была у нихъ женщина, которой имя и по нынѣ прославляется. Она называлась Мареа Посадница. Посадникъ и посадница знамѣнуютъ точно бургомистра. Мареы посадницы денги и понынѣ находятся; а изъ того мы вѣдаемъ что Россія уже давно свои монеты имѣла, и торги съ другими народами, съ которыми Россіяне

сіяне свои товары на серебро и золото размѣнивали, и что Новогородцы протчихъ Россіянъ были богатяе, какъ послѣдующее время во владѣніе великаго Князя Івана Васильевича показало, о чемъ будетъ ниже. Въ исходѣ девятаго или въ началѣ десятаго вѣку Новогородцы отъ властолюбія и гордости главныхъ людей, пришли въ замѣшательство, одинъ другому нехотѣлъ быть подвластенъ, и здѣлалось между ими междусобіе. Госпосмыслъ разумной и миролюбивой мужъ истинный сынъ отечества своево разсудивъ, что нѣтъ способу утолить мятежъ народный избраніемъ между себя начальника или начальниковъ, для того что многимъ въ сіе достоинство хотѣлось, предложилъ имъ при смерти своей, чтобъ они убѣгая зависти всѣ отставили желаніе сіе, и избрали себѣ государей изъ Князей Варяжскихъ, а по избраніи послалибъ къ нимъословъ съ прошеніемъ, чтобъ они сіе достоинство воспріяли. Нѣсколько можно заключить, что они бургомистровъ а не бургомистра имѣли, для того что избрали потомъ Государей а не Государя. Новгородцы совѣтъ Госпомысловъ, которой у нихъ знать что весьма въ почтеніи былъ заблагоприяли. Они не противились Госпомыслову предложенію, вѣдая что многимъ начальствовать нельзя, и разсудили что лутче имъ отдатися подъ правленіе другихъ, что бы ни кому не было завидно, или чтобъ всѣмъ завидно было. Послали къ Варягамъ и дали область надъ собою тремъ братамъ Князьямъ Варяжскимъ Рурику, Синаву и Трувору. Какіе были оные Князья и изъ кото-

раго

раго точно мѣста о томъ историки ни чево не пишутъ; но что они ни какой провинціи пришествіемъ своимъ въ Новъгородъ съ Россіею не соединили, изъ того ясно что они хотя были роду и Княжескаго, но не обладающіе и не наслѣдственные Князья. ежели же думать что они наслѣдство свое или и всю область оставили, и изъ отечества своево пришли въ землю не знакомую: оставить область и отечество и имѣть обладать чужими и не знакомыми народами есть дѣло почти не возможное. Чтожъ они были или княжескаго или другова какова знатнаго роду, тому не обходимо быть надобно. Новогородцы имѣвъ у себя знатныхъ людей, знатныхъ отъ незнатныхъ конечно отдѣлять умѣли, а сверьхъ того имѣючи съ Варягами и брани и торги, они несумнѣнно не слѣпо сихъ Князей въ сіе достоинство избрали. По пришествіи своемъ Княжили реченныя Князья всѣ трое купно, по томъ Синавъ и Труворъ преставились, и остался обладателемъ Рурикъ одинъ. Рурикъ оставилъ по себѣ наслѣдникомъ Княжества Новогородскаго сына своего Игора. Сей Игорь увидя нѣкогда на рѣкѣ Волховѣ прекрасную дѣвушку въ лодкѣ, приказалъ ей пристать къ берегу и влюбился въ нее, и хотя сія дѣвушка и проспаго была роду, однако будучи разумна и добродѣтельна не склонилася къ исполненію желанія ево; и говорила ему то, ежели она ему надобна, то чтобъ онъ съ нею сочетался. Что и воспослѣдовало. Сія дѣвушка называлась Ольга, и стала Княгинею. Рѣка Волховъ называется именемъ симъ отъ того, что будто нѣкогда

былъ

былъ въ Новѣгородѣ волхвъ, которой превращаяся въ звѣря бѣгалъ по водамъ симъ. Игоръ покорилъ области своей Кіевъ городъ, который отъ основателя своего Князя Кія, имущаго двухъ братьевъ Щека и Хорева, воспріялъ себѣ имя. Игоръ воевалъ съ Древлянами и убитъ на войнѣ сей. Древлянская столица называлась Искоростъ и Коросшень, и былъ сей городъ на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ Торжекъ. Ольга отмстила смерть мужа своево, Князя Древлянскаго которой хотѣлъ ее имѣть своею супругою побѣдила и умертвила, а Искоростъ въ пепелъ обратила. А когда на томъ мѣстѣ опять селиться стали и новой завѣли торгъ, названо сіе мѣсто новымъ торгомъ, и потомъ отъ невеличества торгу Торжкомъ. По семъ Великая Княгиня Ольга въ Константинополѣ въ 954 году воспріяла святое крещеніе и названа Геленою въ честь Греческой Императрицы, которая такъ же христіянскою стала Императрицею, симъ сравненіемъ въ тогдашнее время въ честь Россіи. Ольга Княжила сама въ Новѣ городѣ по смерти супруга своего и во время младыхъ лѣтъ сына своево Святослава, но къ вѣрѣ Христіянской обратить ево не могла. Послѣ Игора и Ольги Княжилъ Святославъ реченный сынъ ихъ. Святославъ былъ великой воинъ, любилъ воинское безпокойство, и вмѣсто подушки клалъ подъ голову седло. Саринцій историкъ Польскій объявляетъ о немъ что онъ завоевалъ Грецію, и что Греки выслали къ нему множество сокровищъ своихъ золота серебра и протчаго; однако онъ ни чего не принялъ и отослалъ къ нимъ на-

задъ,

задъ, кромѣ желѣзнаго оружія копей и пропчаго; и что Грекамъ побѣдитель сей такъ понравился, что они ево Государемъ своимъ имѣть хотѣли, и уже избрали, но онъ въ Россію возвратился и на пути своемъ убитъ отъ Поляковъ. По немъ воспріялъ Княженіе сынъ ево Владимиръ. Князь Владимиръ взросъ въ поганствѣ, и былъ весьма ревнителенъ въ языческомъ законѣ. Онъ получилъ одно Княжесніво Новогородское въ наслѣдство отъ отца своево; но двухъ братьевъ участниковъ области Россійской погубилъ, и сталъ въ 976 году Государемъ всея Россіи. Имѣлъ шесть женъ и восемь сотъ наложницъ, ежели историки о томъ истинну объявляютъ. Рохмиду Княжну Псковскую силою взялъ на одръ свой, а отца ее обладателя города Пскова и братьевъ ее побилъ. Былъ первый который Россійскимъ Монархомъ зваться началъ. Сей великій Князь разсмотрѣвъ что вѣра языческая не имѣетъ ни какова основанія, восхотѣлъ приять вѣру другую, о чемъ извѣстясь склоняли ево Жиды Махометанцы и Христіане обеихъ церквей восточной и западной къ воспріятію каждые своего исповѣдыванія. Великій Князь Владимиръ послалъ пословъ испытать, которая изъ сихъ вѣръ имъ праведняе покажется. Греческіе Цесари Василій и Константинъ повѣлели по прибытіи пословъ ево въ Константинополѣ предъ глазами ихъ отправить службу божію съ крайнимъ великолѣпіемъ и благочиніемъ, о чемъ Владимеровы послы ему по возвращеніи своемъ извѣстили, и пересказаннымъ благочиніемъ тронули сердце Владимирово, который крестился и вос-

воспріялъ вѣру Греческаго исповѣданія, а съ нимъ и вся Россія. Во святомъ крещеніи названъ онъ Василіемъ. Прежнихъ женъ своихъ и наложницъ бросилъ, и сочетался съ Анною сестрою Греческихъ Цесарей Василія и Константина. Главныя Рускіе идолы были привязаны къ лошадинымъ хвостамъ, влачимы и потомъ брошены въ Днепръ. Создалъ городъ Владимиръ въ честь имяни своего и пренѣсъ въ нево престолъ свой. Преставился въ 1005 году. Титло благовѣрныхъ Князей отъ него начало свое имѣетъ, а когда Россійскіе Государи стали Царями, тогда титло благовѣрный въ благочестивый премѣнилось. Россійское Государство раздѣлилъ онъ въ двѣнатцать частей, двѣнатцати сынамъ ево; что еще при животѣ ево исполнено было; однако сынъ ево Ярославъ всѣ Княженіи у братьевъ отнялъ, изъ которыхъ Бориса и Глѣба убилъ, Святополка побѣдилъ, и сталъ въ 1015 году обладателемъ всея Россіи. Отъ Поляковъ прежде былъ онъ два раза побѣжденъ, а какъ всея Россіи Государемъ сталъ, тогда и самъ въ 1038 году, ихъ побѣждалъ. Предпріятіи ево которыя онъ имѣлъ противъ Грековъ разрушились въ 1040 году разбитіемъ судовъ ево. Но когда Греки сами коснулися границамъ ево, онъ противъ ихъ храбро защищался и одерживалъ надъ ними побѣды. Скончался въ 1052 году, въ 76 годѣ вѣка своего, и оставилъ пять сыновъ которые по немъ между собой Россію раздѣлили. Владимиръ Мономахъ получилъ отъ Греческаго Императора Канстантина Мономаха Императорскую корону, и названъ

Мо-

Мономахомъ. Сей даръ есть первая притчина требованія Россійскимъ государемъ Императорской чести, которую они нынѣ отъ временъ Петра Великаго имѣютъ. Владимиръ прежде былъ удѣльной Князь, но потомъ покоривъ всѣ Россійскія Княженіи подъ одну главу въ 1116 году сталъ Монархомъ всея Россіи. Александръ на Нѣвѣ рѣкѣ надъ непріятельми одержалъ побѣду, и названъ Невскимъ, потомъ постриженъ преселился въ вѣчность и христіанскими добродѣтельми удостоился быть въ числѣ угодниковъ божіихъ. Погребенъ во Владимирѣ, но во время владѣнія Государя Петра перваго тѣло ево принесено въ Петербургъ и положено въ монастырѣ созданномъ на Невѣ рѣкѣ въ честь и вѣчное воспоминовеніе имени ево. Въ честь ево въ Россіи и Орденъ устроенъ. Даніилъ Александровичь сынъ Александра Нѣвскаго столичному Россійской Имперіи городу Москвѣ положилъ основаніе. Имя Москвы производятъ нѣкоторые отъ Мосоха; однако того ни какимъ доводомъ утвердить невозможно, и кажется по вѣроятняе что Москва имѣетъ имя отъ худыхъ мостковъ, которые на семъ мѣстѣ по болотамъ положены были, и называлося погда отъ проѣзжихъ ѣхать къ сему мѣсту, ѣхать къ москамъ, отъ чего по созданіи и города не называли ѣхать въ Москву, какъ напримѣръ въ Новъгородъ, въ Казань, и прочая, но къ Москвѣ, какъ по и нынѣ прямою Московскою рѣчью говорится. Въ семъ отъ чего сей городъ воспріялъ свое имя преимущество есть равное отъ Мосоха ли или отъ мостковъ; но по

у-

удивительно что худые мостки цѣлому великому Государству дали имя. Прежде сего вся Россія отъ чужестранныхъ Москвою имянемъ столицы, а отъ своихъ Московскимъ государствомъ называлась. Сынъ Даніила Александровича Иванъ Даниловичь пренесъ изъ Владимира въ Москву престолъ Россійскій. Великій Князь Димитрій Донской побѣдилъ Мамая владѣльца Татарскаго, и прозваніе свое имѣетъ отъ рѣки Дону гдѣ онъ побѣду одержалъ. Великій Князь Иванъ Васильевичь побѣждалъ Татаръ Казанскихъ въ 1477 году. Взялъ Новъгородъ и вывѣзъ оттолѣ превеликое богатство золота серебра и протчаго. И хотя онъ показалъ путь послѣдователямъ своимъ освободиться отъ ига Татарскаго, однако Татары еще нѣсколько Россіею властвовали. Онъ первый Великимъ Княземъ всея Россіи писаться началъ. Царей Казанскихъ перемѣнялъ поволѣ своей, а они повиновались указамъ ево, но напослѣдокъ и они надъ нимъ побѣду одержали. Москву оградилъ онъ стенами; однако Татары въ Москвѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Чудовъ монастырь, имѣли дворъ посланниковъ своихъ и собирали дань. Супруга ево Великая Княгиня по отшествіи Татарскихъ посланниковъ, сей монастырь по обѣщанію состроила. Великій Князь скончался въ 1492 году, Царь Иванъ Васильевичь

позналь силу государства Россійскаго, Удѣльныхъ Князей покорилъ Скипетру своему. Тиτло Царское воспріялъ онъ первый. Взялъ Казань, Астрахань и Сибирь. Былъ грозенъ, но былъ великой Государь. Преставился въ 1684 году. По немъ вступилъ на Царскій Престолъ сынъ его Ѳедоръ Ивановичь.

Только отыскано въ рукописяхъ.

НѢКОТОРЫЯ СТАТЬИ

О

ДОБРОДѢТЕЛИ.

ПИСАЛЪ

АЛЕКСАНДРЪ СУМАРОКОВЪ.

ALEXANDER SAVELIEVICH

POPOV

ПОВЕСТИ

О

НЕКОТОРЫХ СЛУЖЕБНЫХ

НѢКОТОРЫЯ СТАТЬИ

О

ДОБРОДѢТЕЛИ.

I.

Приятно слышати о добродѣтели; ибо она душа нашего общаго блаженства; но то горько, что она колико превозносится, толико презирается. Причины сего презрѣнія ясны: не добродѣтель дѣлаетъ насъ во народѣ отличными; но получаемыя нами чины, богатство и сила; кто же имъ, кромѣ не многихъ, предпочтетъ добродѣтель? Почитая ее, будучи самъ прѣзираемъ? Самолюбіе и любочесшіе природно всѣмъ: а потому, что, наслаждаемся мы оными, не помощію добродѣтели, но другими обиліями, мы устремляемся болѣе быти почтенны, не имѣя достоинства, нежели имѣя оное оставаться во презрѣніи. Снисканіе добродѣтели трудняе, нежели снисканіе почтенія, потому что родъ человѣческой по большой части, судитъ поверхно;

ибо невѣжества болѣе нежели просвѣщенія: пр
страстія болѣе нежели чистосердечія. Грабите
насыщается грабительствомъ: обманщикъ обм
номъ: и всякой врѣдной обществу, изобильствует
а лишенный снискати достоинствомъ себѣ д
сталочнаго пропитанія, ежели ево ни разумъ
честность не приводили къ истиннѣ, видя се
во добродѣтели страждуща, а злодѣя во безз
коніи благоденствующа, и ища любочестія и сл
столюбія разрываетъ, свою систему не приносящ
ему пользы, и ищетъ удовольствія своего во бе
законіи. Чины суть утвержденіе нашего дост
инства и заслугъ отечеству; ибо не дѣйству
щій къ пользѣ общества разумъ, и не принос
щая миру плода честность, суетны; но всегда
чины получаются по достоинству? А когда и
и безъ достоинства получить удается: а по ним
люди почитаются; такъ рѣдкой станетъ обу
дывати страсти свои, когда ему обузданіе
очень полезно: и вмѣсто сей невѣрной и трудн
дороги, изберетъ себѣ вѣрную и легкую дорогу
принятію во храмъ своего блаженства. Богатст
получаемое по наслѣдству, могло бы отдержа
человѣка отъ криваго пути, снискати изобилі
ибо изобиліе уже есть; но какъ око не насыщает
зрѣніемъ, тако, и жадность наша рѣдко изоб
ліемъ утушается. Слава влечетъ насъ; но мн
гія ли къ ней способны? Многія ли имѣютъ о
крытое къ ней полѣ? Многимъ ли она удаетс
Сверхъ того какое множество препятствовател
мы въ ней имѣемъ? Тщеславіе легче истинн
славы, и пути къ нему глаже. Знатная поро
та

пакъ же по большой части добродѣтели вредна. Не потеряетъ ли любочестія достойный человѣкъ, видя начальника своево не имуща достоинствъ? И твердѣйшей во честности душѣ, въ часы крайнихъ не удовольствій, и зрящей на ликовствованіе злодѣевъ, не сносно; но всѣ ли люди во честности герои? Не возведетъ ли къ небу рукъ и утѣсняемый герой, и не возопіетъ ли пако? О всемогущій Боже; душа моя не колеблется; но силы мои истощеваются: трепещетъ сердце и глаза помрачаются: я гладъ и жажду претерпѣваю: во весь день тоскую: въ ночи бѣжитъ сонъ отъ очей моихъ: а люди неправедныя презирая твои уставы, когда я чувствую геенское мученіе, обитаютъ на брегахъ рѣкъ райскихъ: я и не запрещенныхъ плодовъ не вкушаю: а они и запрещенными довольствуются: они ада хотя и страшатся; но имѣютъ надежду освободиться отъ него: а я уже во адѣ. Блаженство и изобиліе худыхъ людей: а особливо снисканное не правдою есть разрушеніе добродѣтели и лѣстныя пути притяжанія ко злочестію. Бѣдность угнѣтаетъ сердца и истребляетъ изъ нихъ любочестіе, огорчаетъ мысли, омрачаетъ разумъ, здравіе разрушаетъ, отъемлетъ способность нашу, дѣйствовати честностью, а иногда и во отчаяніе приводитъ, которое ввергаетъ ихъ во безумство. Алчущій, жаждущій какъ унывающій и болящій, хотя и чувствуетъ добродѣтель, но воображаетъ ее слабо. Во спокойствѣ и веселіи ясняе она воображается честностью наполненной душѣ, нежели во унынііи: и дѣйство-

вати ею честная душа во утѣсненіи едва способна; на что же и сѣмена когда ихъ сѣять нѣгдѣ. Бесполезны умъ и честность нещастнова, и для него и для другихъ.

Кто сѣтуетъ всегда,
Тотъ дѣйствовать умомъ не можетъ ни когда. (*)

Были ли вы когда, о дражайшія времена златаго вѣка? и ежели были; къ чему просвѣщаемся ученіемъ? или ради того только, чтобъ мы свое нещастіе болѣе чувствовали, и изощряли разумъ ко познанію нашей малости? Невѣжи щастливы и тѣмъ весьма, что они наполнены гордости не только боготворятъ себя предъ прочими животными, но и предъ подобными себѣ человѣками. Мѣлкой дворянинъ, не простирающій болѣе двухъ шаговъ разсудка своего, чаетъ по что коликое разстояніе почтенія между Бога и ево, толикое между ево и ево крестьянина: ѣстъ и пьетъ онъ довольно, хотя и худо, но худое за лутче вкушая. Щастливъ такой что онъ отшедъ отъ состоянія златаго вѣка избавился отягощающаго природу просвѣщенія, которое нашему спокойству поль надобно мало, сколь оно угодно нашему любопытству и любочестію, хотя оно не рѣдко любочестіе и утѣшаетъ. Свинія не часто взоръ на небо возводитъ; но благоденствующая свинія блаженняе окованнаго Галилея. Лягушка не размышляющая о Божествѣ живущая

(*) Изъ Трагедіи Синавъ и Труворъ.

вущая спокойно вЪ болотѣ, блаженняе скованнаго Сократа. И не бремя ли ученіе, когда все оно противЪ невѣжества, какЪ малый источникЪ противу Окіяна. Не слышны тогда струи вЪ рѣчкѣ, когда шумятЪ валы Окіяна: не слышно и ученіе, когда реветЪ невѣжество. ВотЪ колико препятствія добродѣтели, и колико подпорЪ злодѣянію. Лутче бы было, ежели бы ученіе со всѣмЪ исторгнулося, нежели чтобЪ оно не многими было почитаемо, многими презираемо, многими гонимо, а большею частію людей не вѣдомо. Желательно, чтобЪ люди или всѣ просвѣщенны были, или бы всѣ были невѣжи; ибо блаженство во дни древняго на свѣтѣ невѣжества было и добродѣтель почиталася. Ученіе испорченнымЪ нашимЪ сердцамЪ лѣкарство: а не испорченному злодѣяніемЪ невѣжеству оно и нужно не было; но мы видимЪ то, что сіе лѣкарство общему блаженству пользуетЪ мало, а иногда и во ядЪ претворяется; но не льзя жестоко болящему безЪ него обойтися: и ежели проповѣдываніе о добродѣтели и знаніи подпирающимЪ ее умолкнетЪ, такЪ злодѣяніе еще и больше получитЪ силы; ибо приноситЪ толкованіе о томЪ нѣкую хотя и малую пользу испорченнымЪ народамЪ. И какЪ бы то ни было; но совѣсть наша, сія данная намЪ искра Божества требуетЪ того, что бы мы ни на что не устремлялися взирая ко добродѣтели: а особливо памятуя что есть БогЪ на свѣтѣ, и что данная намЪ БогомЪ жизнь возвратится ко своему чистому источнику; такЪ надобно, чтобЪ она и чиста была. По-

слѣдуемъ должности своей: она во добродѣтели состоитъ: и ежели есть Богъ такъ будетъ и возмездіе: а Богъ конечно существуетъ.

II.

Воспитаніе къ добродѣтели потребно безъ сумнѣнія; но оно можетъ быть только предверіемъ ея; ибо воспитаніе безъ поддерживанія ученіемъ и честнымъ собесѣдованіемъ, слабо ко удержанію насъ на пути истинны. Пріятныя основанія единою привычкою утверждаются, и отвычкою искореняются. Едина о добродѣтели проповѣдь, коль она ни вѣроятна, легко исторженна быти можетъ, малѣйшимъ противогласіемъ. Похвально воспитаніе; но къ нему честное потребно обхожденіе, и образцы привлекающія насъ ко честности: а сверхъ того ученіе. Казалося бы что физическое и математическое разсужденіе добродѣтели было не нужно: да многія физисты и математисты, честности и незнаютъ; однако тогда ихъ основанія не употребляются, кромѣ какъ только ко ихъ профессіямъ. Сіи двѣ обширныя науки и логика, суть орудія къ изысканію истинны: а добродѣтель безъ снисканія истинны ни вкорениться ни утвердишься не можетъ. Словесныя науки имущія основаніе на логикѣ, нужняе еще и физики и математики ко пріобрѣтенію добродѣтели. Но потому что добродѣтель не отъ однихъ ученыхъ требуется, можетъ показаться ученіемъ не столи нуж-

нужнымъ ради добродѣтели. На сіе я во возражаніе отвѣчаю: не надобно премудрости солдату; но полководцу безъ нея обойтися не льзя. Солдатъ установленію слѣдуетъ; но предписаніе устава требуетъ просвященнаго полководцу ума, тако и ученіе потребно предводителямъ народа: а всему народу ево имѣти не можно: да ученіе сверьхъ того еще велико при великомъ остроуміи; ибо малоумныхъ оно портитъ. Народъ утверждается предписанными имъ уставами, которыхъ благо ему понятно, а сами они системъ не составляютъ, хотя о честности и одна только система: и кажется что она еще и не трудна: ибо въ томъ она и состоитъ только: дѣлай то другому, чево ты себѣ желаешъ. Рубашка, какъ говорится, кафтана къ тѣлу ближе; такъ не льзя не предпочесть своея собственности, дѣламъ другова; однако желай добра и другому по размѣру, желаніямъ собственности. Кратка и проста сія наука; но развращенному разуму и испорченному сердцу, весьма трудна; ибо противоборствіе невѣжества и пристрастія, должно быти опровергаемо великою силою просвѣщенія. А воспитаніе къ тому только дорогу очищаетъ. Мука еще не хлѣбъ, слѣдовательно и не пища еще: воспитаніе становится пищею добродѣтели тогда, когда оно установится просвѣщеніемъ: безъ котораго оно подобно орѣху не имущему еще ядра, или яйцу не произведшему еще цыпленка.

III.

Возращеніе добродѣтели принадлежитъ начальникамъ и писателямъ: проповѣдники добродѣтели толкуютъ о ней: а начальники за нее награждаютъ, пороки исправляютъ, и беззаконіе истребляютъ. Сіе дѣло есть первая Монарша должность, но Монархи не сердцевѣдцы и не всевидцы; такъ не могутъ разбирати всѣхъ подданныхъ, да и ближайшихъ отягощенны многими дѣлами подробно не всегда разбирати могутъ; надобны такія вельможи которыя бы имъ помоществовали, въ семъ важнѣйшемъ должности ихъ дѣлѣ. Чѣмъ вельможи просвѣщенняе и добродѣтельняе, тѣмъ болѣе чистится и народъ. Когда вельможи любятъ науки, любитъ и народъ: когда вельможи травятъ только заяцовъ: другія дворяня такъ же порскаютъ: когда вельможи играютъ только въ карпы, весь народъ держится пеструхи: а сія игра есть оправа добродѣтели, отводящая людей отъ должностей, убивающая время и пустымъ обременяющая головы. Кажется мнѣ что времени мало человѣку, ко исправленію должностей, хотя бы и картъ не было: да и на что играти тому въ карпы, у кого и безъ того доходы велики? Не лутчели бы отдати сей гнусный трудъ и врѣдный процелыгамъ? Пускай сею гнусною профессіею обогащаются тунеядцы и разоряютъ молодыхъ людей. Не явное ли ето разрушеніе добродѣтели? Всѣ ето видятъ, и ни кто сему не противоборспвуетъ; не чудно ли ето? Чѣмъ же провождати время? Не чѣмъ,

когда

когда голова пуста; но пустой головѣ, должно ли большой имѣти чинъ? Не подумаетъ ли кто, что я говорю дерзко; ибо многія достойныя и почетныя люди пеструхи держатся, или карпами забавляются. Можно ли хулить пьянство, когда бы какой знатной господинъ, етова держался? И можно ли озиратьсяся, когда я пишу о добродѣтели, нѣтъ ли какова изъ могущихъ содѣлати мнѣ худо, недобродѣтельнаго господина, упражняющагося единственно въ маловажнѣйшихъ забавахъ? Когда писать о истиннѣ и добродѣтели; такъ бояться ненадобно, по пословицѣ: *Когда кто боится дрязгу, тому не надобно и въ лѣсъ ходить.* Трусливый моралистъ есть трусливый воинъ: трусъ военный не принимайся за шпагу и не дѣрись за отечество: а трусливый моралистъ не принимайся за перо и не защищай добродѣтели.

IV.

Добродѣтельныя люди не боги, и подчинены страстямъ, хотя и не подвержены беззаконію. *Мы грѣшны всѣ, и всѣ природы одинакой; но плутъ изъ насъ не всякой.* Строгость во разсужденіи слабостей нашихъ, и строгое мнѣніе есть тиранство. Человѣколюбіе есть первая статья добродѣтели, и источникъ всякаго блага. Теперь я спрошу: должно ли имѣти человѣко-

вѣколюбіе къ тѣмъ которыя сами онаго лишенны: нѣтъ. Я не законодавецъ, и даю мое разсужденіе, а не законы. Не должно быти противъ ихъ тиранами только; ибо кто украдетъ у меня, а я за то украду у нево; такъ мы оба воры будемъ. Убійца и грабитель сами себя любви ближняго лишаютъ: и могу ли я того любити, кто другихъ не любитъ? Надобно говорятъ любити человѣка, по человѣчеству; но человѣкъ лишенный человѣчества противняе хищнаго звѣря. Я смотрю съ отвращеніемъ, когда псы ловятъ заяца, и безъ жалости могу не смотрѣть, но терпѣть, когда убивается хищный волкъ. Какъ убиваютъ быковъ, я етова съ роду не видалъ и ни когда не увижу: необходимость только сіе наше варварство извиняетъ. Не похваленъ человѣкъ лишнюю имущій копѣйку, и подчивающій просящаго старика, или больнова человѣка или алчущаго младенца, словомъ: Богъ дастъ, употребляя не къ мѣсту имя милосердаго Бога; но кто не подастъ милостины разбойнику; чѣмъ того обвинишь можно? Когда я увижу разбойника, я стыжуся, что и я такія же составы какъ онъ имѣю, и жалѣю тогда что я не овца; ибо овцы безъ исключенія всѣ не злосерды. Когда я вижу не связныя стихи, я стыжуся что я стихотворецъ, и имя поезіи тогда мнѣ омерзеваетъ.

Въ судѣ противъ бездѣльствъ имѣя сердце твердо,
Взирай на слабости людскія милосердо. (*)

Не почитайте не добродѣтельными людьми,

людей

(*) Трагедія Семира.

людей подверженныхъ нѣкоторымъ слабостямъ, но не называйте пороками беззаконій.

V.

Добродѣтельна ли женщина подверженная не постоянству любовному? Порочна она, но можетъ быти и добродѣтельною, ежели ея судьбина не связана съ честію или ея родителей, или мужа или сродниковъ, или съ честію дома, или съ честію будущаго ея мужа, или она обманута, или покорствовала она незапно часу распаленія. Какъ то ни есть; но она изъ числа добродѣтельныхъ женъ исключиться не можетъ, ежели она сіе стараться будетъ удовлетворити, приемлющимъ во ея безчестіи участіе: и исключается изъ числа добродѣтельныхъ людей, ежели она въ томъ ожесточилась. Молодыя люди всѣ подвержены сей страсти; но они изъ числа добродѣтельныхъ не исключаются; ибо весь бы былъ человѣческій родъ безчестенъ; однако обманщики и не постоянныя люди всеконечно безчестны, и ни когда ни чѣмъ бесчестія своево, какъ воры и разбойники не загладятъ. любовь до тѣхъ поръ не отлучается отъ добродѣтели, доколь она благородная страсть.

люблю Офелію; но сердце благородно,
Быть должно праведно хоть плѣнно, хоть свободно. (*)

Пьяница презрителенъ, но не безчестенъ, ежели

(*) Трагедія Гамлетъ.

ежели сія лѣсница не низводитъ ево во беззаконіе, которое хотя и мѣнше, нежели беззаконіе трезваго; но не со всѣмъ извинительно, а великое беззаконіе, и ни мало не извинительно. Картежникъ и самою своею профессіею почти беззаконникъ, хотя бы игра и не доводила ево до бездѣльства. Лжецъ, лишенъ добродѣтели, ежели онъ врѣденъ, и презрителенъ только ежели не врѣденъ. Ругатель и поноситель суть люди бесчестныя. Судья грабитель, хуже вора; но то сожалѣтельно, что таковыя люди и себя и своихъ наслѣдниковъ обогащаютъ. Наслѣдники ихъ хотя и не винны, но сія диплома что они бездѣльствомъ родителей своихъ разбогатѣли, имъ чести не приноситъ. Ето жалостно что въ четверпомъ и пятомъ колѣнѣ уже не будетъ извѣстно, что я великолѣпствую краденымъ; но Богъ конечно что нибудь во судьбахъ своихъ имѣетъ пропиву великолѣпія похищеннаго предками.

VI.

Не дѣлати зла, хорошо; но сіе благо еще похвалы не заслуживаетъ: столбъ худа не дѣлаетъ; но столбъ за то еще почтенія не удостоевается. Не дѣлать худа, не есть добродѣтель добродѣтель есть дѣлати людямъ добро, коли можно похвально и то, что я могу и не дѣлать людямъ худа; но то еще не добродѣтель. Но можетъ ли еще ето быти, что бы кто не смог

лю

людямъ дѣлати добра? Кажется мнѣ, что всякой человѣкъ много или мало, но можетъ ближнему дѣлати услугу. И такъ каждый человѣкъ имѣетъ могущество благодѣяніями своими снискати добродѣтель: а еще удобняе ему быти злодѣемъ. Ко благодѣянію устремляются не многія, а злодѣяніемъ наполненна вселенна, по размѣру невѣжества и ожесточенія. Не думаетъ ли кто угоденъ быти Богу, когда сердце чье не добродѣтельно. Тщетны и молитвы и посты ево. Богу жертва, сердце сокрушенно и смиренно.

VII.

Бѣдность отводитъ не рѣдко людей отъ пути добродѣтели; но сіи люди ни когда прямо добродѣтельными не были; ибо твердаго въ ней человѣка, ни кто и ни чшо отъ нея отклонити не можетъ. Когда нещастной человѣкъ почитаетъ бога, и жаждя сіе ему еще и пріятняе. Многія во время щастія своего Бога любятъ, а во время нещастія на него негодуютъ; но они и во щастіи добродѣтельны не были, но только обманывали свою совѣсть. Ето правда, что нещастіе и бѣдность отягощаютъ сердце и простертію богопочитанія препятствуютъ; но зажженныя любовію къ Богу искры въ цѣлости своей пребываютъ, и огнь имѣетъ туже силу, хотя и не простирается. Ни бѣдной ни больной во время

муки своея хотя и наполняются благоговѣніемъ, не могутъ предстати въ томъ образѣ предъ жертвенникомъ величія Божія, въ какомъ они были въ часы своего благоденствія. Однако добродѣтельная душа и безъ возмущенія горестьми и Бога и человѣка съ мѣншимъ проситъ жаромъ нежели когда благодаритъ. А худыя люди просятъ жарко а благодарятъ холодно.

VIII.

Многія думаютъ будто просвѣщеніе только однимъ начальникамъ имѣти надобно; но блаженство общества состоитъ не въ начальникахъ однихъ, и не въ однихъ знатныхъ господахъ. Когда де говорятъ люди всѣ просвѣщенны будутъ: такъ не будетъ повиновенія и слѣдовательно никакова порядка. Сія система принадлежитъ малымъ душамъ и безмозглымъ головамъ. Здѣлаемъ новое общество, и вообразимъ то что оно состоитъ изъ Сократовъ. Захочетъ ли кто видѣти не породою и не достоинствомъ, но щастіемъ кого себѣ Государемъ, когда онъ самъ долженъ будетъ черпать ему воду? Собрался бы Сократы, и посовѣтовавъ выбрали себѣ конечно, или Государей или Государя. Монархическое правленіе, я не говорю диспотическое есть лутчее: такъ сіи Сократы посовѣтовавъ избѣрутъ себѣ Государя, вельможъ и начальниковъ, которымъ они

они еще больше повиноваться будутъ, имѣя здравый разсудокъ: предпишутъ они не наруши-мыя законы, свяжутъ и себя и вельможей тѣми законами которые они сами уставили. Сократъ истопникъ не будетъ имѣти презрѣнія; ибо онъ почтенъ отъ того, кому онъ печи топитъ, и пѣмъ ево онъ нолько менше, что начальникъ во, больше нежели онъ трудится: онъ топитъ ечи, а тотъ судитъ и распоряжаетъ. Сверхъ ного могутъ люди всѣ быти просвѣщенны; но качества просвѣщенія суть разноличны. Тотъ законникъ: тотъ піитъ: тотъ воинъ: тотъ живописецъ: тотъ астрономъ; и такъ: хотя разумъ и равенъ у людей; но уже и качества просвѣщенія дѣлаютъ различіе между нами. Говорятъ же не о равновѣсіи разума, но просвѣщенія; такъ не только равнаго просвѣщенія, но и разума, да и ни чево на свѣтѣ равнова нѣтъ; такъ сія гадкая система сама себя опровергаетъ, со стыду толь не добродѣтельно мыслящихъ: и стьли они не отъ невѣжества и привязанной къ ему гордости такъ разсуждаютъ; такъ конечно тъ нечестія.

IX.

Господинъ Бетской къ умноженію въ Россіи абродѣтели много основалъ. Я былъ самъ кетъ и вижу многихъ изъ того корпуса достойныхъ людей; но сколько на противъ того и та-

кихъ, которыя, тѣми же стали уродами, какими они въ корпусъ вошли; ибо они ни къ ученію ни къ благородному обхожденію не прилегали: а изъ сего кадетскаго корпуса, по крайнѣй мѣрѣ и послѣдній будетъ имѣти видъ человѣка благороднаго, по одной привычкѣ. Тамо обучали насъ быти солдатами: а здѣсь при томъ обучаютъ быть и людьми, да еще и благородными. Большія разумы исходятъ сами изъ заразы худова воспитанія; но всѣмъ ли людямъ большія даюпс разумы и чистыя сердца. Острому человѣку не много больше потребно воспитаніе, сколь здоровому человѣку лѣкарство: онъ и попортив себя, самъ себя поправитъ; однако и ему пре дупредительныя способы потребны; но всѣ ли люд здоровы? И всѣли отличную остроту имѣютъ а нѣкоторыя и имѣли оную, лишенны всѣхъ спо собовъ, остаются какъ тучныя и не насѣянны нивы. Дѣвицы воспитуемыя въ монастырѣ, ем Г. Бетскому сколько же чести приносятъ; он не только своихъ чадъ просвѣщати будутъ, и и мужей поправятъ, ежели только будетъ удо но. Нѣкоторыя дѣвицы, дочери и знатныхъ го подъ, успремляются только въ бездѣлушки, всю премудрость во единой модѣ почитаютъ, не мысля ни о небѣ ни о землѣ. Двѣ дамы т кой нѣкогда имѣли разговоръ: одна была просв щенна; ибо она знала что есть на свѣтѣ Африк а знала она ето по тому что имѣла она арапа: я чаю, говорила она, что въ Африкѣ то очень жар когда въ ней солнце такъ жестоко пожигает а та смѣяся говорила ей: фу матка, будто

то же въ Африкѣ солнце, которое и у насъ. Я и ету почитаю уже просвѣщенною; ибо она знала, что солнце одно только на свѣтѣ: а иныя и етова не знаютъ. Воспитанницы въ монастырѣ, такова спора не заведутъ. Многія дѣвицы у насъ и своихъ мыслей не умѣютъ изъяснити, и не могутъ изобразити того что они чувствуютъ: а г. Алексѣева и г. Рубановская и чужія мысли и чувствія изображаютъ. Сколько сыщемъ мы подобныхъ г. Алексѣевой, могущихъ изображаться толь сильно, благородно, вкусно, и разумно? Не только дѣвицъ, не только мущинъ но и самыхъ актеровъ на свѣтѣ, не взирая что, ето не профессія г. Алексѣевой, и въ чемъ она еще и очень мало упражнялася: а три года о томъ и не думывала. Не дерзнетъ ли кто всѣмъ разсуднымъ людямъ попротиворѣчить и сказати, что декламація, ума, остроты, разсудка и вкуса не требуетъ? г. Алексѣева и г. Рубановская трогали чувствительностію своею, и сердце самово автора. Кто лутче судить можетъ то, какъ самъ авторъ: вошли ли г. Алексѣева, и г. Рубановская, во авторскія мысли и чувствія? г. Молчанова, г. Львова, г. Левшина, г. Нелидова, г. Баршова, г. Алымова и г. Арсеньева, конечно и театральными представленіями дѣлаютъ честь нашему вѣку, г. Бетскому, и г. Лафоншѣ. Многія и тѣмъ возносятся что они хорошо въ вискъ и въ шахматы играютъ. Картами и шахматами опличаюпіся люди самой мѣлкой профессіи; ибо вкусъ нашъ сими забавами не исправляется: а

декламація насъ возвышаетъ. Человѣки словес-
ностію отъ прочихъ тварей отличаются: а пи-
смами, разговорами, и декламаціею отличаемся
мы и отъ прочихъ людей. Худо воспитанный
человѣкъ можетъ быти ученъ; но не имѣя вку-
са благороденъ ни когда не будетъ. Вкусъ со-
стоитъ изъ размѣрной смѣси, понятія, ума, и
разсудка. Все епіо я вижу и по одной деклама-
ціи въ г. Алексѣевой, г. Рубановской и во всѣхъ
именованныхъ во письмѣ семъ дѣвицахъ; но я не
многихъ только знаю, но и о другихъ имѣю вы-
сокое мнѣніе; хотя я и знаю что сіи дѣвицы
мѣжду хорошими дѣвицами суть изъ самыхъ луч-
чихъ: а изъ того слѣдуетъ по что декламація
изображаетъ намъ довольно ихъ достоинства: да
и нельзя инако быть; ибо декламація есть истин-
ное существо вкуса: а вкусъ выше всего во при-
родѣ человѣческой. Не слѣдуетъ изъ того, что
актеръ почтеняе всего на свѣтѣ; но то что
автору и актеру вкусъ не только нужняе всѣхъ
ученыхъ но и всѣхъ художниковъ. Г. Алексѣева
есть образецъ лутчаго вкуса, превосходящаго
похвалу мою: отлично и весьма много похвальна
и г. Рубановская. Но чья похвала важняе пох-
валы автора, самыя тоя драмы, которая была
представлена, предъ ево глазами, къ восхищенію
ево духа и къ восторгу ево сердца. А что при-
надлежитъ до г. Алексѣевой такъ только то
подвержено критикѣ, что Олегъ старъ и слѣдо-
вательно не хорошъ, а г. Алексѣева и молода и
прекрасна: тотъ вялъ а она жива и быспра; но
сей порокъ произвели ее отличныя тѣлесныя и
душев-

душевныя качества. Благословляй Боже вертоградy сіи, кЪ чести воспитуемаго юношеспіва, кЪ пользѣ нашего отечества, ко прославленію г. Бетскова и кЪ вѣчной славѣ Великія ЕКАТЕРИНЫ.

X.

Для Академіи художествЪ устросно воспитательное жилище. Не лутче ли, и не вЪ честь ли ето художествамЪ, когда они добродѣтельнымЪ людямЪ отдаваться будутЪ. ВрѣденЪ безЪ добродѣтели не только ученый одинЪ, но и художникЪ. ПіитЪ каковЪ бы ни былЪ, не будешЪ полезенЪ обществу безЪ проповѣданія добродѣтели, и безЪ умноженія вкуса. Добродѣтельный художникЪ ужасняе изобразитЪ адЪ, и приятняе Елисѣйскія поля нежели художникЪ и беззаконникЪ, и привлечетЪ удобняе ко добродѣтели. Страшный судЪ и худыми иконниками писанный толпы людей собираетЪ и многихЪ уличаетЪ и привлекаетЪ ко пути добродѣтели. ПроповѣдникЪ имущій добродѣтельное сердце, тронетЪ сердца слышателей удобняе, какЪ и хорошій и добродѣтельный актерЪ удобняе тронетЪ души наши, нежели хорошій актерЪ не ощущающій добродѣтели. Сіе училище приноситЪ г. Бетскому честь, какЪ и сиропитательный домЪ воспитующій презрѣнно рожденныхЪ. Презрѣнно рожденныхЪ говорю по обыкновенному и не основательному обык-

новенію. Ибо Господь БогЪ о родѣ человѣческомЪ инако разсуждаетЪ: а ему слѣдуя, разсуждаетЪ такЪ же и наша человѣколюбивая монархиня. Скажемъ тако: рожденны сіи младенцы во грѣхѣ произшедшихЪ ихЪ и зачаты они во беззаконіи; но ЗаконодавецЪ нашЪ рекЪ о блудницѣ: аще кто не имать на себѣ грѣха, да вержетЪ на нее камень; не уже ли самЪ ЗаконодавецЪ изрекЪ сіи слова противу Священнаго Писанія: и когда блудница прощена; невинныя отЪ нихЪ рожденныя младенцы, чѣмЪ винны? Таковыя младенцы или погибали, или во презрѣніи возрастали: а нынѣ и не гибнутЪ, и возрастаютЪ добродѣтельно. Во ихЪ воспитаніи готовящся имЪ не стыдЪ но честь, и приращеніе добродѣтели, вмѣсто отЪ презрѣнныхЪ младенцовЪ, худова поведенія; и слѣдственно умноженія беспутства.

XI.

Религія и правосудіе, коль ни святы; но колико вЪ нихЪ злоупотребленія? А сіе ошЪ разрушенія добродѣтели происходитЪ. Суетно всѣ на свѣтѣ когда добродѣтель не имѣетЪ подпоры. На сіе, что бы добродѣтель охранялася устроены монархи, вельможи и начальники. Вельможи суть первыя подЪ короною, или подЪ главою члѣны и приспрастія вельможЪ ихЪ суть важнѣйшія беззаконія, отверзающія пути ко нещастію и к разрушенію добродѣтели.

XII

XII.

ВЪ войскѣ солдатамъ потребно мужество: начальникамъ сверхъ того справедливости потребно еще больше нежели рядовымъ; полководцу сверхъ того больше всѣхъ добродѣтель. Знаю я что есть ето на свѣтѣ, чтобы убивати иногда пораженныхъ уже безъ пощады. Водится ето; но праведно ли ето? Такое наученіе иногда и самимъ наставникамъ бываетъ ко врѣду. И можно ли научати людей добродѣтели, и въ самое то время слѣдуя разъяреннаго сердца движенію варварству? Не ослѣпленны ли тѣ люди, когда не видятъ лютаго сердца своего предводителя, сдирающаго кожи съ людей, по всѣмъ законамъ и по волѣ монарха и всего отечества, защищающихъ истинну, и однимъ мерзскимъ разрушителемъ добродѣтели, вовергаютъ себя въ рѣдко случающіяся беззаконія, увѣряся ясно что предводитель ихъ и плутъ и мучитель? Варварство и въ узаконенныхъ войскахъ есть разрушеніе добродѣтели. У насъ етова не дѣлается: а сіе усугубляетъ нашу побѣдоносную славу, и вселяетъ во народы наши человѣколюбіе.

XIII.

Судьи емлющія взятки всѣхъ тварей гаже: и ежели крючкотворный подьячій подверженъ жесшокому наказанію: сей благородный мужъ пре-

восходитъ беззаконствуя и продавая истинну воровъ и разбойниковъ бездѣльствомъ. Нѣш достойной имъ на свѣтѣ казни. Когда я о сем только воображу, вся во мнѣ востревожится крови А вы дѣти похитителей истинны и разрушите лей добродѣтели, наслѣдуя ограбленное имѣніе и приобрѣтенное взятками откупомъ и подря домъ неправды, можете ли быти почтенными в очахъ добродѣтельныхъ людей? Но ни вы ни ваш скаредныя родители, довольствуяся такимъ без совѣстнымъ нажиткомъ, не взираете на пусты добродѣтельныхъ людей критики, и пропивая проѣдая приобрѣтенное, безъ угрызенія совѣсти Вы щастливы; но Богъ судьбы свои премудр устроеваетъ: такъ конечно и сія статья, какъ поступити съ наслѣдниками грабителей, у Нево устроена.

XIV.

Разрушается ли отомщеніемъ добродѣтель? И отомщеніемъ и упущеніемъ разрушается. Упускай кающемуся. Г. Волтеръ говоритъ: грѣшити есть дѣло человѣческое а упускати прегрѣшенія, есть дѣло Божественное. Но не будетъ оно дѣломъ Божественнымъ, когда не кающемуся отпускается; ибо и Богъ не кающихся не прощаетъ. Не должно мстити тому, кто меня выбранитъ, и повинится предомною; но можноли и каю-

кающагося простити, кто погубитъ моихъ родителей, жену и дѣтей? Такое упущеніе ко добродѣтели не принадлежитъ; но ко разрушенію оныя.

XV.

Кто не вмѣшивается въ чужія ссоры, тотъ называется обыкновенно добрымъ человѣкомъ; но добраго человѣка дѣло прекращати ссоры когда можно, и когда къ тому онъ привлекается. Кто въ чужія не мѣшается дѣла, тотъ только единаго себя любитъ, и не достоинъ любви другова. Въ Аѳинахъ было установленіе, что когда республика раздѣлится, и Аѳинянинъ не пристанетъ ни къ которой части; онаго выгнать изъ отечества.

XVI.

Говорятъ нѣкоторыя, ко похвалѣ нѣкоторыхъ: они такъ живутъ тихо, что какъ бы ихъ и небыло. Лутче что бы ихъ ни когда не было. Худо, когда кто злодѣйствуетъ; но и то не хорошо, когда кто живетъ ради себя единаго.

XVII.

XVII.

Есть люди, не познающія Божества отъ недоумѣнія; но есть и такія люди, которыя не познаютъ Божества отъ излишняго умствованія и отъ заблужденія. Говорятъ будто можно быти честнымъ человѣкомъ и безъ познанія Бога. Безумныя и не ученыя атеисты презираются; но разумныя и ученыя опасны, дабы они, и остатковъ добродѣтели не разрушили: а я твердо стою что атеистъ честенъ быти не можетъ. Между суевѣрами во всѣхъ религіяхъ, честныя люди есть: нѣтъ только честныхъ людей между ханжей: а ханжество должно духовными всячески истребляемо быти, ежели духовныя ради лицемѣрія или какой опасности отъ ханжей боятся коснуться пустосвятству ханжей; они разрушители добродѣтели. Суевѣры добродѣтель колеблютъ: ханжи разрушаютъ: атеисты истребляютъ: а Богопочитатели добродѣтель утверждаютъ и распространяютъ.

XVIII.

Богопочитаніе, къ Монарху усердіе, любовь къ отечеству, наблюденіе благопристойности безпристрастіе, исправленіе должностей, жалость и дружба суть неколѣбимыя добродѣтели основанія. Кто не чтетъ Бога, въ томъ и искры добродѣтели нѣтъ. Кто не усердствуетъ Монарху тотъ отъ главы отторженный членъ. Кто не лю-

любитъ отечества, тотъ отторженный члѣнъ отъ всего тѣла. Кто не наблюдаетъ благопристойности тотъ себя, яко члѣна осрамляетъ и и тмитъ порядокъ добродѣтели. Кто не правитъ должности, рветъ онъ порядокъ добродѣтели. Кто не имѣетъ жалости, тому добродѣтель не прикасается. Кто дружбы не хранитъ, тотъ измѣняетъ добродѣтели. Кто пристрастію слѣдуетъ, тотъ отвращается отъ добродѣтели. А кто все сіе наблюдаетъ, тотъ правъ и предъ Богомъ и предъ людьми.

XIX.

Человѣкъ не имущій благодарнаго сердца, почти со всѣмъ добродѣтели лишается, и не достоинъ ни какой милости. Могущій дати бѣдному милостину, и не помогающій ему, не много почтенняе не благодарнаго. Скупой честнымъ человѣкомъ рѣдко бываетъ. Мотъ и расточитель, хотя и не бесчестны; но весьма близки ко бесчестности: и одинъ шагъ ево и незапно можетъ вовергнути во беззаконіе.

XX.

XX.

Человѣкъ нескромный врѣденъ себѣ но не бесчестенъ; однако портитъ добродѣтель, себя самаго не остерегая, и принося ближайшимъ своимъ горесть. А кто чужія выноситъ вовѣренныя ему тайны, тотъ разрушаетъ добродѣтель. Выносящій по пословицѣ изъ избы соръ, грѣшитъ противу добродѣтели. Ругатель и поноситель человѣческихъ слабостей, согрѣшаетъ, а иногда и беззаконствуетъ.

XXI.

Гордость есть не простительная порча добродѣтели: тщеславіе порокъ великой. Низость и подлость суть малодушія разрушающія благопристойность: трусость есть природная слабость, но малость души, могущая подати поводъ ко разрушенію добродѣтели.

XXII.

Невѣжество есть дорога, къ неумѣренному самолюбію, ко гордости, и ко закрытію истины и добродѣтели.

XXIII.

XXIII.

Преступленіе даннаго слова есть бесчестіе: преступленіе клятвы есть беззаконіе. ПочтенЪ тотЪ человѣкЪ, котораго слово, какЪ крѣпостное письмо. Наши предки писывали вЪ рядныхЪ тако: кто попятится, тому стыдно будетЪ, и не преступали етова. Мы научилися преступати данныя слова, отто многихЪ введенныхЪ комплиментовЪ, обѣщевающихЪ кЪ исполненію все, и ни чево не исполняющихЪ.

XXIV.

Грубость гадка, а комплименты еще гаже. Одно отводитЪ отЪ благопристойности: а по малу и отЪ добродѣтели: а тѣ и мысли и чувствія пустымЪ наполняютЪ и суть нѣкія частицы, того орудія, которыми разрушается истина и добродѣтель.

XXV.

Ежели кто можетЪ какую ближнему здѣлать услугу и не дѣлаетЪ: ежели кто ково можетЪ утѣшить и не утѣшаетЪ, или не посѣщаетЪ во болѣзни, не можетЪ назваться честнымЪ человѣкомЪ. Мы живемЪ ради того, что

бы

бы славили Бога и взаимно другъ другу помогали. А кто себя лишъ только помнитъ и не печется о другихъ, оный есть врагъ не только ближняго но и Божій.

XXVI.

Лихоимство есть изъ первыхъ статей безъ законія. Не оправдится и тотъ, который записываетъ деревни, или подобное тому дѣлаетъ думая что онъ законовъ не преступилъ: законы ради порядка въ таковомъ случаѣ, а безчестнаго человѣка ни мало не извиняютъ.

XXVII.

Кто плутуетъ, тотъ смертно согрѣшаетъ а кто другихъ плутати научаетъ, тотъ еще скарядняе. Горе имъ же соблазнъ приходитъ: а кто научаетъ другихъ дѣлати беззаконія, тотъ не соблазняетъ, но дѣлаетъ плутамъ наставленіе.

XXVIII

XXVIII.

Пьянство есть великой порокъ, само собою и путь ко разрушенію добродѣтели. Рѣдко бываетъ то, чтобы оно не произвело, какова другова еще весьма близкаго ко беззаконію порока: и въ непросвѣщенныхъ людяхъ, оно по большой части было основаніемъ всякаго зла. Разбои и мятежи и по опытамъ суть ево отрасли.

XXIX.

Любовь сама собою есть благороднѣйшая часть нашея жизни; но весьма часто бываетъ она прелестительна. Дѣвушка вдавшаяся въ любострастіе, уготовитъ во приданое мужу своему бесчестіе. Замужняя еще больше. Вдова дѣлаетъ любострастіемъ почти то же что и дѣвка и будущему мужу своему: роду и свойственникамъ стыдъ приноситъ. А ежели она и замужъ ийти не намѣрена; но рушитъ благопристойность. Когдажъ бываетъ любовь благородною? Благородна любовь между жениха и невѣсты, я не говорю между мужа и жены; ибо то уже супружество. Невѣста прешедшая до вѣнца границы своей должности извинена; но не извинена, ежели послѣ прехожденія должности, не будетъ женою жениха своего. Много есть еще обстоятельствъ, которыя слабости женскія, не только извиняютъ, но еще при успѣхахъ имъ и честь приносятъ: а мущинамъ еще и мѣнше дѣлаютъ вины; ибо стыдъ лю-

Любострастія отъ стороны мужской гораздо мѣн-
ше. Не могущія быти въ супружествѣ, и не
препятствуемы законами честности свободу и
мѣютъ любиться; но я говорю въ разсужденіи
свѣта а не закона. Во преступленіи закона
законъ и судитъ. Во преступленіи честности
судитъ честность. Женщина отданная силою
негодному человѣку въ супружество по честности
невинна когда другова любитъ. Не много винна
и подверженная такой слабости женщина, котора
не одного, но многихъ во жизни своей любила
когда случаи разрывали не однократно но всегда
ихъ разлучали. И мущина и женщина таковы
невинны, но нещастны. Мужъ имѣвшій отъ жены
своей невѣрности, извиненъ любя другую: полю
бившій гонимую мужемъ жену извиненъ; но по
любившая гонима мужемъ другова, развѣ во край
ности менше извинена; ибо стыдъ женщинѣ боль
ше, нѣжели мущинѣ. Равныя они человѣки: ето
правда; но здѣсь судится не по единому чело
вѣчеству; но по уставамъ политики. Дѣлающій
изъ своево имѣнія деньги, не по морали но по
политикѣ осуждается. Знаемъ мы что устав
лено всѣмъ обществомъ Европы, оснуяся на
религіи что любодѣяніе и прелюбодѣяніе грѣхъ
и стыдъ: а женщинѣ оснуяся на обыкно
веніи ето еще стыдняе. Не можемъ мы фило
софствованіемъ разрушити сего права. Множе
ство исключеній сыщемъ мы любви быти ей бла
городною; но я оставляю сіи изысканія; ибо
мущины и женщины ихъ и безъ меня довольно
сыщутъ: а я пишу не о сластолюбіи, но о добро
дѣтели.

XXX.

Нещастна женщина ввѣрившаяся обманщику или не постоянному человѣку; но прямо извиниться не можетъ и добродѣтель она хотя и не разрушила; однако довольно попортила, и позхотя и не лишенно; однако гораздо умѣншаетъ, дное ея раскаяніе надлежащаго о ней сожалѣнія кЪ пущему еще огорченію приемлющихЪ во поведеніи ея участіе.

XXXI.

Кто не платитъ долговЪ отЪ недостатка, тотЪ нещастенЪ: а кто не платитъ отЪ не хотѣнія, тотЪ безчестенЪ.

XXXII.

Кто сЪ подчиненными строго поступаетъ, тотЪ пороченЪ, а кто слабо поступаетЪ тотЪ презрителенЪ. ОтЪ изЪ лишнія упускливости раждается своевольство, и разрушеніе общаго покоя: а отЪ излишнія спрогости страждутЪ наторыя не многія: а отЪ излишнія кротости многія не только страждутЪ но и гибнутЪ.

XXXIII.

Всякое людямъ отягощеніе, есть безбожіе и безчеловѣчіе; воздерживати людей и запрещати имъ вольничати, есть дѣло доброе. Дати спо собы, къ тунеядству, праздности и лѣни есть порокъ весьма великій, и дорога ко разрушенію добродѣтели.

XXXIV.

Кто другу измѣнитъ или поносить будетъ любовницу, на того ни въ чемъ полагаться не можно.

XXXV.

Искати во случайныхъ людяхъ себѣ снисхожденія нужно: забывати ихъ одолженія скаредно: ласкати имъ, подло: противурѣчити имъ странно. А всево лутче, чтобъ здѣлать имъ себя угодными истинною и безпристрастіемъ, хотя ето иногда и трудно. Не соглашаться съ ним опасно; но должно когда кто хранитъ истинну соглашаться не въ дѣлѣ презрѣнно, а иногда пагубно, или обще или участно. Щасливъ тот которой не имѣетъ нужды ползати передъ сильными людьми, и презрѣнъ тотъ, который ползаетъ, хотя бы и нужда того требовала, а кто имъ ласкаетъ, тотъ копаетъ имъ ровъ погибели.

XXXVI.

Всѣ члены рода человѣческаго достойны почтенія: презрѣнны только люди неприносящія обществу пользы, исключая больныхъ и увѣчныхъ достойныхъ сожалѣнія, и содержанія. Крестьяна пашутъ: купцы торгуютъ: воины защищаютъ отечество: судіи судятъ: ученыя возращаютъ науки и людей просвѣщаютъ: художники вкусъ услаждаютъ: духовныя проповѣдываютъ добродѣтель. И сколько почтенны нужныя государства члены, столько презрѣнны тунеядцы, въ которыхъ числѣ полагаю я и дворянъ, не помышляющихъ болѣе ни очемъ какъ только о ихъ собственномъ изобиліи, и возносящихся своимъ маловажнымъ титломъ.

XXXVII.

Всѣ охоты: къ лошадямъ, ко псамъ, ко скоту, ко птицамъ: ко садамъ похвальны: и всѣ приносятъ пользу исключая псовую охоту и подобныя ей, которыя хотя и не порочны, но презрѣнны, когда они не ко препровожденію времени, но ко всегдашнему служатъ упражненію.

XXXVIII.

Участныя дѣла похвальны, когда они къ участной нашей пользѣ исполняются; но испол-

яемыя къ общей пользѣ не сравненно похвальняе
Я сѣю хлѣбъ: купецъ торгуетъ: обществу,
сіи наши участныя упражненія приносятъ пользу
косвенною чертою; но судія правосудный и во
инъ защищающій отечество, или человѣкъ учены
просвѣщающій народъ, дѣлаютъ отечеству услуг
прямою чертою, и болѣе почтенія достойны. Во
науки: всѣ художества и всякое ремесло и руко
дѣліе обществу потребны и всѣ они супь чад
премудрости и добродѣтели.

XXXIX.

Согрѣшивъ покаяться и удоблетворити есть
дѣло похвальное, а не грѣшить еще похвальнѣе;
но кто кромѣ Бога безгрѣшенъ? Здѣсь подъ
менемъ грѣха разумѣю я беззаконіе.

XL.

Имѣя достаткомъ и способы обучати дѣте,
и не обучать есть вина не простительна. Не
чудно ли ето, мы своихъ дѣтей не учимъ, а
Государыня наша и чужихъ дѣтей обучати сп-
рается! Ей потребны разумныя подданныя; но и
намъ потребны разумныя дѣти. А о домоча-
цахъ нашихъ почти ни кто изъ насъ и не ду-
маетъ. Портныхъ и сапожниковъ имѣютъ ко-
которыя, какъ и уборщиковъ волосъ; но ето
точно только ради самихъ насъ; потому что
намъ кафтаны, сапоги и кудри потребны.

XLI.

XLI.

Истинная политика научаетъ насъ быти щасливыми безъ повреждения честности: развращенная политика научаетъ насъ быти щастливыми и безчестными, и очень часто повергаетъ насъ во жесточайшее бѣдствіе: а мораль научаетъ насъ быти и щастливыми и добродѣтельными. Многія ввели въ моду говорити, что казни потребны только для образца ко оправщенію другихъ отъ беззаконія: политическое право, въ семъ обстоятельствѣ на семъ и основано; но моральное право заключая въ себѣ и сіе политическое право, установляетъ казни, ко отмщенію за невинныхъ, хотя бы казнію другія беззаконники и не отстрацалися; невинность отмщенія требуетъ: и кровь невинно проліянная вопіетъ на небо.

XLII.

Подло говорятъ нѣкоторыя просити у обиженнаго прощенія: подло обижати а не прощенія просити. Кто человѣка изобидитъ и постыдится просити прощенія; тотъ устыжается предпочтити беззаконію добродѣтель, и бесчестіе чести.

XLIII.

Блаженн миротворцы; яко тѣ сыны Божіи нарекутся; изъ сего слѣдуетъ то, что ссорильщики и смутники суть сыны діяволовы. А такихъ людей премножество. Иныя сто еще родомъ политики почитаютъ.

XLIV.

Кто гнѣвомъ разъяреннаго человѣка, себѣ некасающася еще болѣе разъяряетъ, тотъ умножаетъ крови ево пожаръ и разрушаетъ права честности.

XLV.

Кто пересмѣхаетъ людей, или сатирствуетъ не для поправленія ихъ, тотъ отходитъ отъ предѣловъ честности. Гордыя безумцы посмѣянія достойны: а не доумѣвающіяся и прошибающіяся наставленія а не посмѣянія.

XLVI.

Ожесточай судъ, судя самъ себя, и ослабляй судя другова; но сіе разумѣется о слабостяхъ а не о беззаконіяхъ.

XLVII.

Не мучь должника, когда онъ не исправенъ, не отъ упрямства: а самъ во платѣ будь исправенъ, колико можешь.

XLVIII.

Унижайся безъ подлости и возносися безъ гордости.

XLIX.

Помни Бога и себя.

ОСНОВАНІЕ
ЛЮБОМУДРІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

АЛЕКСАНДРЪ СМИРНОВЪ.

ЮРИДИКА

ОСНОВАНІЕ

ОСНОВАНІЕ
ЛЮБОМУДРІЯ.

Что есть Богъ, о томъ я ни мало не сумнѣваюся, видя его повсюду во естествѣ: и ни кто о семъ изъ Философовъ не сумнѣвался, ни во древней Греціи, ни во древнемъ Римѣ, ни нынѣ ни кто во всей Европѣ. Спиноза искавъ Бога, хотѣлъ нѣсколько достигнути до непостижимости, и не сыскалъ того, чѣмъ бы ясно Божество могъ изобразити, хотя Божества и не утверждалъ; однако и не отрицалъ; отрицати не можно: а доказывати о Его существѣ, не возможножъ; такъ онъ ради того только, не утверждалъ Бога, что ясно Его существа доказати не могъ, а не для того что онъ Ево не признавалъ, хотя и чувствовалъ Его во душѣ своей, бывъ человѣкомъ самымъ добрымъ, Бель говорилъ о Божествѣ разсуждая и не систему составляя, и опровергая мнѣнія другихъ, ни какова заключенія не учинилъ. Самъ Епикуръ не отрицалъ Божества; но ослѣпляяся

ляяся думалъ только то, что Божество устроивъ вселенную, и единожды оную распорядивъ болѣе о созданіи своемъ не печется. Пускай единаго могновенія, къ устроенію всего божественнаго зданія довольно; но предъ Богомъ во вѣчности, и едино могновеніе и вся вѣчность, равно; слѣдовательно, управляти вселенною и милионною частію минуты, и во всю вѣчность Богу равно: а вселенная создана, не ради того только, чтобъ она была; но что бы она была Создателю ко славѣ, а созданнымъ ко пользѣ: и можетъ ли праведное и всещедрое Божество видѣти и добрыя наши во вселенной дѣла и худыя равновзорно? И не былъ ли бы Богъ лишенъ правосудія, безъ котораго бы Онъ и праведнымъ назватьсяне могъ: да не единственно праведнымъ, но и всемогущимъ, и премудрымъ, и милостивымъ. Говорятъ Епикурцы: когда бы присудствовало правленіе Божества, во естествѣ, яблонь бы приносила, въ иной годъ яблоки, въ иной груши, сливы, вишни и проч. Но гдѣ бы тогда была премудрость Вышняго, когда бы толико не порядочно естество устроено было? Въ томъ то Богъ премудростн основаніе показалъ, водрузилъ образъ и свойство всякой вещи. А чудеса новыя, и весьма малыя служащія участной пользѣ, являются не разрушеніемъ естественнаго порядка; но тѣми же естественными законами, и ежеминутнымъ правленіемъ; ибо вся вѣчность у Него есть одна минута. Ежели бы, говорятъ безумцы, Богъ былъ; былъ бы Онъ милостивъ; но гдѣ ево милость, когда мы имѣя краткую, печалями

и болѣзнями наполненную жизнь, и всѣгда не минуемой ужасаемся смерти? Жизни долгота равномѣрна сосшаву шѣла нашего: и нѣтъ ни долгой жизни, ни краткой, кромѣ участной нашей мѣры на прим: жизни осмидесяшилѣшней со двашцашилѣшнею. Каковъ составъ въ общѣ человѣка, такъ долга и жизнь ево: и по составу нашему она довольна. Есть ли бы составъ нашъ былъ тысящцилѣтней; но и тысяча лѣтъ не вѣчность: и сему крѣпкому составу, казалась бы она толико же кратка, какъ нашему составу осмидесятилѣтняя. А вѣчнымъ Богъ человѣка создати не могъ; ибо Богъ Бога создати не можетъ; потому что свойство Божіе созданію не причастно. Но пускай бы человѣкъ созданный сіе едино еще уподобленіе Богу имѣлъ, какъ мы волю и разумъ подобяся ему имѣемъ, хотя сіе возможно, а то не возможно: жилъ бы человѣкъ вѣчно. Мы того что дѣлалося за десять лѣтъ, не такъ живо въ памяти изображаемъ, какъ севоднишнее приключеніе: за сто лѣтъ былб бы, содѣланнаго, видимаго или слышимаго вида воображеніе еще шемняе въ памяти нашей: за тысячу лѣтъ еще шемняе, за спо тысячь, за миліонъ лѣтъ: а на послѣдокъ за квинтиліоны и квинтиліоновъ лѣтъ ни чево бы въ памяти не осталось; не стольколи же бы шебя сіе забвеніе содѣланнаго и самаго нынѣшняго шебя, колико нынѣ устрашаетъ шебя смерть, больше бы шебя еще устрашало. Тогда то бы мы мѣнше ощущали Божія милосердія: а нынѣ надѣемся мы лутче сея участи имѣти по скончаніи здѣшней нашей жизни. Чтожъ будетъ

по

по кончинѣ нашей? Добрымъ доброе: худымъ худое. Не подумаетъ ли кто, что я симъ рай и адъ утверждаю? Нѣтъ, рай и адъ до естественнаго мудрованія не принадлѣжатъ: а я пишу не объ откровеніи; но метафизичествую естественно: а то дѣло духовныхъ, хотя я противно священному писанію, и ни чево написать не намѣренъ, и въ основаніи моего любомудрія ни во единомъ словѣ противнаго религіи не прошибуся. А что жизнь наша печалями и болезнями наполнена, сіе не немилость Божія, но необходимость уставила. Печали наши по большей части отъ себя самихъ, или другъ отъ друга мы оныя получаемъ, ежели не по естественному порядку, отъ преткновенія помѣшательства: а болѣзни отъ бреннаго состава. Тѣло наше должно было быть составлено изъ частицъ бренныхъ; ибо другова вещества, къ пюму и быть не могло: а помѣшательства отвратить было не удобно, приносящаго намъ печали; ибо все вещество бренно: довольно того что премудрость Божія охранила насъ и отъ печалей и отъ болѣзней колико удобно: печали установленіемъ даннымъ намъ разумомъ законовъ: и отъ болѣзней охранены мы осторожностью и врачеваніемъ. Для чево Богъ не открылъ намъ того что по кончинѣ нашей съ нами будетъ? Онъ открывся во естествѣ показалъ себя довольно, изъ чево видно что онъ и милосердъ: а когда милосердъ: такъ мы на вѣчное исчезаніе созданы быть не могли. Ежели бы яснѣе о нашемъ вѣчномъ пребываніи постигали; не было бы злодѣевъ; ибо кто бы извѣстное вѣчное

благо

благо промѣнялъ на времянное; но развѣ мы за награжденіе должны быти добродѣтельны? Нѣтъ, изъ благодарности Богу, изливая сію благодарность и другъ на друга взаимно. Виненъ ли кто что онъ ко злу склоненъ? Виненъ; ибо всѣ мы умомъ и разсудкомъ одарены. А доброе и не просвѣщенному человѣку, и совѣстью довольно открывается. Знаемъ мы всѣ что полѣзно, и что вредно: а что полѣзно и врѣдно мнѣ, то полѣзно и врѣдно и каждому. Не хочешь ты отъ другова принятии смерть; не умерщвляй и ево: не хочешъ быти разоренъ отъ него; на разоряй и ево. Кто можетъ сумневаться о бытіи Божіемъ! Хотя бы и не вошли въ самую глубину пространства небеснаго; но только бы до солнца зрѣніемъ возлѣтели, и оттолѣ возвратившіяся простерли по землѣ очи наши, и свой собственный составъ разсмотрѣли; какія чудеса и виды премудрости божіей и его къ родамъ животныхъ милосердіе! Имущій миліоны денегъ, обрадуется ли нашедъ полушку? Такъ на что суевѣры, новыя и съ величествомъ Вышняго, выдуманныя ханжами и почитаемыя чудеса безумцами къ неограниченной славѣ Правителя и Обладателя вселенныя, яко важность нѣкую прикладываютъ? Не ужели Создатель однихъ ради премудрыхъ явилъ въ устроеніи нашего мира, премудрость ко славѣ своей? Солнце сосшавленное всемогуществомъ божіимъ изъ Ѳоира, плавающее въ немъ и питающееся имъ, даетъ, человѣкамъ, скотамъ, звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ, гадамъ, древесамъ, цвѣтамъ и травѣ жизнь. Вотъ и всемогущество,

и

и премудрость, и милосердіе Божіи. Весна, лѣто, осень и зима премѣняются между собою къ пользѣ нашей. Солнце, говоря піитически, погружается въ Окіянѣ, къ пользѣ нашей. Разсмотримъ со естествословами единый глазъ, или едино ухо, нашего сосшава. Чувства наши и всѣ наши члѣны, съ коликою премудростію, ко крайней нашей пользѣ устроены! Безумцы говорятъ о душѣ нашей, что она есть отросль нашего тѣлеснаго состава, яко звонъ, есть произшествіе колокола; но звонъ или звукъ отъ сраженія двухъ крѣпкихъ веществъ: а душа тѣломъ управляетъ, и по елику тѣло, сіе грубое вещество душу не преодолѣваетъ, имъ управляетъ, яко царь народомъ, доколѣ народъ, не возбунтуется противъ него не праведно. Но царь и самъ не всякой праведенъ: а души наши всеконечно праведны. А что души наши безсмертны, о томъ я, какъ и о Божествѣ, такъ же ни мало, не сумнѣваюсь. Метафизически говоря, что исчезаніе душъ нашихъ, не сходственно съ милосердіемъ Вышняго: а физически, что ни мертвое въ живое, ни живое въ мертвое преобратиться не можетъ. По сему предложенію и живности или души скота птицъ и рыбъ безсмертны? Я инако и не думаю. Во священномъ писаніи сказано что наши души вѣчны; но умѣншится ли къ намъ Божіе милосердіе, когда души и воробья и червяка безсмертны? Скажетъ невѣжа, что за нихъ не умиралъ. . . . Но ихъ праотцы и не согрѣшали. Да не только безсмертны душами воробей и червякъ; но и малѣйшая бы-

былинка душею безсмертна, яко звѣрокъ едва помощію микроскопа являющійся взору нашему. Отъ сочетанія рождается человѣкъ, отъ сочетанія и былинка: человѣкъ ростетъ, немоществуетъ, здравствуетъ, старѣется и умираетъ: былинка такъ же. Довольно намъ и того, что райская жизнь намъ единымъ обѣщанна; но мы и того что другимъ тварямъ по смерти предписано не знаемъ. Все создано ради человѣка, ето правда; но все и для всякой твари создано. Гдѣжъ по кончинѣ былинки будетъ душа ея. Епова я не знаю, ибо естественно мы и о своихъ душахъ не вѣдаемъ. Оставимъ имъ преселеніе Пиѳагорово. Можетъ между новаго другихъ тварей оживотворенія множество пройти времени; но во слабомъ чувствіи: я не говорю безчувствіи: и одна минута и миліоны лѣтъ тоски малосущественности тварей горести принести не могутъ; ибо не время намъ веселости и тоску наводятъ но приключенія и виды. Время лишенно приключеній и видовъ есть пустота нашего пребыванія. Многочисленныя виды отталкиваютъ, виды прешедшія, и предаютъ и приключенія и виды забвѣнію: умягчаютъ и радости и горести наши, а не время; слѣдовательно время, ничево забвѣнію не предаетъ. Священное писаніе открываетъ намъ то, что все создано ради человѣка,

и все ему покорѣно; кіно сему противорѣчитъ; ибо мы имѣя общества и грамоту, разумъ свой по установленію Создателя изощряемъ, и чувствуя свое безсиліе живемъ общественно. Левъ сильняе человѣка; но множество человѣковъ сильняе льва. Разумъ нашъ не больше разумовъ другихъ нѣкоторыхъ или паче многихъ тварей: и преимуществуемъ мы предъ ними не разумомъ но просвѣщеніемъ онаго: и можетъ быть иногда между человѣка и человѣка въ разумѣ больше разстоянія, нежели между человѣка и осла. Способный ко просвѣщенію разумъ, и обрѣтшій пути ко просвѣщенію и къ изощренію, есть отличный даръ Божества, которымъ люди не только отъ скота но и сами отъ себя отличаются. Левъ и медвѣдь сего преимущества не имѣютъ. Но посмотрѣли бы живущаго отъ рожденія своего въ уединеніи человѣка: и какое бы нашли мы между волка и между человѣка въ разумѣ различіе. Все создано ради человѣка, ибо все ему, симъ образомъ, какъ я сказалъ, покорено; но льзя ли признати что не довольствуются милостію Создателя и прочія твари, въ которыхъ намъ никакой пользы нѣтъ. Не всѣ ли твари созданы ради себя самихъ: а по покоренію политическому по волѣ Всемогущаго, всѣ человѣку покорены яко просвѣщеннѣйшей и благороднѣйшей твари. Да и пожираніе другъ друга тварей ради содержанія ихъ нужно; изъ чево какъ намъ, такъ и имъ по правости Вышняго, дабы не исчезнути преждѣ срока вѣчно, безсмертіе и метафизическ

при-

принадлежитъ. А кто утверждаетъ то что въ нихъ нѣтъ разума: ето мнѣ смѣшно, и отвѣта недостойно, кромѣ сея важности, что сіе безумное толкованіе, многими утверждается. Всѣ твари логичествуютъ: муха прочь летитъ отъ страха: и тако разсуждаетъ: когда я не отлечу; такъ можетъ худое мнѣ послѣдовать: а ежели отлечу; такъ спасуся; слѣдовательно должно мнѣ отлетѣть. Бабочка летитъ къ огню, или не зная, или забывъ то что огонь горячъ: а видитъ только прелестное его сіяніе: и летитъ не на смерть, но на забаву. Зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, имѣетъ и муха и бабочка. Устрица и крапивный кустъ хотя и не всѣ чувства имѣютъ; но можноли за сіе исключити ихъ изъ животныхъ? А между животнаго и одушевленнаго я различія не знаю. Священное писаніе говоритъ намъ только то, что до насъ касается: а о предписанныхъ естесіпвенныхъ законахъ другимъ тварямъ, намъ писаніе не открываетъ. Весь еѳиръ духами наполненъ, и вся вселенная премудраго своего Создателя славитъ. Солнце составленнное премудростію и руководствомъ Божіимъ изъ еѳира, приемлетъ ево частицы, и во движеніе приводитъ, основателемъ движенія: то есть премудрымъ Богомъ; ибо безъ пребыванія и безъ руководства Божія не могла бы вселенная быть во движеніи, а слѣдственно, не могла бы быти и жива. Твердыя тѣла суть выкидки изъ солнца, и затвердѣлыя шары горящаго свѣтила, отъ него отдалѣнны, и получивъ влажность, огрѣваются солнечными лучами,

и производятъ животныхъ, грубымъ существомъ огрѣвая духи. Вотъ система моего любомудрія, ко прославленію Создателя, и къ утолѣнію смертнаго страха; ибо я и по естеству безсмертіемъ обнадеженъ.

КОНЕЦЪ.

Прим. Зачато Января 29 дня и 30, окончано 1772 года въ Москвѣ. Зачато въ 8 часовъ по полудни: а кончано по утру на завтрѣ

О
РОССІЙСКОМЪ
ДУХОВНОМЪ КРАСНОРѢЧІИ

Писалъ

АЛЕКСАНДРЪ СУМАРОКОВЪ.

ЧЧЕКСЧИЧЬЬ СЬЖЧЬОКОВР

ПЧСЧУР

ЧЛХОВНОЖР КЬЯСНОЬРЖЖ

ЬОССІЖСКОЖР

О
РОССІЙСКОМЪ
ДУХОВНОМЪ КРАСНОРѢЧІИ.

Краснорѣчіе духовныхъ не въ истолкованіи Священнаго писанія, но во проповѣдываніи онаго, и въ наставленіи добродѣтели ищется; чего ради оставляя религію и катехизисъ, дѣло до моего предложенія ни мало не принадлежащее. Я Во Проповѣдникахъ вижу собратій моихъ по единому ихъ риторству: а не по священству; и такъ имѣя право говорити о нихъ, толико же, колико и они о мнѣ, сколько ихъ разсмотреніе до нихъ, яко, до почитателей словесности принадлѣжитъ.

Проповѣдники зачалися въ Россіи, какъ извѣстно не давно. Франція взошла на высочайшую степень парнаса: Россія едва о томъ помышляти начала; такъ не служитъ ли къ чести нашего остроумія, что мы едва только разгоняемъ мракъ невѣжества: и во время разгоненія видимъ плакія уже плоды, и покровительствомъ Великія ЕКАТЕРИНЫ и больше увидѣти чаемъ, и ка-

ведру болѣе и болѣе украшаему. Отъ первоначалія духовнаго краснорѣчія, исчисляя хорошихъ проповѣдниковъ, довольно кажется, есть ли мы толикоежъ ихъ число покажемъ, колико таковыхъ прославленная словесностію Франція показать можетъ, Боссюетъ, Бурдалу, Флешіеръ Масилліонъ, и протестантской проповѣдникъ Соренъ, Франціи честь учинили: толикое точно число и мы Европѣ отличныхъ духовныхъ ритороvъ показать можемъ, ко славѣ Россіи едва расцвѣтавшу Россійскому краснорѣчію. Сіи мужи суть Ѳеофанъ Архіепископъ Новогородскій: Гедеонъ Епископъ Псковскій: Гавріилъ Архіепископъ Петербургскій: Платонъ Архіепископъ Тверскій: и Амвросій Префектъ Иконоспаскаго училища: не говоря о тѣхъ, которыхъ краснорѣчіе ни до слуха моево, ни до зрѣнія не дошло, какъ на примѣръ разсудительнаго и просвѣщеннаго Иннокентія Архіепископа Псковскаго: многопочтеннаго Самуила Епископа Крутицкаго: и распорядочнаго въ разумѣ Антонія Епископа Архангельскаго: Ѳеофилакта Архимандрита и Ректора Иконоспасскаго, и можетъ быть и еще многихъ которыхъ и имена мнѣ не извѣстны. Разберемъ дарованія и свойства извѣстныхъ мнѣ, и первыхъ четырехъ извѣстныхъ и всей Россіи риторовъ: Ѳеофана, Гедеона, Гавріила и Платона начавшаго прославляться Амвросія. Но прежде скажу я о свойствахъ другихъ не важныхъ духовныхъ риторахъ, и о вкусѣ ихъ не касаяся чести священныхъ особъ ихъ, но говоря о ихъ только сочиненіяхъ; ибо религія не будетъ по

ругана

ругана, когда скажется о комъ то, что сочине-
ніе ево худова вкуса. Мы почитаемъ санъ ду-
ховный, и не согрѣшили бы, когда бы что про-
тивъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, раз-
бирая ихъ рѣчи, выговорили; ибо должны почита-
ти житіе ихъ только: а проповѣди ихъ почита-
емъ мы не изъ должности, но изъ справедливо-
сти. Многія духовныя риторы, не имущія вку-
са, не допускаютъ сердца своево, ни естествен-
наго понятія во свои сочиненія; но умствуя безъ
основанія, воображая не ясно, и уповая на обы-
чайную черни похвалу, соплетаемую ею, всему
тому, чево она не понимаетъ, дерзаютъ во кри-
выя къ парнасу пути, и вмѣсто Пегаса обузды-
вая дикаго коня, а иногда и осла, встащатся
ѣдучи кривою дорогою, на какую нибудь горку,
гдѣ не только не извѣстны музы, но ниже име-
на ихъ, и вмѣсто благоуханныхъ нарциссосъ, со-
бираютъ курячью слѣпоту. Достойно во истин-
ну сожалѣнія, когда прославленіе великаго Бога,
попадается въ уста невѣжъ. Не думайте, что
я только Ѳеофановъ и Платоновъ, для проповѣ-
дыванія слова Божія требую! нѣтъ; есть ли бы
однихъ таковыхъ правительства, ко проповѣдыва-
нію Божества и добродѣтели избирали; опусто-
шилися бы храмы Божіи, во всей Европѣ: а у
насъ еще и паче. Болѣе имѣемъ мы во красно-
рѣчіи духовныхъ недостатка; болѣе и благодар-
ности великія наши Риторы достойны, что они яко
свѣтлыя звѣзды, въ густомъ возсіяли мракѣ.
Коликое число проповѣдниковъ прославилося чер-
нію; но черны есть и благородная, однимъ тѣмъ

толь-

только, что они имъ не были вразумительны! Слышавели не опираяся на свое понятіе, чаяли во проповѣдникахъ глубокой быти премудрости: и причитали премудрость ихъ не понятію своему, находя въ себѣ недостатки разума, не отъ малаго о себѣ мнѣнія, но отъ великаго почтенія надутаго и паче мѣръ витіеватаго, и ни съ умомъ, ни съ сердцемъ не согласнаго предложенія; хотя истинная причина была та, что сіи глубокомудрыя пустомѣли, тово, что они говорили, или паче брѣдили, и сами не понимали. А притомъ таковымъ проповѣдникамъ помогаетъ и то, что многимъ кажется тяжкимъ грѣхомъ рѣчь о божествѣ похулити. Называли безумцы Французскаго сатирика ругателемъ чести Людовика XIV, когда онъ ругалъ изъясненія похвалъ Королю, приносимыхъ отъ скаредныхъ писателей; но тому обвиненію, не только разумныя люди, но и самъ Король смѣялся; ибо слава Людовика оставалася славою, а врали вралями. Все то выговорено, что до худыхъ духовныхъ риторовъ касалося; посмотримъ на риторовъ первостепенныхъ, приносящихъ отличную честь Россіи. Съ Ѳеофана зачнемъ, яко со старшаго. Сей великій риторъ есть Россійскій Цицеронъ: малороссійскія рѣченія, и требуемыя, не вѣдаю ради чево чужестранныя слова, сочиненія ево нѣсколько безобразятъ; но они довольно заплачены другою чистотою. Въ семъ риторѣ вижу я величество, согласіе, важность, восхищеніе, цвѣтность азсужденіе, быстроту, перевороты, страсть и сердцедвиженіе, огромность, ясность и все то что особливо

особливо Цицерону свойственно было: и видно что онъ все свое краснорѣчіе, на семъ опцѣ Латинскаго краснорѣчія основалъ. Годеонъ есть Россійскій Флешіеръ: цвѣтности имѣетъ онъ еще болѣе нежели Ѳеофанъ; сожалѣтельно то что мало было въ немъ силы и огня, и что онъ по недостатку пылкости часто наполнялъ проповѣди свои исторіями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ, истиннаго краснорѣчія. Приятность, нѣжность, тонкость были ему свойспівенны, и послѣ Ѳеофана опустошенный Россійскій парнасъ, или церковь лишенная риторскія сладости, смертію великаго Архіепископа, обрадовала Россію симъ Гедеономъ мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства; ибо до него единый бывшій Діяконъ Савицкій украшалъ только придворную каѳедру, и мало почитаемъ или паче гонимъ невѣжами, оставилъ духовенство и проповѣди, и восходя на Россійскій Парнасъ возвратился, не коснувся самыя горы сея верьху, что многія не безъ основанія ожидали, и принужденъ потерявъ охоту риторствовать оттолѣ возвратиться. Сказана бѣльцомъ нѣкая проповѣдь во Троицкой Лаврѣ: я не зналъ лѣтъ десять послѣ прочтѣнія оныя кѣмъ она говорена: и пріѣхавъ нѣкогда въ рѣченную Лавру, узналъ я нечаянно, что намѣстникъ онаго монастыря есть авторъ тоя прекрасныя проповѣди, бывшій потомъ Воронежскимъ Епископомъ: былъ то Кирилъ Ляшевицкій, не вшедшій ни когда во славу; ибо ево многія угождая нѣкому хулили, думая что онъ отлично любилъ . . . . но сего почтеннаго человѣка и всѣ

ду-

духовныя любили; такъ и никово въ Архиереи ставить не надлежало, ради угожденія ево непріятелямъ, которымъ онъ отъ своей спороны ни когда неприятелемъ не былъ. Не нужно было бы ето прилѣпити здѣсь; но не должно ли было сказати, что воспрепятствовало прославиться автору слова: прильпе душа моя по тебѣ? Савицкой изъ моды вышелъ, и изъ духовенства: а бѣлецъ Ляшевицкій изъ свѣтскихъ вышелъ, но въ моду не вшелъ. Иванъ Ивановичь Шуваловъ участвуя и въ наукахъ и въ Великороссіянахъ подалъ дорогу возвысити Гедеона къ украшенію придворныя каеедры и къ востановленію погибшаго церковнаго краснорѣчія. Ему должны мы Гедеономъ, а Гедеону другими великими мужами Великороссіянами, на конецъ заключимъ о проповѣдникѣ семъ то, что имя ево въ Россіи всегда почтенно будетъ. Гавріилъ Архіепископъ Петербургскій есть больше сочинитель разумнѣйшихъ философическихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ; а потому что стремленіе ево больше въ диссертаціи нежели въ фигуры риторскія; такъ ево сравнивати съ другими проповѣдниками ни какъ не можно: то только скажу я о немъ, что красота плавнаго и важнаго ево склада приноситъ ему предъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ достойную любезнаго имени его похвалу, и что будетъ онъ всегда честію нашего вѣка и въ потомствѣ, купно съ другомъ своимъ и съ товарищемъ, со преосвященнымъ Инокентіемъ мужемъ весьма отличнаго достоинства и всею Россіею почитаемымъ, достойнымъ

лица

лица Божія и лица Монарша. ПлатонЪ есть послѣдователь Златоуста; ево имѣетЪ дарованія, ево свойства, ево и вкусЪ. Сей Россійскій Бурдалу, исполненЪ силы, пламени и быстроты, преемникЪ ѲеофановЪ, приводитЪ во восхищеніе слышателей, а читателей еще больше. ГедеонЪ прогаетЪ сердца, сей восхищаетЪ, а ГавріилЪ разумЪ плѣняетЪ. А я вспомня нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида, и Есхилла, сЪ водными потоками, скажу то уподобляя сихЪ великихЪ мужей. ѲеофанЪ подобенЪ гордой и быстротекущей рѣкѣ, разливающейся по лугамЪ и орошающей горы и дубровы, отрывающей камни сЪ крутыхЪ береговЪ, шумящей во своихЪ предѣлахЪ и журчащей иногда, подЪ тѣнію соплетенныхЪ древесЪ, наводняя гладкія, во время разліянія долины. ГедеонЪ подобенЪ потокамЪ, всегда журчащимЪ, и извивающимся по прекраснымЪ пастбамЪ, протекающей по приличнымЪ лугамЪ, и питающейся благовонными цвѣтами, но иногда по неплоднымЪ проходящей мѣстамЪ, умѣншающей изобиліе водЪ и едва дно покрывающей. ГавріилЪ подобенЪ рѣкѣ безЪ шума наполняющей брега свои и порядочнымЪ теченіемЪ, невыходящей ни когда изЪ границЪ своихЪ. ПлатонЪ подобенЪ рѣкѣ быстротекущей и все что ей ни встретится влекущей сЪ собою вЪ морскую пучину, преходящей прекрасныя долины, орошающей тучныя роіци, и бѣгущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкія муравы. Во окончаніи всего не льзя мнѣ еще вЪ таковое же тонкое разсмотрѣніе войти, изЪ единыя напечатанныя рѣчи

Амвросіевой о семъ Авторѣ: а по слуху единому, какъ я прилежно слова ни слушаю, анатомить ево сочиненія трудно; то только скажу, что онъ не только обѣщаетъ, но уже и есть отличный риторъ, и всеконечно достоинъ быти участникомъ Ѳеофановыхъ и Платоновыхъ лавровъ, и шествуя по стопамъ ихъ выше Гедеона превознесется.

О перьпоначаліи и созиданіи Москвы.

Возшелъ на престолъ великаго княженія въ Россіи на мѣсто Родителя своево Владимира Всеволодовича Мономаха, Георгій, гроименованный Долгорукій. Престольный городъ былъ Кіевъ. Старшаго сына своево Андрея, наименованнаго Боголюбивымъ, отдѣлилъ онъ, и поставилъ Государемъ Суздаля и Владимира. Шествуя посѣтить сына своево ко Владимиру, увидѣлъ онъ на пути по обѣ стороны Москвы рѣки прекрасныя села принадлежащія богатому Боярину Степану Ивановичу Кучку. Сей Бояринъ не здѣлалъ пристойнаго Великому Князю, пришедшему во ево вотчины, почтенія; и говорилъ о немъ гордяся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, за что Великій Князь повелѣлъ ево привести предъ себя, а потомъ казнити смертью. Услышавъ о неутолимомъ дѣтей его стенаніи, не утѣшно оплакивающихъ кончину отца ихъ, сжалился надъ ними и съ отмѣннымъ почтеніемъ отослалъ ихъ къ сыну своему во Владимиръ. Кучковы сыны были хороши собою, а дочь ево прекрасна. Сынамъ имена, старшему, Петръ, младшему Іоакимъ: а сестрѣ ихъ имя Улита. Возшедъ на гору, гдѣ нынѣ Кремль, и обозрѣвъ около рѣкъ Москвы и неглинной лежащія прекрасныя мѣста, возлюбилъ Великій Князь сіе мѣстоположеніе, и повеле-

повелѣлъ построить тамо деревянный городъ, и назвать по имени Москвы рѣки, Москвою. А въ имя сына своего Андрея именованнаго прежде Китаемъ, повелѣлъ онъ построить городъ у Москвы рѣки, гдѣ нынѣ Знаменской монастырь, назвавъ оный Китаемъ. По семъ Великій Князь отходитъ во Владимиръ, и сына своего Андрея Боголюбиваго сочетаваетъ съ дочерью Кучкова, и взявъ ихъ съ собою отходитъ въ Кіевъ. Тамо сгодъ времени поживъ, Великій Князь Георгій преставился, давъ о населеніи Москвы сыну своему Андрею завѣщаніе, который престольствуя во Владимирѣ, о населеніи Москвы, по завѣщанію отца своего крайне старался, а паче о созиданіи церквей и о иконномъ украшеніи; и взявъ изъ Кіева икону Пресвятыя Дѣвы написанную Лукою Евангелистомъ, полученную прежде изъ Царя Града, и украсивъ оную драгоцѣннымъ каменіемъ и жемчугомъ, золотомъ и серебромъ, состроилъ въ Москвѣ каменную церковь въ честь Успенія Пресвятыя Дѣвы и сію икону поставилъ во оном храмѣ, позлативъ верьхи ево, давъ лучшія к нему села и всего збора десятую часть. Но сія церьковь не та, которую мы нынѣ видимъ подъ именемъ Успенскаго собора. Великій Князь Андрей поживъ довольное время съ женою своею и имѣвъ отъ нея сыновъ во младости померших оставилъ житейскія попеченія, не прикасаяся болѣе супругѣ своей, и презирая всегдашнія докук ея о должности супружества, огорчилъ жену свою и возобновилъ досадующее въ ней воспоминовеніе о смерти учиненной, отцемъ его, отцу ея. Она со-

согласившися съ братьями своими живущими при Великокняжескомъ дворѣ въ великомъ почтеніи, чтобъ отцовой смерти учинить отмщеніе, которыя во время ночи, вшедъ съ оружіемъ въ ложницу ево, по наставленію злоковарныя сестры своей, спящаго ея супруга умертвили. Пришедъ изъ Кіева во Владимиръ братъ его Великій Князь Всеволодъ, и побивъ убійцовъ брата своего, приказалъ тѣла ихъ бросить въ озеро, а наставницу сего убійства живу на вратахъ повѣсивъ изъ луковъ разстрѣлять, для устрашенія подобнымъ ей злодѣямъ. Отъ начатія великимъ Княземъ Георгіемъ Москвы, до дней Московскаго Князя Даніила Александровича четвертаго сына Великаго Князя Александра Невскаго, продолжалося времени, сто пятьнатцать лѣтъ. Князь Даніилъ послѣдній сынъ отца своего, остался двухъ лѣтъ по преставленіи Александровомъ, который по возрастѣ своемъ, пришедъ изъ Владимира на Московскія поля, полюбилъ сіе мѣстоположеніе, какъ прежде иного Великій князь Георгій. Начатаго повелѣніемъ Георгія города, населяемаго переведенцами, какъ по многому видно, болѣе не было. Можетъ быть остались онаго нѣкоторыя небольшія слободы, которыя недостойны были примѣчанія. Гдѣ нынѣ Кремль, тамо стоялъ темный, и непрохдимый боръ: въ ономъ бору было великое и глубокое болото, посреди котораго лежалъ маленькій островокъ: на немъ была построена хижинка, а въ ней жилъ пустынникъ именемъ Букалъ. По имени его называлася сія хижинна: Букалова хижина. На мѣстѣ семъ нынѣ дворецъ, а гдѣ хи-

хижинка стояла, на самомъ томъ мѣстѣ поста-
вилъ Князь Даніилъ деренянную Преображенія Го-
сподня церьковь; вкругъ сего мѣста построилъ
онъ дубовую ограду, и городъ нарекъ, какъ и
Георгій, по имени рѣки, Москвою. Въ пятый
день по прибытіи своемъ на Московскія поля
Князь Даніилъ объѣзжая и озирая мѣстоположенія
наѣхалъ горы и въ горахъ тѣхъ хижинку, а въ
ней живущаго пустынника, родомъ Римлянина
именемъ Падона, и восхотѣлъ на мѣстѣ томъ
себѣ домъ поставить; но пустынникъ далъ ему
совѣтъ построить тамо домъ Божій. Когда ро-
дилися Князю два сына близнецы, и первому
дано имя Алексѣй, случилося отъѣхать Даніилу
со сто верстъ отъ Москвы, и нашелъ онъ въ
пустомъ мѣстѣ малый островъ и на немъ хи-
жинку, а въ ней пустынника мужа престарѣла
и весьма хорошаго житія, родомъ Иверянина, и
менемъ Сара. Тамо состроилъ онъ городъ, въ
29 лѣто владѣнія своего, а нарекъ по имени сына
своего Алексиномъ. Въ тожъ лѣто пришелъ къ нему
изъ Греціи Епископъ Варлаамъ, и съ собою принесъ
на посвященіе церквамъ многія части нетлѣнныхъ
тѣлъ угодниковъ Божіихъ. Тогда Князь Даніилъ
повелѣлъ ему освятить церьковь на горахъ Па-
донскихъ. Горы по крутости мѣстъ нарекъ онъ
Крутицами, а Варлаама Владыкою Сарскимъ
Падонскимъ, Крутицкимъ. Внизъ Москвы рѣки
создалъ Князь Даніилъ по имени своему мона-
стырь Даніила Столпника, въ которомъ и самъ
постриженъ былъ, и погребенъ внѣ церькви. По
немъ воспріялъ Московское Княженіе сынъ его

Въ

Великій Князь Іоаннъ Даніиловичь. Сей создалъ церьковь Успѣнія Пресвятыя Богородицы. Сія церьковь не та еще, которая нынѣ Успѣнскимъ соборомъ именуется. Митрополитомъ тогда былъ Петръ, въ Московскомъ соборѣ опочивающій. Гдѣ была Даніиломъ поставлена древянная церьковь Преображенія, тамо при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ поставлена каменная, которая нынѣ внутри дворца, и нарицается Спасъ на Бору. Послѣ былъ при ней монастырь, гдѣ нынѣ дворецъ. Потомъ построенъ деревянной городъ Кремль. Въ то жъ лѣто Великій Князь поставилъ на площади церьковь Архангела Михаила, которая Архангельскимъ соборомъ именуется. Великій Князь Іоаннъ Даніиловичь преставился, и погребенъ въ церкви Архангела. Возшелъ по немъ на престолъ сынъ его Іоаннъ. Митрополитомъ былъ при немъ Алексѣй, опочивающій въ Чудовѣ монастырѣ, имъ самимъ созданнымъ, на которомъ мѣстѣ былъ прежде дворъ Татарскихъ Посланниковъ. Потомъ поставленъ каменной Кремль. Преставился Великій Князь Іоаннъ Іоанновичь. По немъ возшелъ на престолъ сынъ его Димитрій Іоанновичь нареченный Донской, опъ побѣды надъ Мамаемъ полученныя въ день Пророка Елиссея, во имя котораго, для воспоминовенія тоя побѣды построена имъ церьковь. Во время владѣнія Димитрія Донскаго, преставился Алексѣй Митрополитъ. Въ его владѣніе жилъ Чудотворецъ Сергій Радонежскій, основатель Троицкаго монастыря. По немъ сѣлъ на престолъ сынъ его Василій Димитріевичь. По немъ сынъ его Васи-

лiй Василiевичь. По немъ возшелъ на Московскiй престолъ сынъ его Iоаннъ Василiевичь: нарицаемый гордый При немъ заложена на площади большая церковь Успѣнiя богородицы, которая и донынѣ пребываетъ. Сiя церковь есть нынѣшнiй Успѣнскiй Соборъ. Сей Великiй Князь создалъ городъ Кремль больше стараго просiранствомъ, призвавъ Архитекта изъ Медiолана, котораго въ Москвѣ называли Петромъ Антоновымъ сыномъ. Прозваніе ему, не знаю испорченнымъ ли нарѣчiемъ или подлиннымъ Сонари, ему же прозваніе Фрязинъ, которое отъ Русскихъ конечно для того дано ему, что въ тогдашнiя времена, чужестранныхъ иногда общимъ именемъ Фрязями называли. Сей Архитектъ въ началѣ заложилъ стѣну отъ Москвы рѣки и Тайникъ у водяныхъ воротъ, которыя называются Тайницкими. Слово *тайникъ* по мнѣнiю моему знаменуетъ здѣсь тайное или потаенное мѣсто, какъ и само мѣсiи сево Тайника, такъ же и расположенiе окольнаг строенiя о томъ увѣряютъ, двѣ стрѣльницы двѣ по угламъ башни, Свирловую и другую, провелъ стѣну отъ стрѣльницы до стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ, нареченныхъ отъ преждебывшаго тамо Бора, а потомъ поряду далѣе Сей же Великiй Князь повелѣлъ ему вылить превеликую пушку, которая и понынѣ въ Москвѣ. Потомъ начали строить Фроловскую спрѣльницу и ворота въ ней, больше старыхъ, стѣны отъ Москвы рѣки и до Неглинной, Никольскiе ворота и все то совершилося въ тотъ же годъ такъ же двои Тайницкiе ворота, и подъ дворец

по

погреба съ каменными сводами. Въ тотъ же годъ кромѣ сего многія хорошія зданія повелѣніемъ Великаго Князя совершены. На послѣдокъ посадилъ онъ сына своего Василія Іоанновича при себѣ на престолъ, и того жъ года по многомъ престольнаго своего града украшеніи скончался. Сынъ его Великій Князь Василій Василіевичь повелѣлъ создать Новодѣвичій монастырь, и церьковь соборную въ честь иконы Смоленскія изображающую Пресвятую Дѣву. Перьвая Игуменья сея обители была Елена Дѣвочкина. А прежде того построена въ едино лѣто при немъ: Церьковь Великомученицы Варвары, на Варварскомъ торгу; дѣлалъ оную Алезвутъ Фрязинъ. Имя сіе кажется испорчено, а прозваніе значитъ то, что онъ былъ чужестранецъ. Строители сея церькви были пріѣзжія гости Бобръ съ братьями. Въ то жъ лѣто каменная здѣлана церьковь Іоанна Предтечи, которая у дворца, бывшая при Петрѣ Митрополитѣ, и Соборною, а при ней Митрополичій дворъ. Церьковь Петра Чудотворца, а при ней монастырь нареченный Высоцкимъ, за Неглинною. Церьковь на стрѣтенкѣ Введенія Богородицы. У Фроловскихъ воротъ церьковь Аѳанасія и Кирилла. Великій Князь Василій Василіевичь въ монашествѣ и въ схимѣ восприявъ имя Варлаама преставился. По немъ возшелъ на престолъ сынъ ево Іоаннъ Василіевичь трехъ лѣтъ отъ рожденія своего. Сей Іоаннъ Василіевичь нарицаемый Грозный, построилъ городъ Китай, и взявъ Царства Казанское, Астраханское, и Сибирское, сталъ писаться Царемъ. При немъ совершена Церковь

Покрова Богородицы на рву у Спасскихъ воротъ и освящено на одномъ основаніи храма сего Митрополитомъ Макаріемъ девять церьквей. Царь Іоаннъ Василіевичь нареченный въ иночествѣ Іоною преставился. Преемникъ престола, сынъ его Царь Ѳеодоръ Іоанновичь. Сей повелѣлъ созидать Бѣлой городомъ, сіе зданіе совершилося въ семь лѣтъ. Царь повелѣлъ городъ сей называть Царевымъ городъ, которое имя по времени погибло. Архитектъ Бѣлаго города былъ человѣкъ Русской прозваніемъ Ѳедоровъ. Потомъ, построена Грановитая палата. Потомъ, повелѣлъ Царь построить каменныя приказы: I. Посольской, II. Разрядъ, III. Помѣстной, IV. Казанской дворецъ, V. Большой приходъ и Новыя четверти, VI. Стрѣлецкой, VII. Разбойной, VIII. Пушкарской, IX. Ямской, X. Сибирской. По семъ Москва время отъ времени далѣе простиралася, и болѣе украшалася, и пришла до нынѣшняго состоянія.

Исто-

Истолкованіе личныхъ мѣстоименій, я, ты, онъ, мы, вы, они.

Я, есть мѣстоименіе перьваго лица, числа единственнаго. Сіе мѣстоименіе для изъясненія чего нибудь худова ни когда не полагается, но всегда для изъясненія доброва, и по большей части несправедливо. На пр: Я человѣкъ разумный, ученый, честный и пр: А ежели къ прилагательному прикладывается отрицательное, тогда не взирая на правила слѣдуя употребленію, которое въ языкѣ больше всѣхъ правилъ силы имѣетъ, отрицательное относится къ третьему лицу, на пр: Онъ человѣкъ неразумный, неученый, нечестный и пр: не рѣдко относится отрицаніе и къ третьему лицу множественнаго, на пр: Они люди нечестныя. Въ брани относится отрицаніе и ко второму лицу единственнаго, на пр: Ты человѣкъ нечестный, изъ чего слѣдуетъ иногда пощочина, но то уже касается до Троповъ. Относится иногда отрицательное и ко второму лицу множественнаго, на пр. Вы люди нечестныя, а изъ сего вмѣсто отвѣта грамматическаго слѣдуетъ иногда отвѣтъ риторическій фигурою, которая, не знаю, какъ называется на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ: на Славенскомъ называется она жезломъ, а на обыкновенномъ Русскомъ дубиною. Къ перьвому лицу множественнаго выговаривая слова: разумный, честный и пр. Отри-

цательное не приставливается, такъ же какъ и въ перьвомъ лицѣ числа единственнаго. А когда похулительное прилагательное ставится, тогда къ перьвымъ лицамъ обѣихъ чиселъ прикладывается отрицательное, а у прочихъ отъемлется; на пр. Я человѣкъ неглупый, я человѣкъ нескупой, мы люди неглупыя, нескупыя и пр. Онъ человѣкъ глупый, онъ человѣкъ скупой, ты глупый человѣкъ, вы глупыя люди, они глупыя люди и пр. Все, что хорошо, при перьвыхъ лицахъ говорится безъ отрицательнаго, и все что худо съ отрицательнымъ. Во вторыхъ лицахъ все что хорошо, говорится такъ же по большей части безъ отрицательнаго, а что худо съ отрицательнымъ, однако все то пропивное знаменуетъ, и кто не совершенно знаетъ грамматику, тотъ въ ономъ легко обмануться можетъ. В третьихъ лицахъ хорошее безъ отрицательнаго рѣдко выговаривается, а худое почти всегда безъ отрицательнаго. Какъ сопрягаются прилагательныя съ мѣстоимѣніями, такъ и существительныя имена и глаголы, на пр: Я другъ. Онъ не другъ. Я не плутъ. Онъ плутъ. Я умѣю. Онъ не умѣетъ. Я не краду. Онъ крадетъ, и пр. *Ты* есть второе лице единственнаго, и употребляется въ Русскомъ языкѣ по естеству своему; нынѣ здѣлано мѣстоименіемъ подлымъ. И хотя весь родъ человѣческій кромѣ Французовъ приносятся молитвы Создателю, говоритъ ему *ты*; однако говоря съ человѣкомъ достойнымъ почтенія или паче имѣющимъ благородство, или чинъ, или въ чемъ нибудь отъ подлаго народа отлич-

ность

ность, *ты*, сказать противно грамматикѣ. А вмѣсто того по правиламъ, хотя то и противу здраваго разсужденія, надлежитъ говорить, *вы*, а *ты* только для подлости осталось, на пр: для холопей, для мужиковъ, для извощиковъ, для трубочистовъ, для друзей и пр: Мѣстоименіе *Ты*, какъ нѣкоторыя прилагательныя имена, имѣетъ степени. Въ прилагательныхъ именахъ степеней только три, а сіе мѣстоименіе изъ степеней своихъ составляетъ цѣлую лѣсницу. *Ты*, *Вы*, *Ваше Благородіе*, *Ваше Высокоблагородіе*, *Ваше Высокородіе* и пр: Превращеніе мѣстоименія *Ты* въ *Вы*, учинено тамо, гдѣ изобрѣтены длинныя простти, и ради того что сіе прехвальное и вѣжливое изображеніе весьма остроумно выдумано, принято то и въ другія языки. А когда сіе изобрѣтено о томъ не извѣстно, да тожъ и не до Грамматики, но до Хронологіи принадлежитъ. Сожалѣтельно, что о семъ достохвальномъ изобрѣтеніи, въ календаряхъ не упоминается, какъ о прочихъ достопамятныхъ вещахъ и по сему примѣру: *Отъ пымышленія печатанія книгъ*: *Отъ сысканія Америки*: не положено: *Отъ превращенія Ты, въ Вы*. И сожалѣтельняе еще, что мы учредивъ складъ Русскаго языка, по свойству Нѣмецкаго, не превратили къ лутчему еще ево украшенію, *Ты* въ *Они*, что Нѣмцы вмѣсто Французскаго *Вы*, и вмѣсто нашего стариннаго и неуклюжаго, *Ты*, употребляютъ; ибо *Они* вмѣсто *Ты* еще бы больше красоты нашему языку здѣлало.

О несогласіи.

Несогласіе въ родѣ человѣческомъ не столько отъ разности степеней разума, сколько отъ несходства сердецъ происходитъ. Люди больше сердцемъ нежели разумомъ отъ истинны отходятъ. Вкорененное въ сердце зло рѣдко разумомъ преодолѣвается. Когда злодѣяніемъ волнуетъ сердце, тогда безсильная совѣсть суетно воружается, и насъ изобличаетъ. Поврежденныя сердца, неправедныя предписуютъ намъ законы, пристрастныя производятъ умствованія, безстыдныя подаютъ намъ предпріятія, и къ дерзновеннымъ приводятъ насъ исполненіямъ. Неправедныя мнѣнія такъ мало съ истинною, какъ мало сами между собою соглашаются. Сіе есть основаніе несогласія и безпокойства всемирнаго. Самолюбіе ослѣпляетъ человѣка, и всему тому противорѣчитъ, чево мы въ склонности сердца своего не находимъ. Что два и два суть четыре, всѣ разумы въ томъ согласны; а что разбираютъ сердца, въ томъ сего согласія нѣтъ. Одна женьщина, одному прекрасна, а другому средственна кажется. Къ утвержденію истинны для понятія разума, довольно доказательствъ а для понятія сердца ни какова нѣтъ. Берегись любви, говорятъ молодой дѣвушкѣ, которая еще не влюбилась; отъ любовной страсти худыя слѣд

ствія бываютъ: дѣвушка имѣя разумъ повинуется наставникамъ своимъ; а когда сердце ея любви причастно станетъ, всѣ доказательства слабы, и едино только время можетъ утолить движенія сердца ея. Сынъ проигрываетъ имѣніе отца своево не внимая угроженій отцовыхъ, ни увѣщаній на самой истиннѣ основаныхъ, ниже обличенія опытовъ, имѣвъ ими стократныя отъ игры безпокойства, что игра супротивляется совѣсти ево. Онъ то чувствуетъ, но сердце ево пути своево не премѣняетъ. Отъ разныхъ сердечныхъ движеній, не можетъ устоять ни дружба ни любовь. Скупой любитъ деньги, сынъ ево излишнее щегольство; между родителемъ и сыномъ не согласіе. Трезвой и пьяной, не составляютъ бесѣды. Ученой съ невѣжею хотя и дѣйствительно часто отъ разума не соглашаются; однако невѣжи не рѣдко къ ученымъ прилѣпляются, имѣя въ сердцахъ склонность понимать доброе, отъ нихъ научаются, и разумъ на вышшую степень возводятъ. Несогласіе происходящее отъ разума часто преодолѣваемо бываетъ, а происходящее отъ сердца рѣдко. Многоумной со скудоумнымъ человѣкомъ приятелями быть могутъ, а чистосердечной человѣкъ съ нечистосердечнымъ никогда. Всѣ споры, всѣ брани, и непримиримая вражда отъ разности сердецъ происходятъ. И самъ прехвальный Христіянскій законъ мерзскія вражды изъ сердецъ злодѣйскихъ выгнать не можетъ. Ежели бы у всѣхъ людей сердца были честны и разумы просвѣщенны, и всѣ бы люди въ добродѣтели геройствовали; не было бы ни участныхъ, ни народ-

родныхъ браней. Катилина не восталъ бы противъ вольности своево отечества. Александръ не зашелъ бы въ отдаленную Индію, умерщвлять безвинныхъ человѣковъ. И того и другаго разумъ довольно увѣрялъ о томъ, что они безчеловѣчныя предпріятія имѣютъ. Катилинѣ не было удачи здѣлать безчеловѣчіе; Александру удалось. Перьвый извергомъ естества почитается, а второй великимъ Героемъ. Перьвому дала сіе титло истинна, второму лесть. Но люди установляющія несогласіе должны ли назватьсся Героями, хотя бы всю вселенную покорили? Однако они за то, что вводятъ несогласіе, лаврами вѣнчаются. Не стыдно ли сіе роду человѣческому?

О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ.

Скорыя люди имѣютъ иногда щастіе, что ихъ по бѣглости мыслей называютъ остроумными; хотя остроуміе ни мало съ бѣглыми мыслями не связано. Острый разумъ состоитъ въ проницаніи, а пылкій разумъ въ единой скорости. Есть люди остроумныя, которыя медлѣнны въ поворотахъ разума, и есть люди малоумныя, которыя и не имѣя проницанія единою бѣглостію блистаютъ, и подобныхъ себѣ скудоумныхъ человѣковъ мнимою своею хитростію ослѣпляютъ. Острый разумъ доходитъ до основанія. Пылкій ка-

касается единой поверхности. Министру довольно единаго остроумія и здраваго разсужденія. Судьѣ довольно единаго зраваго разсужденія и безпристрастія. Салдату довольно единыя храбрости и послушанія. Полководцу при остроуміи и безъ пылкости разума обойтися не возможно. Полководецъ только и Стихотворецъ безъ пылкости разума обойтися не могутъ. Имъ всѣ обороты и перевороты мыслей въ самой скоростіи потребны; однако простительняе дремля замарать бумагу, нежели потерять войско. Но сколько при остроуміи Полководцу и Стихотворцу пылкость полезна, толико она и вредна безъ остроумія. Стихошворецъ набредитъ, и бредомъ своимъ себѣ и несмысленнымъ читателямъ поруганіе здѣлаетъ; Полководецъ набредитъ, и потеряетъ армію. Министру въ пылкости великой нужды нѣтъ; важнѣйшія дѣла скорости не требуютъ, но многихъ размышленій, тончайшихъ расмотрѣній и разбора всѣхъ подробностей. И такъ когда говорится: Человѣкъ пылкой, ето не называется, человѣкъ разумной. Разумной человѣкъ, есть человѣкъ основательной. А ежели кто имѣетъ щастіе быть остроумнымъ и пылкимъ; тому необходимо въ важныхъ дѣлахъ свою пылкость удерживать недлежитъ. Лѣнивыя лошади погоняются, а ретивыя удерживаются; такъ медлѣнность разума должна быть благорассужденіемъ понуждаема, а пылкость удерживаема. Что скоростію испорчено, то иногда и долговременностію исправлено быть не можетъ. Есть пословица: что написано перомъ, тово не вырубишъ и то-

по-

поромъ. И другія: Дуракъ броситъ въ воду камень, спо умныхъ ево не вынутъ.

О неестественности.

Услышавъ вопль и выглянувъ въ окощко, увидѣлъ я, что несутъ мертваго во гробѣ человѣка, плачевное зрѣлище и епилогъ жизни нашей. Я было хотѣлъ размышлять о краткости вѣка человѣческаго и о вседневныхъ излишнихъ попеченіяхъ, которыя ни мало толь маловременной жизни не пристойны. Но вдругъ сія важна Трагедія въ самую смѣхотворную комедію ил паче въ игрище претворилась. Перьвой Актеръ сея Драмы былъ мертвой человѣкъ, и дѣйство валъ еще меньше нежели Акторы въ Пантомимѣ потому что онъ подражая протчимъ мертвымъ и движенія не имѣлъ; а перьвая Актриса был жена ево; которая идучи за гробомъ ево пѣл пѣсню по примѣру опериетокъ, которыя такъ же при гробахъ любовниковъ своихъ пѣсни поютъ только лишъ въ прозѣ и безъ инструменшальной музыки. Содержаніе сей Аріи состояло въ томъ для чево мужъ ея умеръ. Нещастливый мужъ пы умеръ противъ воли своей, а ежели бы волею но бъ тебя не похоронили; пы умеръ противъ воли, да тебѣ жъ еще и пеняютъ, для чево ты умеръ. Жена ево выла, однако она притворя выла, для того что ни гдѣ Каданса не попер

ла,

ла, что въ такомъ обстоятельствѣ одна только сперистка здѣлать можетъ. На Васильевскомъ острову улицы не вымощены, и слѣдственно по окончаніи зимы всегда бываютъ грязны, такъ что не только пройти, но и проѣхать иногда трудно. Сей мертвой былъ посадской человѣкъ и старинной фабрики, котораго рода посадскія люди перепоясываются кушаками, а жены ихъ носятъ туфли, или лутче сказать ходятъ въ туфляхъ, ради того что они туфли носятъ ногами. Ежели бы не было на ногахъ печальныя сея вдовицы туфель, а на улицѣ грязи; я бы еще могъ подумать, что жена умершаго пѣсню въ страсти поетъ; но туфли и грязь все мое сумнѣніе разрѣшили. У Италіанскихъ оперисткъ, какъ извѣстно, хвосты по подобію павлиновъ длинныя; и ради того когда Актриса повернется, два пажа хвостъ, висящій съ преширокой изъ обручей составленной юпки, передвигаютъ, а сія Актриса вмѣсто великой юпки великое имѣла покрывало, называемое фатою, съ тою разностью что фата на головѣ. Вмѣсто пажей имѣла она двухъ помощницъ, которыя показывали, будто они поддерживаютъ плачущую или паче поющую вдовицу, хотя она и очень шла бодро. Не позабыла она въ безпамятствѣ своемъ противъ самаго того окошка, изъ котораго я на сію смотрѣлъ комедію, сыскать мѣсто, гдѣ ступить посуше, и на всѣмъ пути ни которой туфли отъ вязкости грязи съ ноги не сронила. А что не вышла ни разу изъ Каданса, ни мѣся грязи ни осторожно оную обходя, то всеконечно дѣлала

страсть,

страсть. По окончаніи сего плачевнаго и смѣшнаго позорища, или лутче сказать, по окончаніи сея Трагикомедіи, котораго рода Драмъ нѣтъ и не бывало, пришли мнѣ отъ сего зрѣлища на умъ тѣ Стихотворцы, которыя слѣдуя единымъ только правиламъ, а иногда и единому только желанію полсти на Геликонъ ни мало не входя въ страсть, и ни чего того, что имъ предлежитъ, не ощущая, пишутъ только то, что имъ скажетъ умствованіе или невѣжество, не спрашиваясь съ сердцемъ, или паче не имѣя удобства подражать естества простотѣ, что всево писателю трудняе, кто не имѣетъ особливаго дарованія хотя простота естества издали и легка кажется. Что болѣе Стихотворцы умствуютъ, то болѣе притворствуютъ, а что болѣе, притворствуютъ, то болѣе завираются, и уподобляются сей оплакивающей смерть мужа своево вдовицѣ, которая шедъ за гробомъ пѣла дурацкую пѣсню.

Россiйскiй Виѳлеемъ.

Между знатнѣйшими Римскими родами, какъ сего города и Архивы явствуютъ есть родъ Колонна. Въ семъ родѣ числится больше двухъ сотъ славныхъ мужей, много святыхъ мучениковъ, и болѣе притцати Кардиналовъ. Сей родъ распространился не только въ Римѣ и въ Италiи, но и въ Ишпанiи, Россiи и Германiи. Въ Россiю пришелъ изъ Рима Карлъ Колонна, убѣжавъ отолѣ отъ нападенiя своихъ неприятелей, гдѣ показавъ при многихъ обстоятельствахъ великую храбрость приобрѣлъ себѣ славу и богатство. Сей Карлъ на Москвѣ рѣкѣ построилъ замокъ, и нарекъ ево по имени своево рода Колонною. Замокъ сей есть нынѣшнiй городъ Коломна. Онъ ли или потомки ево построили село Коломенское, о томъ подлинно мнѣ не извѣстно; но то мнѣ извѣстно, что въ семъ селѣ родился ВЕЛИКIЙ ПЕТРЪ, основатель нашего благополучiя, отецъ отечества, честь народа своего, страхъ неприятелей и украшенiе рода человѣческаго. И такъ о семъ селѣ вѣчнаго достойномъ почтенiя можно въ нѣкоторомъ разумѣ то сказать подражанiемъ, что Матѳей Евангелистъ по пророчеству пророка Михея говоритъ о Виѳлеемѣ: Ты Коломенское не уступишъ во славѣ ни которому граду Россiйскiя державы; ибо въ тебѣ родился ВЕЛИКIЙ ПЕТРЪ, основатель благополучiя Россiи.

Россійскій Виѳлеемъ: Коломенско село,
Которое на сѣтъ Петра произшело!
Ты щастья нашего источникъ и начало;
Въ тебѣ пеличіе Россійско позсіяло.
Младенца, коего ты зрѣло пъ пеленахъ,
Епропа пидѣла на городскихъ стѣнахъ,
И Океанъ ему подъ область отдалъ воды:
Дрожали отъ него всея земли народы.

О разумѣніи человѣческомъ по мнѣнію Локка.

Локкъ отрицаетъ врожденныя понятія. Ежелибы сія истинна врожденна была, что нѣчто можетъ вдругъ существовать и несуществовать; младенцы постигнули бы то, какъ скоро матерню утробу покинули, а того нѣтъ. Разумѣніе просвѣщается чувствами, и что больше они укрѣпляются, то больше оно просвѣщается. Все то, что мы ни понимаемъ, въясняется въ разумъ чувствами. Разсужденіе кромѣ данныхъ ему чувствами ни какихъ основаній не имѣетъ. Разсужденіе безъ помощи чувствъ ни малѣйшаго движенія въ изслѣдованіи здѣлать не можетъ. Разумъ ни что иное какъ только дѣйствія души, въ движеніе чувствами приведенныя. Что больше человѣкъ видитъ, то больше разумѣетъ. Могли бы человѣкъ постигнуть что сладко, и что горько, ежели бы онъ не имѣлъ вкуса? Можетъ

ли кто постигнуть, что бѣло и что красно, ра-
зумомъ, слѣпъ родившися? Кто глухъ родился,
потъ о музыкѣ ни малѣйшаго гонятія не
имѣетъ. Все что ни есть, неопровергаемо Лок-
ково мнѣніе утверждаетъ. Маленькой младенецъ
едва разумъ имѣя, что сладко и что горько
столько жъ какъ и большой человѣкъ постигаетъ.
Неврожденный разумъ тому ево научаетъ, но
вкусъ. Не сказываетъ разумъ младенцу, что
три и семь, десять, покамѣстъ онъ до десяти
считать не научится. Что Левъ и что Мед-
вѣдь, неврожденный разумъ человѣку сказываютъ,
но взоръ. Что колокольный звонъ и что пушеч-
ная пальба не разумъ сказываетъ, но слухъ.
Какъ пахнетъ Корица, Гвоздика, не разумъ
сказываетъ, обоняніе. Что ударъ тѣлу боль
дѣлаетъ, не разумъ то сказываетъ, осязаніе.
Разумъ ни чему насъ не научаетъ, чувства то
дѣлаютъ. Всѣ движенія души отъ нихъ. Что
холодно и что горячо, разумъ ли сказываетъ?
Разумъ есть ни что иное, какъ только содер-
жапель воображеній, порученныхъ ему чувствами.
Естество никакова начертанія въ разумѣ безъ
чувствъ не можетъ учинить. Человѣкъ ученой
и человѣкъ дикой, не разумомъ разнятся, но
употребленіемъ чувствъ. Ежели бы разумъ
былъ врожденъ, на что бы потребны были
науки? Не надобны бы были, слѣпому глаза,
и глухому уши. Все бы то дѣлалъ разумъ, а
увства были бы не надобны. Разумъ ни чево
не дѣлаетъ, лишъ только сохраняетъ то, чѣмъ
во чувства обогащаютъ. Кратко: врожденнаго
онятія нѣтъ.

Природа не изъясняетъ истинны въ душах
нашихъ, и слѣдственно ни какова нравоучител
наго наставленія не подаетъ. Есть ли бы так
было; не было бы разбойниковъ, а они между с
бою и дружбу и узаконенія имѣютъ; на вро
денной ли истиннѣ сіе основано? ясно, что нѣт
Ежели бы врожденное было нравоученіе; оно б
вдругъ постигнуто быть долженствовало, а м
ономy научаемся, и сложеніемъ многихъ вобр
женій, до него доходимъ. Одни несложныя пр
свѣщенія, чувствами, разомъ понимаются. Р
бенокъ то, что темняе и что свѣтляе, рав
какъ и большой человѣкъ постигаетъ. Больш
слагая понятіе съ понятіемъ, и воображеніе
воображеніемъ, о свѣтѣ разсуждаетъ, а перьв
воображеніе, не больше младенца чувствуетъ.
требовала бы доказательства истинна, ежели
она врожденна была. Что красно и что бѣл
на то не надобно доказательства; а сіе п
казываютъ чувства, чево разумъ не дѣлает
и слѣдственно ни врожденнаго разума, ни вро
денныя истинны нѣтъ. Свойственно челов
желать себѣ щастія; но сіе желаніе не врожде
ное, но происходящее отъ чувствъ. Ежели
чувства того не въясняли; не было бы и жела
сего. Спроси Христіянина, для чево онъ опасае
ся дѣлать беззаконіе: спроси ученика Гоббез
ва; спроси языческаго Философа. Перьвой с
жетъ: Боюся Бога. Другой; Боюся начальст
Третій скажетъ: Боюся стыда; такъ имъ
узаконеніе чувства предписали, а не врожден
право. Уменьшается ли тѣмъ премудрость

шего Создателя, что нравоученіе основано на чувствахъ, а не на разумѣ! Совѣсть основана на чувствахъ, а не на врожденномъ понятіи, котораго нѣтъ, и быть не можетъ. Есть ли бы совѣсть врожденно изобличала; допустила ли бы она до беззаконія. Воспитаніе, наука, хорошія собесѣдники и прочія полезныя наставленія, приводятъ насъ къ безпорочной жизни, а не врожденная истинна. Есть ли бы совѣсть была врожденна; всѣ бы люди жили честно, и всѣ бы повиновалися единому закону. Что честно въ одномъ народѣ, то бъ честно было и въ другомъ: Не было бы ни войны ни ссоръ; ибо не было бы различныхъ о справедливости толкованій: Всѣ бы философствовали, и всѣ бы, ни чего добраго, не видѣвъ, не слышавъ, и ни чему не учившися, здраво разсуждали; а того нѣтъ. Ни безбожника, ни суевѣра, затвердѣвшихъ во мнѣніяхъ, совѣсть не обличаетъ? Гдѣ же врожденная истинна дѣвается?

къ типографскимъ наборщикамъ.

Когда вы набираете литеры для моихъ писем я прошу васъ наблюдать слѣдующее. Сил не ставить ни гдѣ; ни въ какомъ словѣ русским людямъ они не надобны; мы пишемъ по русск не для чужестранцовъ, но для себя, а чуж странцы могутъ тѣмже образомъ и безъ сил научаться нашему языку, какъ мы ихъ язык научаемся. Они знаковъ на слогахъ ударенія н ставятъ; однако мы безъ трудности ударені словъ ихъ научаемся. Сея ради причины у нас силы уже выброшены, кромѣ словъ безъ сил два или ежели есть и болѣе знаменованій имѣк щихъ; и такъ я говорю объ оставшихъ не на добныхъ намъ силахъ. Гдѣ должно сказать *сéрдца* и гдѣ *сердцà*, що всякой русской чел вѣкъ и безъ сего ему типографскаго предварені поймет, а по складу и чужестранецъ не оши бется, ежели знаетъ по Русски. Силы дѣлают справщику и вамъ трудъ ни кому не полезный и трудъ автору въ поправкѣ набраннаго ево со чиненія. Когда исчезнутъ силы, исчезнетъ с ними и пестрота обезображивающая прекрасну нашу нынѣшнюю печать. Собственныя имен такъ же силъ не требуютъ; ибо удареніе въ соб ственныхъ именахъ на Русскомъ языкѣ отъ ударені чужестранныхъ языковъ отмѣняется по нашем свойству. На пр. Елегіа, по свойству нашихъ удар

ні

ній Елéгія, Éклога, Еклóга, и пр. А ежели ко имена остаются и въ прежнемъ своемъ сво и пѣ легко понять можно, по примѣру дѣ именъ изъ того языка, тѣмъ образомъ, которымъ догадываются не ставя силъ чужестранцы. А ежели какое не важное собственное имя и на выворотъ молвится, такъ сколько не важно то имя, столько не важна та и погрѣшность. Лутче ставить силу надъ словами чужестранными, въ которыхъ намъ нѣтъ нужды, и которыя присвоены быть не могутъ, и для того ихъ силою почтить, что они силою въѣхали въ языкъ нашъ, и которыя трудно выжить, потому что десять человѣкъ ихъ выталкиваютъ, а многія ихъ тысячи ввозятъ. Ето мнѣ смѣшно что мы втаскиваемъ чужія слова, а то еще и смѣшняе, что тому не многія смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ. Или можетъ быть я грѣшу, что тому смѣюся, а они благопристойно поступаютъ, и ради того не смѣются, что то не смѣха но сожалѣнія достойно. Имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на Я. И потому что я по единому только собственному моему произволенію ни какихъ себѣ правилъ не предписываю, и не только другимъ но и самому себѣ въ граммашикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что Граммашика повинуется языку, а не языкъ Граммашикѣ; такъ долженъ я объявить вамъ, ради чево я всѣ прилагательныя такъ окончеваю. Ради того что всѣ такъ говорятъ. А для чево

такъ говорить начали, о томъ спросите древ-
нихъ предковъ нашихъ, ежели вы къ тому слу
чай имѣете. А всенароднаго употребленія не воз
можно опровергнуть, да и не для чево. Друго
на сіе доводъ столько жъ важенъ: Въ Славен
скихъ нашихъ книгахъ, прилагательныя имена
множественнаго числа въ единственномъ, рода му
жескаго кончаются на И. Въ женскомъ и въ сред
немъ на Я. Ежели намъ слѣдуя тому посту
пать; такъ мы Славенскимъ мужескимъ оконча
ніемъ введемъ нѣчто не свойственное въ нынѣш
ній языкъ нашъ, къ чему народъ не только при
выкать не можетъ, но и не станетъ. Какомуж
послѣдуя правилу окончеваете вы во множе
ственномъ прилагательныя имена на Е? Вы ска
жите: такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пи,
шетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ
ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не за
разятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаг
основанія, стоять не можетъ. Предлогъ, *При*
въ сложенныхъ съ нимъ словахъ ставить так
какъ онъ есть, не премѣняя литеры И, въ І
ибо всякое слово, гдѣ бы оно вставлено ни было
тѣмъ же словомъ остается, что оно было; слѣд
ственно и литеры свои удержать должно: Он
знаменованія своево не теряетъ, и ни мало отъ
существа своево не отходитъ. Изъ словъ
Множить, *У*, *При*, составляется слово, *при*
умножить. Для чево жъ писать *пріумножить*
или изъ словъ *Яти*, *При* и *Не*, составленно
слово, *непріятель*, для чево писать *непрія*
тель? что въ Славенскихъ нашихъ книгахъ слѣ-

дуя правилу, что бы предъ гласною литерою ставить І, не здѣлано выключки на предлогъ, *при*, ето учинено забвеніемъ, не представивъ себѣ, что безъ выключки мало правилъ, или хотѣлося переводчикамъ покорить закону своему, не покоряющееся правилу ихъ, *при*. Имъ ето удалось; я только бѣдному, *при*, и нѣкоторыя мои сообщники, къ слабому ево защищенію остался. Не только предлогу, *при*, и человѣку бѣдному не скоро судъ сыскать можно, а особливо ежели судьи несправедливаго мнѣнія, или какое пристрастіе имѣютъ. Тогда отъ судей челобитчику такое рѣшеніе выходитъ: Отказать; ибо мы того здѣлать не хотимъ. Имена существительныя кончающіяся на ъ, суть рода женскаго; такъ ради чево имѣющія охоту переламывать правилами языкъ говорятъ великой камень, великой пламень, а не великая камень и не великая пламень? Ето бы лутче было, по тому что не было бы выключки. Что менше правилъ, то легче языку научиться, а нѣкоторыя думаютъ, что въ легкости языка немалое состоитъ достоинство; однако тотъ Алмазъ не дешевле, которой легче. Мнѣ думается, что въ умѣренной тягости языка больше найти можно достоинства, по тому что отъ того больше разности, а гдѣ больше разности, тамъ больше приятности и красоты, ежели разность не теряетъ согласія. Трудность языка къ наученію больше требуетъ времени, но больше принесетъ и удовольствія. *При*, и *томъ*, *по* и *томъ* дѣлаете вы однимъ словомъ, и когда набираете, *по-*

томъ, ставите силу такъ изображая: *тото́мъ* чтобъ не было выговорено, *то́томъ*. Не сопрягайте двухъ словъ въ одно, когда вы мои письма набираете. Палочекъ между словъ не ставьте, на прим: *по-морю*; еще хуже набирати такія рѣчи какъ *по морю*, и ставить силу на односложномъ словѣ такъ: *по́ морю* или съ палочкою *по́-морю*. Гдѣ свѣтло тамъ свѣчь не зажигаютъ, а что ясно о томъ толковать не надобно: гдѣ поставлено *по морю*, всякъ будетъ читать и безъ предваренія *по морю*, а не *по мо́рю*. Односложныя слова уже и для чужестранцовъ силъ не требуютъ; ибо гдѣ одна только гласная литера, тамъ ударенія на оную ни кто обойти не можетъ. Два не могутъ быть не два, а три не могутъ быть не три, подобно не можно не ударить голосомъ въ литеру гласную, ежели она одна только, а Хореи наши и Ямбы составленныя изъ двухъ долгихъ слоговъ суть Спондеи, какъ изъ двухъ коротькихъ Пиррихіи, и употребляются слагательными стопъ по необходимости. Спондеи претворяются въ Хореи и Ямбы силою и удареніемъ мысли, а Пиррихіи остаются слабыми двусложными стопами, что стопослагатели хотя и тщатся обѣгать, но ни въ самомъ пресѣченіи стиха всегда обѣжать не могутъ, ежели для сей маловажной причины не хотятъ уменшить красоты въ изображеніи мысли своей. Щастливы тѣ въ ономъ, которыя о красотѣ мыслей не пекутся, или паче достигнуть ея суетную надежду имѣютъ. Они безъ сожалѣнія риѳмѣ, пресѣченію и стопѣ, мысли свои на жертву

при-

приносятъ. Не безщастны и тѣ, которыя сочиняя стихи съ риѳмами, ни о чистыхъ стопахъ ни о хорошихъ риѳмахъ не думаютъ, а всѣхъ щастливяе тѣ, которыя сочиняя стихи, ни о чемъ не думаютъ; ешо всево легче. Въ собственныхъ именахъ по свойству произношенія нашего языка, ежели слѣдуетъ послѣ І, А, ставьте вездѣ въ моихъ сочиненіяхъ Я. На прим: вмѣсто, Діана, Маріа, Наталіа. Діяна, Марія, Наталія. Въ другихъ словахъ изъ языковъ чужихъ такъ же, на прим: вмѣсто, Елегіа, Церемоніа, Азіа, Иліада: Елегія, Церемонія, Азія, Иліяда, ибо произношенію нашему не свойственно. А и У въ срединѣ и въ концѣ слова безъ литеръ безгласныхъ выговаривать по естеству ихъ и всегда кромѣ начала слова А, и У, стоя одни премѣняются въ Я, и Ю; Не говорится Іунь, Іуль, Іудея, но Іюнь, Іюль, Іюдея. Грубой гласной литеры У, древнія Славяны и въ началѣ слова не выговаривали, прилагая къ У, О, для умягченія грубости литеры У, непріятельницы музыки, и выговаривали О, весьма коротко, которое почти не слышно было, лишъ только смягчало грубость литеры У, и ради того во всѣхъ нашихъ древнихъ книгахъ У, безъ О, въ началѣ ни гдѣ не положено. А у Грековъ, У, изъ двухъ литеръ по той же причинѣ составляется. При безгласныхъ посреди слова ставился у насъ вездѣ Икъ, которой мягче нежели У, произносился, что и нынѣ наблюдать надобно: на концѣ стоя У, одно, премѣнялося оно въ Ю, и только стоя на концѣ съ безгласною литерою произносилося, когда грубость ево дѣйство-

ствовать не можетъ. Свойственно естеству человѣческому, а можетъ быть и всякому животному грубое произношеніе голоса сколько можно умягчать, отъ чего родилась музыка и стопосложеніе. Всѣ языки имѣютъ грубости, одинъ болѣе, другой менѣе; ибо языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними разсудительными, но всякими; такъ тожъ естество, которое въ грубости впадетъ, оныя грубости и смягчаетъ. Языки разныя имѣютъ суровости; разныя къ тому и способы употребляются. Въ нашемъ якыкѣ слуху досаждаютъ изъ несогласныхъ литеръ составленныя слоги, а особливо изъ трехъ безгласныхъ литеръ, или когда конецъ слова, съ началомъ того слова, которо слѣдуетъ ему, не согласенъ: что я хотя и весьма наблюдаю стараяся разносить какъ возможно слова неприятно слуху сражающіяся, да не только въ стихахъ но и въ простой рѣчи; однако не всегда то здѣлать можно, а языка ломать не надлежитъ; лутче суровое произношеніе, нежели странное словъ составленіе. Суровыя слоги суть такова свойства: *Гла, хла, мгла, жгла* пр: шому подобныя. Суровыя выраженія суть такова свойства: *Букпь безгласныхъ спряженіе. Безъ похвалъ тпердость злата. Естъ жизнь многолѣтна. Сопѣсть злая. Прах трехъ прапоучителей. Верстъ мгновенно Отпорятъ прата. Взглядъ премѣнитъ* пр. На противъ того гласныя наши литеры предовсѣми извѣстныхъ языковъ превосходство имѣютъ, и ими смягчаемъ мы пріятнѣйшимъ обра

зом

зомъ суровости нѣкоторыхъ нашихъ слоговъ. Не только А въ Я, и У въ Ю, премѣняются, но всѣ гласныя въ выговорѣ часто премѣняются. О въ А; ибо А мягче слышится, и суровъ онъ только послѣ гласной литеры. И, премѣняется въ выговорѣ въ ІИ. Е въ началѣ и въ концѣ слова всегда двугласная литера. Вошла было въ нашу Азбуку странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ, и справимъ мы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она становиться хотѣла, старинную свою литеру Е, и чужія слова по свойству нашего произношенія изображаемъ ею на пр. Ева, Европа, Евнухъ, и пр. А что не говорятъ, Еденбургъ, Едуардъ, Ерцгерцогъ, а по свойству другихъ языковъ произносятъ, тому причина та, что мы свой выговоръ и языкъ портить намѣрены, и во всякихъ обстоятельствахъ Нѣмецкой и Французской языкъ прекрасному своему языку предпочитаемъ, котораго красоты многія и не знаютъ, а не зная красоты природнаго языка, можно ли красоты познать чужихъ языковъ, ето я предаю разсужденію всѣхъ людей, кромѣ самыхъ невѣжъ, которыхъ какъ велико число, я не вѣдаю. Слѣдуйте въ правописаніи и во многомъ протчемъ до Грамматики и до вашей должности касающемся, больше древнимъ переводамъ Греческихъ книгъ, нежели худымъ съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ переводамъ, отмѣняя враки переводчиковъ, ежели они вамъ позволятъ. Вы знаете, что не только многія переводчики, но и нѣкоторыя Авторы грамотѣ еще менше знаютъ нежели

подъ-

подьячія, которыя высокомѣрятся любимыми сво-
ими словами, Понеже, Точію, Якобы, Имѣет
быть, Не имѣется, и прочими такими А
подьячихъ не заключайте, что они искусняе васъ
что въ два яруса ставять литеры и четыре ли-
теры узорно въ словѣ Лѣта, перепутываютъ
ниже изъ того что они богатяе васъ, вседневн
примѣчая что безграмотныя люди всегда грамот
ныхъ людей богатяе бываютъ. А писцами на-
зываются они Иронически, потому что они пи
сать не умѣютъ, да ето жъ и не ихъ должност
ихъ должность обирать.

О нестрапедлипыхъ оспопаніяхъ.

Ето хорошо и ето худо, говорится очень ча
сто, однако чаще, худо, нежели хорошо;
подлинно, что худова на свѣтѣ дѣлается боль
ше нежели хорошева, однако не ради того чащ
говорится, ето худо, но ради того, что чело
вѣческое невычищенное, или лутче сказать, ис
порченное естесиво больше къ похуленію нежел
къ похваленію склонно. Часто хвалятъ, и ху
лятъ люди и противно своему мнѣнію, а ча
ще еще околдованны ненавистью, сыскали мы
способъ обманывать себя, которымъ можемъ
мы увѣриться, какъ хотимъ, и видя бѣло
не нарушая правъ совѣсти можемъ клясться
что оно хотя и не черно, однако желто. До
такой степени дошло человѣческое искусство
Скоро изобретемъ мы способъ увѣрять себя, что

де

десять, не десять, да пятьнатцать; что аршинъ, не аршинъ, да полтара аршина; что фунтъ, не фунтъ, да полтара фунта. Большей части людей думается, что свѣтъ часъ отъ часу разумняе становится; другимъ думается, что онъ часъ отъ часу становится глупяе; а я такое имѣю мнѣніе, что самая малая часть рода человѣческаго часъ отъ часу разумняе становится, а остатокъ часъ отъ часу далѣ и далѣ въ невѣжество заходитъ, и сколько становится глупяе, столько умножается ево высокомѣріе. Ето я говорю не въ разсужденіи нѣкоторыхъ участныхъ знаній, но всево вобще; ибо ето извѣстно, что многія знанія возросли, многія изобрѣтены, многія пали, а нѣкоторыя, и можетъ быть, многія изчезли. Всѣ новыя умствованія основаны на умствованіяхъ древнихъ. Мода перемѣняется всегда, а природа ни когда. Недавно ходили съ короткими тростьми, и говорили, что они покойняе длинныхъ: нынѣ ходятъ съ длинными тростьми, и говорятъ, что длинныя покойняе. Не давно люди рождалися и умирали: нынѣ такъ же рождаются и умираютъ; мода перемѣнилась, а природа нѣтъ. Петиметры, стараяся другъ друга перещеголять мѣрою тростей, вышли за границы. Здравымъ разсужденіемъ приближаемся мы къ центру познанія, котораго смертныя ни когда не могутъ коснуться. Кто больше до сего доходитъ центра, и кто менше ево преходитъ, тотъ справедливяе дѣйствуетъ. А тщетныя люди не только въ важныхъ дѣйствіяхъ, но и въ неважнѣйшихъ мѣры не знаютъ. Примѣръ по-

му

му съ длинною простью петиметеръ. Что на природѣ и истиннѣ основано, то ни когда премѣниться не можетъ; а что другія основанія имѣетъ, то похваляется, похуляется, вводится, и выводится по произволенію каждаго, и безъ всякаго разсудка. А по тому что разныя у людей мысли, такъ разныя по разности вкуса умствованія, разныя изобрѣтенія и разномышленныя дѣйствіямъ и вещамъ, похваленіе и похуленіе бываютъ; ибо все доказывается по большей части своемышленно, а не правомышленно, и для увѣнчанія невѣжества, назвали невѣжи ясныя и непреоборимыя доказательства, педантствомъ, не имѣя, въ чемъ педантство состоитъ, ниже понятія. Логическое и Математическое доказательства не педантство, но путь къ истиннѣ, которымъ шествуя, и просвѣщенный разумъ имѣя проводникомъ до послѣднихъ границъ нашего умствованія заблудиться не возможно. Многое знать слыветъ у невѣжъ: знать по педантски или по школьному. Малое знать, или погрубяе выговорить, ничево не знать, слыветъ у нихъ: знать по кавалерски. Кто жъ педанты и кто Кавалеры? Педанты по ихъ мнѣнію суть Профессоры и прочія ученыя люди; которыя не по моему мнѣнію, но по справедливости, ежели они достойны своево званія, суть люди перьваго въ обществѣ класса. А имя Кавалера обыкновенно дается дворянамъ; и такъ знать по кавалерски, есть знать по дворянски, знать сколько, сколько благородному человѣку пристойно, по есть мало и не основательно, чтобъ умѣть начинать говорить

о всемъ, и не умѣть окончать ни о чемъ, скакать изъ матеріи въ матерію показываяся, будто все знаешъ, хотя етому кромѣ такихъ же невѣжъ и ни кто не повѣритъ, доказывать не по педантски доводами, но по дворянски крикомъ, изовсей мочи хахатать, и по томъ ежели самымъ лутчимъ и благороднѣйшимъ образомъ рѣчь окончишь, то есть по петиметерски; такъ надлежитъ запѣть Французскую пѣсню, или кто не знаетъ Французскаго языка, хотя и Рускую, только чтобъ не было въ ней ни склада ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣтъ недостатка. Таковое въ наукахъ знаніе называется, знаніе дворянское, знаніе благородныхъ людей. Быть Историкомъ, Математикомъ, Физикомъ, дворянину стыдно, а всево стыдняе проповѣдникомъ. Похвально ни чево не знать, а всево похвальняе не знать и грамотѣ. Предки наши говаривали: на что умѣть писать? вить не въ подьячихъ быть: на что умѣть читать? вить не во дьячкахъ быть. Да такъ и было. Отъ слова Діяконъ, произошло слово Дьячекъ, отъ Дьячка Дьякъ, отъ Дьяка Подьячій; ибо при воспріятіи во времена Владимировы Россіянами Христіянскаго закона и сію приобрѣли мы пользу, что отъ Грековъ получили мы литеры, и переводы на Славенскомъ языкѣ книгъ, а въ началѣ Христіянскаго закона знали грамотѣ одни только священники и церьковники, и когда что потребно было написать, такъ то писали дьячки. Дьячекъ, грамотникъ и писецъ было едино: По большей части дворяне служатъ въ военной службѣ, и возросшаютъ къ защище-

нію отечества: Дѣло прехвальнѣйшее! Многія д
маютъ, что нѣтъ нужды воину въ наукак
кромѣ Инженерства и Артилеріи. Ежели мы во
мемъ рядовова салдата; такъ ему и въ том
нѣтъ нужды; ему только надобно выучить
владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ военно
службѣ дворянинъ, или офицеръ, уповаетъ
вышшія восходить степени, а иногда быть и по
ководцемъ, которому знаніе наукъ, а ими ч
стое просвѣщеніе разума не менше Профессора по
ребно, и всѣ почти въ древности знатнѣйшія по
ководцы были люди ученыя. Александръ, Ц
сарь, Августъ и многія протчія. Въ новѣйш
времена такъ же. А которыя, какъ въ дре
ности такъ и въ новыя времена, не имѣли сл
чая въ наукахъ углубляться; такъ они весь
ими просвѣщены были, а нѣкоторыя имѣли пр
восходныя разумы, дарованіе и наукъ еще по
щенняе; а гдѣ не доставало знанія наукъ и
любленія оныхъ, тамо слѣдовала погибель. Ми
рополитъ Кіевскій Петръ Могила учредилъ у
лище, и первый открылъ путь ученія Россійск
му народу. Государь Царь Ѳеодоръ Алексѣеви
сей въ нѣжной младости къ горести всего нар
да скончавшійся прехвальный Монархъ и кра
ній любитель наукъ, учредилъ училище въ М
сквѣ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. По то
когда возсіяло Россійское солнце, и мра
невѣжества разсыпало, когда возшелъ на п
столъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, тогда пологій Н
скій брегъ сталъ горою Геликономъ, и Невс
струи струями Иппокрены. Сей великій Госуда
ра-

разсуждалъ о учрежденіи Академіи съ единымъ изъ учителей вселенныя съ славнымъ Лейбницомъ, и основалъ ее, пригласивъ къ оной нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ мужей, а между прочими Бернулліевъ и Германа, который нынѣ отъ нѣкоторыхъ Германомъ великимъ называется. Лейбницъ, Фонтенель, Бургавенъ не могли слѣдовать ему въ Россію, сожалѣя, что ихъ обстоятельства препятствуютъ имъ имѣти щастіе успѣшествовать въ державѣ таковаго преславнаго скипетродержца, таковаго великаго мужа, и таковаго любителя и покровителя наукъ. Лейбница наградилъ онъ чиномъ Тайнаго Совѣтника. Лейбницъ служилъ ему въ учрежденіи Академіи. Фонтенель говорилъ о безсмертной ево славѣ рѣчь. Бургавенъ обучалъ и препоручалъ Россіи Медиковъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ преставился, едва только Академію учредивъ. Вѣнценосная ево супруга по учрежденіямъ ево Академію основала. Дщерь ево, наша владѣющая Государыня ИМПЕРАТРИЦА, преложила къ оной Академіи изобилія, и въ Москвѣ къ вѣчному Россіи одолженію основала великое Училище. Распространи Боже въ Россіи науки, и искорени несправедливыя основанія!

Разгоноры мертвыхъ

Разгоноръ I.

Скупой и Мотъ.

Мотъ.

О чемъ ты воздыхаешъ?

Скуп. Не льзя не воздыхать; здѣсь я ни ка-кой утѣхи не имѣю, все собранное мною богатство осталося на земли, и нѣтъ у меня ни золота ни серебра. На томъ свѣтѣ всякая минута меня увесели-ла. Иногда я дѣйствіемъ, а иногда мыслію, со-рая сокровищи, располагая къ собиранію онаго, учрежденія моево предпріятія, услаждался. Все-да были утѣшительныя упражненія, всегда пре-лестныя воображенія и сладкая надежда, а нынѣ ни чево того нѣтъ. Воры и грабители иногда меня смущали; но смерть всѣхъ грабителей ско-рѣе; и сами приказныя служители въ гра-тельствѣ ни что передъ нею; они договариваю-ся, и берутъ нѣсколько, а смерть не знаетъ ни какихъ договоровъ, и все отнимаетъ. Щаст-ливы еще обитатели земли, и что не имѣ-разорители жадной смерти подражаютъ, и что беззаконной сей грабительницы другія без-конныя грабители нѣсколько опасаются, что-бы она съ богатствомъ и вѣчнаго ихъ блаженства не заграбила; да по большей части такъ и дѣ-лается.

Мо-

Мот. Блаженства смерть отнять не можетъ, ежели человѣкъ остороженъ, что грабители гораздо помнятъ, и передъ самою смертью со слезами каются, а чево изъ погрableннаго къ удовольствію своему не прожили, то оставляютъ дѣтямъ, и ничево ограбленнымъ невозвративъ, приказываютъ дѣтямъ своимъ чтобъ они объ отпущеніи имъ жестокаго грабительства молились. И такъ благополучно поживъ благополучно и умираютъ; а что ограбленныхъ дѣти въ убожествѣ останутся, ето не ихъ убытокъ.

Скуп. Имѣніе хорошо, да то худо, что смерть ево безъ остатка отнимаетъ.

Мот. У меня она ни чево не застала, такъ ни чево и не отняла. Отъ дня ко дню ни чево не оставлять; есть самой лутчій способъ сохранить себя отъ ея грабительства.

Скуп. Какое жъ отъ имѣнія утѣшеніе, ежели отъ дня ко дню ничево не оставлять?

Мот. Какое етова утѣшенія больше быть можетъ, когда я хорошо ѣмъ, хорошо пью, хорошо одѣваюсь, хорошее имѣю жилище, и все что имѣю, что я за деньги имѣть могу?

Скуп. А когда потребно больше издержать ежели то, что ты въ день получишъ?

Мот. Тогда я займу.

Скуп. А когда занять не сыщешъ?

Мот. Такъ я потерплю.

Скуп. А когда займа не чемъ будетъ с дать?

Мот. То суеты тѣхъ, у ково я займу.

Скуп. А когда тебя за то въ тюрму г садятъ?

Мот. Такъ я буду сидѣть.

Скуп. Да ето вишь горестно?

Мот. Да и ето не очень сладостно, ког имѣть богатство, и имъ не довольствоваться сѣтовать по смерти, что оно уже не мое.

Скуп. Подлинно что ето не весело; одна я богатствомъ повеселился, а ты нѣтъ.

Мот. Я имъ больше повеселился нежели ты я ѣлъ и пилъ сладко, а ты меръ съ голоду.

Скуп. Ты своево богатства и не видалъ.

Мот. Да я имъ довольствовался, а ты д дѣлъ, да не довольствовался, и былъ не вла телемъ ево, да только сторожемъ, и несъ должность безъ заплаты, и былъ изъ доброй ли содержанъ хуже каторжниковъ, по тому и они за труды свои плату получаютъ.

Скуп. А ты когда искалъ и не могъ с кать денегъ, или когда надлежало платить,

было нѣчемъ, въ по время и подлинно страданіемъ своимъ на капоржника походихъ.

Мот. Ето правда, что мнѣ было иногда несносно; однако ты мучился больше, хотя ты самъ не вѣрилъ себѣ, что ты мучишся.

Скуп. Я признаваюся, что и богатство дѣлаетъ мученье, но убожество еще больше.

Мот. А я тебѣ говорю, что богатство еще больше человѣка беспокоитъ нежели убожество, ежели ево не употреблять; убогой человѣкъ хотя уже то спокойство имѣетъ, что онъ ни воровъ, ни грабителей не опасается.

Скуп. Легче опасаться поперять, нежели не имѣть.

Мот. На что то имѣть, чево не употреблять.

Скуп. Что выдамъ, тово нѣтъ, а чево не выдамъ, то есть.

Мот. Да теперь ужъ нѣтъ.

Скуп. О томъ то я и воздыхаю.

Мот. Да на что тебѣ здѣсь имѣніе; здѣсь ни чево не покупаютъ и ни чево не продаютъ.

Скуп. То то здѣсь и похвально: Какая бы хорошая здѣсь жизнь была, ежели бы деньги были!

Мот. А я здѣсь то хвалю, что должники ни ково не мучатъ.

Разговоръ II.

Высокомѣрной и Низкомѣрной.

Нискомѣрной.

Мнѣ здѣшнял жизнь не столько скучна какъ тебѣ, для того что хотя я и не услаждаюся свою покорностію и низкими поклонами; но по крайней мѣрѣ не болитъ у меня поясница: а ни полюбовавшися на томъ свѣтѣ дѣлаемыми тебѣ поклонами мучится, что ни ктобольше предъ тобою спины не нагибаетъ. Всѣ здѣсь равны нѣтъ ни господина ни холопа. Власть и типлы здѣсь минуются, и остается едино человѣчество. Правда что ето не приятно мнѣ, что степеней достоинства здѣсь нѣтъ; для того, что не предъкѣмъ кланяться, а ето моя забава.

Высок. Степени достоинства здѣсь еще лутче, по тому что здѣсь истинное достоинство почитается а не пустыя типла, которыя не вдѣлываются въ насъ, но только къ намъ привязываются. А по тому что фортуна слѣпа; такъ она чины и типла привязываетъ безовсякаго разбора, какъ ни прибредетъ. И такъ, ежели ты ищешъ испинно доспойнаго человѣка; такъ на что тебѣ далеко бѣгать? мнѣ кланяйся.

Низх. Тебѣ и я на томъ свѣтѣ ни когда не кланялся; ты великимъ господиномъ не бывалъ.

Высок.

Высок. Да великимъ человѣкомъ былъ я, а и теперь то жъ. Я не лишился своево достоинства, но лишился надлежащаго почтенія. Здѣсь люди ни ково не боятся; а гдѣ нѣтъ страха тамъ нѣтъ и почтенія.

Низк. Я не знаю, почему ты себя ставишъ великимъ человѣкомъ; ни ты показалъ живучи на свѣтѣ миру о вещахъ познаніе, ни ты показалъ мужество въ защищеніи отечества, ни разумъ въ правленіи государственныхъ дѣлъ: и вся твоя въ томъ состоитъ исторія, что ты родился, ѣлъ, пилъ и умеръ.

Высок. Однако то знать надобно, какъ я родился.

Низк. Я твоей повивальной бабки не знаю, и какъ ты родился не вѣдаю; то только извѣстно мнѣ, что ты вышелъ на свѣтъ изъ женской утробы, вышелъ и я изъ такой же утробы.

Высок. Я родился отъ рода самаго знатнаго: предки мои были въ великомъ почтеніи. А тотъ, отъ ково пошелъ нашъ родъ, произшелъ отъ Королевской крови.

Низк. Тотъ отъ ково и твой и мой родъ пошелъ, произшелъ отъ земли, и у всѣхъ насъ корень и первый праотецъ Адамъ.

Высок. Ето правда; однако прежнее грубое человѣческое естество въ потомкахъ Адамовыхъ,

и въ предкахъ моихъ знатностію рода перечищалось, и дошло до меня во всей славѣ и въ полномъ великолѣпіи.

Низк. Ето все, что ты ни наговорилъ, пустое, и то, что ты отъ знатнаго произшелъ рода, твоей славы не умножаетъ, а я тебя славняе для того, что я въ жизни моей былъ любимъ многими великими господами и со многими изъ нихъ обѣдывалъ и ужинывалъ, а ты къ праотцамъ своимъ и въ подворотню не смаширивалъ. Мнѣ жъ многихъ великихъ господъ не только лакеи но и кемердинеры друзья были.

Высок. И у моихъ лакеевъ такія люди каковъ ты друзьями были.

Низ. Такія люди какъ я съ твоими лакеями по сходству нравовъ обхожденіе имѣли, а у по политикѣ; ибо чрезъ нихъ я входихъ въ милость къ господамъ ихъ, получалъ отъ нихъ покровительство и вспомоществованіе въ исканіяхъ моихъ. Я положилъ себѣ такой въ жизни уставъ, чтобъ не только приласкиваться къ холопямъ большихъ господъ, но и къ собакамъ ихъ; и ради того всегда носилъ я въ карманѣ хлѣбъ, и собакъ ихъ подчивалъ, чтобъ я имъ не противенъ былъ, и чтобъ они на меня не лаяли, и не дѣлали приходомъ моимъ въ домѣ шума къ безпокойству въ немъ живущихъ, а хлѣбъ носилъ я всегда бѣлой, ради того что въ домахъ большихъ господъ не только собаки, но и мыши чернова хлѣба не ядятъ. *Выс*

Выс. А я тебѣ скажу: ни чево не было противняе, какъ ходить въ домы большихъ господъ, хотя бы они всѣ достоинства принадлежащія чинамъ ихъ имѣли, ради того что я ихъ пуще смерти ненавидѣлъ.

Низк. За что жъ?

Высок. За то только что они большія господа.

Низк. Безъ Государственныхъ правителей не можно обойтися: и большія господа не только почтенія, но и любви достойны, ежели они душевныя достоинства и попеченія объ общемъ и объ участномъ благополучіи народа имѣютъ, и ежели не своей но народной пользы ищутъ, и не усыпное имѣютъ упражненіе въ положенныхъ на нихъ дѣлахъ; однако ето не мое мнѣніе, а мое мнѣніе то, чтобъ они дѣлали добро тѣмъ, которыя ихъ обманывая имъ лестятъ и кланяются.

Высок. Какъ бы они ни пеклися о народной пользѣ; довольно для отвращенія къ нимъ того, что они большія господа и что мнѣ должно ихъ почитать и имъ кланяться.

Низк. А ты того хочешъ, чтобъ тебѣ люди кланялись, хотя ты большимъ господиномъ и не бывалъ.

Высок. О себѣ у меня правила, а о нихъ другія.

Низк. Какая же разность правилъ твоихъ?

Высок.

Бысок. Разность такая, что я себя люблю ради того что то я, а ихъ ненавижу ради того что то они.

Низк. Я и самъ другихъ людей не люблю и не любилъ, а сершилъ, я для того только что я себя любилъ.

Разгоноръ III.

Господинъ и Слуга.

Господинъ.

Гей! --- Гей!

Сл. Ково вамъ надобно?

Госп. Развѣ ты позабылъ, что мнѣ надобно принять лѣкарство? или ты не помнишъ тово что я боленъ, и что мнѣ приказалъ Докторъ всякія три часа принимать по чашкѣ лѣкарства!

Сл. Вы сударь позабыли что вы ужъ умерли и погребены, и что Докторскія напитки только то здѣлали, что и я не доживъ вѣка въ третій день послѣ васъ сюда жъ переселился, для того что я подчивая васъ Докторскимъ полпивомъ недѣли стри не спалъ, а отъ тово одурѣлъ, и ходя по тому свѣту въ твоей спальнѣ до смерти еще едва дышалъ, а по томъ такъ же какъ и ты умеръ, и такъ же погребенъ: сирѣчь,

рѣчь, положенъ во гробъ, опущенъ въ землю и закопанъ; только не съ такою большою церемоніею.

Госп. Такъ мы уже не на томъ свѣтѣ?

Сл. Мы на томъ свѣтѣ, гдѣ все равно что господинъ что слуга.

Госп. Однако ты человѣкъ благодарной, и что я тебя кормилъ и поилъ не забудешъ, и хотя не такъ какъ на томъ свѣтѣ, однако небольшія услуги мнѣ станешъ дѣлать?

Сл. Я человѣкъ благодарной, а служить тебѣ не стану.

Госп. Для чево жъ не станешъ, когда ты благодарной человѣкъ.

Сл. Для тово что ты неблагодарной человѣкъ; я тебѣ служилъ съ крайнею вѣрностью, а ты меня такъ кормилъ, какъ немилостивыя люди кормятъ водовозныхъ лошадей: сирѣчь такъ худо, чтобъ она только жива была и смогла воду возить, а когда съ голоду у нее не достаетъ силы, такъ вмѣсто сѣна и овса употребляется плеть и палка.

Госп. До чего я дошелъ! слуга мой мнѣ упрекаетъ!

Сл. Тѣмъ то только здѣшняя жизнь и хороша, что все можно выговорить, чево у насъ на

томъ

томъ свѣтѣ дѣлать не позволяется. Здѣсь истинна беззаконіемъ не почитается, и маскарадовъ здѣсь нѣтъ, всѣ въ своихъ лицахъ: доброй человѣкъ называется добрымъ, а худой худымъ. Тамъ ты назывался честнымъ, хотя ты честенъ и никогда не бывалъ; а здѣсь честнымъ человѣкомъ называютъ меня, хотя на томъ свѣтѣ ты меня и плутомъ называлъ. Я плутомъ не бывалъ никогда, а ты совершенной плутъ былъ.

Госп. Я любопытствую еще больше нежели сержусь, по чему ты меня такимъ называешь именемъ.

Сл. По тому, что ты послѣ отца наслѣдства получилъ мало, бывъ судьею жалованье бралъ умѣренное, а жилъ очень богато, да и я тому свидѣтель, сколько къ тебѣ подарковъ нашивали а взятки брать запрещено, и правосудія продавать не позволено.

Госп. Взять не безчестно, только чтобъ дѣло по правамъ рѣшено было.

Сл. Да за что же брать? за то платится что продается, а что не продается, то дается даромъ.

Госп Когда я дѣло вершу, и доставлю человѣка десятьми тысячами рублевъ; такъ убыточно ли ему, когда онъ десятою частью за то меня подаритъ, да двацатую часть за трудъ дастъ подьячимъ.

Сл

Сл. Да когда истцу десять тысячь по правамъ принадлежали; такъ онъ удовольствованъ правосудіемъ а не тобою, а ты за то что вершишъ дѣла имѣешъ чинъ и жалованье.

Госп. Ето правда, и когда прямо разсмотришъ; такъ брать взятки и грабить, ето все равно, да еще взятки и хуже, для того, что грабительство не присвояетъ себѣ почтеннѣйшаго имени правосудія, а взятки присвояютъ; и такъ когда судья взятки беретъ согрѣшаетъ сугубо: перьвое, что грабитъ, а другое, что правосудіе всуе употребляетъ; однако ето ввелося да оно жъ и нажиточно.

Сл. Нажиточно или нѣтъ, только ето плутовство да и великое: а ежели судья возметъ да еще и не правду эдѣлаетъ; такъ то плутовство превеликое и котораго больше нѣтъ. А ты ето дѣлалъ: Я тебѣ служа всѣ твои плутни вѣдаю.

Госп. А я вѣдаю, что тебя за наглыя слова надобно сѣчь.

Сл. Сѣчь меня не за что, а ты столько жъ меня можешъ высѣчь теперь сколько я тебя.

Госп. Сносно ли ето, что собственной мой слуга мнѣ ругается, и меня бранитъ!

Сл.

Сл. Сносно ли и мнѣ ето было, что ты мнѣ ругался, и не только меня бранилъ, да еще и билъ? А я велъ себя честно, и не такъ какъ ты.

Госп. Гореспно мое на семъ свѣтѣ состояніе.

Сл. А мое на томъ свѣтѣ состояніе еще и горестняй было.

Разговоръ IV.

Медикъ и Стихотворецъ.

Медикъ.

Хотя бы у ково нибудь палецъ заболѣлъ! нещастная для насъ тамъ жизнь, гдѣ люди здоровы Не только горячки, ни заусеницы здѣсь нѣтъ.

Стих. Здравствуй господинъ докторъ.

Мед. Только и словъ, здравствуй да здравствуй. И на томъ свѣтѣ ето слово всегда болтаютъ, да по тому не дѣлается, и рѣчь ето тамъ пустая, которая докторамъ кромѣ небольшей досады ни чево не дѣлаетъ, а здѣсь ето слово будто какъ околдовано. Гдѣ всѣ здравствуютъ, тамъ медикамъ надобно такъ часто, какъ ненавистники медицинской науки говорятъ здравствуй, говорить подай милостину.

Стих.

Стих. ГосподинЪ докторЪ, я и на томЪ свѣтѣ жестокою страдалЪ болѣзнію и на етомЪ ею же стражду, и многія господа медики почитали ету мою болѣзнь неизлѣчимою.

Мед. Слава богу! есть больной. Какая у тебя болѣзнь?

Стих. Великой жарЪ и брѣдЪ, и все брѣжу на виршахЪ.

Мед. Болѣзнь у тебя жестокая и подлинно почти неизлѣчимая. Ежели кто вЪ прозѣ брѣдитЪ, такЪ тово не трудно вылѣчить, а ежели на виршахЪ и не скоро захватишЪ, такЪ тово трудно вылѣчивать. Давно ли ета у тебя болѣзнь?

Стих. СЪ самаго младенчества.

Мед. КакЪ ты брѣдишЪ на риѳмахЪ или безЪ риѳмЪ.

Стих. На риѳмахЪ.

Мед. Ето еще зляе.

Стих. Однако мнѣ отЪ етова иногда бываетЪ легче, ради того что мнѣ отЪ исканія риѳмы иногда приходитЪ потЪ, а послѣ потуѴ нѣкоторое облегченіе, слово вЪ слово какЪ будто потовое примешЪ, или какЪ на полку побываешЪ.

Мед. Хорошо еще что натура дѣйствуетЪ; однако отЪ излишества вЪ такомЪ обстоятельствѣ потуѴ бываютЪ обмороки.

Стих. Было ето и сомною, и ежели бы не пустили мнѣ крови, то бъ я и не очинлся.

Мед. Какимъ ето пришло образомъ?

Стих. Надобна была мнѣ риѳма къ слов, небо. Цѣлыя три часа бился я надъ нею, и такъ жестоко потѣлъ, что на конецъ со всѣмъ обессилѣлъ, обезпамятѣлъ, и упалъ.

Мед. Ето съ риѳмотворцами не рѣдко случается.

Стих. Не можно ли мнѣ отъ болѣзни хотя малое получить облегченіе?

Мед. Часто ли ты выѣзжаешъ?

Стих. Рѣдко; какъ больному человѣку выѣзжать?

Мед. Надобно необходимо проѣзживаться; что больше сидишъ дома, то больше ета болѣзнь умножается: во всѣхъ болѣзняхъ движеніе потребно, а въ етой еще больше потому что безъ движенія прибавляется Гипохондрія, а Спхотворческая болѣзнь безъ Гипохондріи не бываетъ. Хорошо ли ты спишъ?

Стих. Какое спанье! въ иную ночь и минуту не заснется.

Мед. Какія ты сны видишъ? изъ етого медики многое заключаютъ.

Сти.

Стих. Преужасныя.

Мед. Великое загущеніе крови.

Стих. Вижу СтиксЪ, АхеронЪ, ФуріЙ, Медузу, Сфинкса, Гидру, ТипановЪ, ГигантовЪ и протчее тому подобное.

Мед. ВидаешЪ ли ты когда во снѢ Діяну, ЕндиміонаЪ, Венеру, Адониса и протчее такое?

Стих. Никогда господинЪ ДокторЪ. А изЪ ДіяниноЙ исторіи видѢлЪ я однажды себя въ образѣ Актеона, когда онЪ бѣжалЪ отЪ собакЪ своихЪ. ТутЪ то я напугался, а послѢ разсуждалЪ, что АктеонЪ не для того собакамЪ своимЪ, о томЪ, что онЪ АктеонЪ, и чтобЪ они узнали своево господина, сказать не могЪ, что онЪ въ оленя превратился, но для того что въ такомЪ люпомЪ обстоятельствѢ когда собаки кусаютЪ, и въ прозѣ ни чево не выговоришЪ, не только въ стихахЪ, а мнѢ собакамЪ надлежало говорить стихами, да еще и съ Риѳмами.

Мед. Великое загущеніе крови.

Стих. НѢкогда видѢлЪ я сонЪ еще и етова страшняе.

Мед. Какой?

Стих. ВидѢлЪ я во снѢ, будто я МарсіЙ, и АполлонЪ здираетЪ кожу съ меня, и мнѢ приговариваетЪ: не брѢдь, не брѢдь: а что я

брѢжу,

брѣжу, моя ли ето вина; кто изъ доброй вли брѣдишъ.

Мед. Жестокой ето сонъ былъ.

Стих. А нѣкогда видѣлъ я сонъ еще и етова страшняе.

Мед. Какой?

Стих. Приснилося мнѣ, будто я сынъ то-тара и земли, и что я лежа подъ Етною во-чаюсь, и не могу выдраться, и будто мнѣ Юпи-теръ приговариваетъ: не трогай неба, не трогай неба. Конечно ето знаменовало то, чтобъ я къ небу не приискивалъ Риемы, по тому что я вить не прямой Енцеладъ былъ.

Мед. Тягостныя ето сны.

Стих. Иногда вижу я и на яву мечтание: кажется мнѣ иногда, будто я Икаръ, и подле-тѣвъ близко къ солнцу, когда растаяли мои крылья, въ море упалъ. Иногда кажется мнѣ, что я Фаетонъ, и сверженъ съ огненной коле-ницы. А иногда думается мнѣ, что я прекрас-ная Финикійская Царевна, и ѣду на коровѣ.

Мед. Стихотворцы не всѣ на Парнассконъ ѣздятъ конѣ: не одинъ ты, многія ваши брат-я на коровахъ ѣздятъ. Изовсево видно, что у тебя болѣзнь неизлѣчимая.

Письмо о красотѣ природы.

Оставь меня мой другъ въ моемъ уединеніи, и не привлекай меня видѣть великолѣпіе города и пышность богатыхъ. Уединенная жизнь свойственняе моему нраву. Я довольно насмотрѣлся на суеты мира, и что въ нихъ болѣе всматривался, то болѣе отъ нихъ отвращался. Для чево мнѣ тратить краткія жизни, спокойныя минуты. Всегда ли къ жизни приготовляться, и никогда не жить? что меня въ городѣ удивить можетъ? Все что тамъ удобно приносить увеселеніе, и довольствовать любопытство человѣческое, нахожу я здѣсь въ большемъ изобиліи. Огромныя зданія, потолоки и спѣны испещренныя живописью, марморныя полы, сады, біющія къ верьху и многою хитростію понуждаемыя ключи: все то на что въ городѣ смотрятъ люди, съ удивленіемъ нахожу я здѣсь не въ подражаніи но въ естествѣ. Какое зданіе столько меня удивить можетъ, какъ огромная вселенная? какой потолокъ прекрасняе свода небеснаго, съ котораго раскаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна, и пригвожденныя къ небу звѣзды блестятъ предъ очами моими? какія стѣны могутъ быть толь украшенны, какъ рощи и дубровы? какой полъ можетъ быть приятняе зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ

рымъ извиваются шумящія и прохлаждающія источники? какая музыка можетъ уподобиться пѣнію прославляющихъ свою свободу птичекъ? Сіи предвѣстники багряныя зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественной музыкѣ свирѣльная игра и простота пѣсней пастушекъ, мнѣ златой вѣкъ изображаетъ. Во время полудни тѣнь сплетенныхъ древесъ даетъ мнѣ чувствовать едину пріятность полудни и излишества жара ко мнѣ не допускаетъ. Пріятный мнѣ вечеръ на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ серце. Не препятствуютъ моему сну тягостныя мысли: съ удовольствіемъ засыпаю и съ удовольствіемъ пробужаюся. Притворства я здѣсь не вижу, лукавство здѣсь не извѣстно. Одѣваюся я какъ мнѣ покойно, говорю и дѣлаю что я хочу и въ поведѣніи своемъ кромѣ себя ни кому не даю отчета. Что дѣлается на свѣтѣ я знать не любопытствую, и удаливщися свѣта въ простотѣ и въ моемъ уединеніи обрѣтаю время златаго вѣка.

Письмо
О большихъ бесѣдахъ.

Какое увеселеніе находятъ люди въ большихъ бесѣдахъ? разномышленныя разговоры, шумъ, споръ, а иногда и ссору. Тогда приноситъ бесѣда увеселеніе, когда въ ней согласно; но можетъ ли между множества людей быть согласіе, когда и малѣйшее число не всегда между собою соглашается: когда бываетъ то что не только друзья, но и любовники между собою не всегда согласны. Изъ скучныхъ большихъ бесѣдъ я одинъ только балъ исключаю, ни мало танцовать не будучи охотникомъ. Описывать бальныя приятности, я оставляю; ибо то къ моему намѣренію не принадлежитъ. Въ бесѣдѣ состоящей изъ четырехъ человѣкъ, одинъ говоритъ, а трое внимаютъ, и всякой всякова рѣчью довольствуется. Въ большей бесѣдѣ многія говорятъ, и шумомъ другъ другу говорить и слушать мѣшаютъ, подражая Жидовской школѣ. Разновидныя представленія не даютъ мыслямъ свободнаго бѣга и разумъ приводятъ въ замѣшательство. Большая бесѣда есть пустое и рабяческое увеселеніе. Важное увеселеніе есть, разумное размышленіе, разумная книга, разумный другъ и прекрасная любовница. Можетъ быть поспорилъ бы кто со мною, естьли бы я похваляя достойную бесѣду позабылъ молвить о любовницѣ. Я не слабости

человѣческой польстить желая о любви напомянулъ; но для того, что любви такъ же какъ и дружбы не можно и не надобно опровергать. Малыя бесѣды скучняе и большихъ еще, ежели въ нихъ все о бездѣліи говорятъ, и скучняе еще, ежели все въ нихъ говорятъ важное. Бездѣліе всегда сухо, но суха такъ же и важность, ежели она остротою разума не умягчается. Бездѣліе можно уподобишь сухому дереву. Важныя разговоры можно уподобить дереву, на которомъ много плодовъ и ни одного листа, и которое представляетъ нашему зрѣнію кучу плодовъ а не дерево увеселяющее очи наши. Сухая важная бесѣда есть школа наполненная учителями и учениками а не бесѣда, и часы оной бесѣды суть часы пруда а не отдохновенія. Человѣкъ всегда въ важныхъ размышленіяхъ и въ важныхъ дѣлахъ упражняющійся разумъ свой отягощаетъ, и щадя времени употребить на отдохновеніе, больше ево теряетъ нежели сохраняетъ. Кто много спитъ тотъ мало дѣлаетъ, а кто мало спитъ, тотъ дѣлаетъ еще менше. Всему, говоритъ Соломонъ, есть время и все свой часъ имѣетъ.

Письмо
О гордости.

Гордость есть мать всѣхъ пороковъ, и естественно, и по откровенію священнаго Писанія. За нее врагъ божій и рода человѣческаго лишенъ вѣки милосердія. Она есть дочь самолюбія, которое всѣмъ и добрымъ и худымъ нашимъ дѣйствіямъ основаніе. Добродѣтель есть источникъ славолюбія, а тщеславіе происходитъ отъ гордости. Оно только единый видъ славолюбія имѣетъ. Всѣ похвальныя дѣла отъ славолюбія рождаются а тщеславіе рождаетъ дѣла поносныя. Отъ перьвыхъ слѣдуетъ польза, отъ другихъ вредъ. Словолюбивый человѣкъ есть другъ ближняго, тщеславный ближнему врагъ. Перьвый не пресѣкаетъ другимъ достойнымъ людямъ путей ко благополучію, другой ненавидитъ достоинство, и пресѣкаетъ, сколько можетъ, пути ево благополучія. Перьвый опирается на свои отечеству заслуги, другой какъ Есоповъ оселъ одѣянный львовою кожею, забывая естественное свое состояніе, пустымъ блистать устремляется. Перьвый самъ служитъ отечеству, и къ тому другихъ поощряетъ, другой напрасно хлѣбъ ѣстъ, и отъ полезныхъ трудовъ другихъ отвращаетъ, чтобъ и они хлѣбъ ѣли даромъ. Разумный человѣкъ, хотя бы онъ на высочайшей степени былъ, гор-

досши имѣпь не можетъ; ибо она благоразумію не свойственна, и перьвая примѣта беззаконія и безумства. Что больше Императора въ подсолнечной? можетъ ли человѣкъ имѣпь меньше гордосши какъ Петръ Великій и Дщерь Ево? а есть люди на самой низкой спепени пребывающія, которыя гордостью, какъ пузыри воздухомъ, надуты. Снисхожденіе въ людяхъ производятъ усердіе и любовь, а спѣсь дѣлаетъ отвращеніе и производитъ ненависпь. Непристойное высокомѣріе, и неумѣренная низость, подобно какъ безбожіе и суевѣріе, хотя и разновидны, однако весьма сходственныя пороки, и оба подлость. И тако гордый человѣкъ не слѣдуетъ подобію своему, по которому онъ созданъ; а слѣдуетъ подобію того, который возмущенъ гордостью восталъ пропиву Вседержителя неограниченное имущаго снисхожденіе, человѣколюбіе, долготерпѣніе, и который отъ Обладателя всея вселенныя, сверженъ во адъ; и въ вѣчныя заключенъ узы.

Письмо

о скорости и медлѣнности.

Скоростъ и медлѣниосіпъ суть два противныя пороки, подобно какъ моповство и скупостъ. Отъ скорости происходятъ вредительныя исполненія, а отъ медлѣнности къ исполненію теряется время. Узаконенія, расположенія, рѣшенія и протчее тому подобное, требуютъ великаго размышленія; и слѣдственно времени. Въ таковыхъ обстоятельствахъ скоростъ и обще и участно вредительны; ибо всякое учрежденіе отповсѣхъ противныхъ ему околичностей долженствуетъ быть охранено, а скоростъ сей безопасности не свойственна. Отъ нея только краткія и безоколичныя дѣла зависятъ. Медлѣнность напротивъ того не служитъ къ разобранію всѣхъ околичностей; но ею затмѣваются еще отъ забвенія въ изысканномъ подробности, не изчисляя потерянія полезныхъ предпріятій и недопущенія къ новымъ вымысламъ. Скоростъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя времени требуютъ, не доходитъ до благорассужденія, не проницаетъ истинны и не полагаетъ основанія къ пользѣ. Медлѣнность удаляется отъ благоразсужденія и погубляетъ драгоценнѣйшее на свѣтѣ, то есть время. Человѣкъ по достойному любочестію старается много совершить похвальнаго а не того чтобы многое только совершить. Онъ измѣряетъ силы разума человѣческаго и потреб-

ребное къ исполненію своему время. Не предпріемлетъ столько дѣлъ единымъ разомъ, сколькихъ онъ благоразсудно окончать не можетъ, вѣдая что многія размышленія приведутъ умъ ево въ замѣшательство, затмятъ ясность воображеній ево, и всѣ ево устремленія перепутаютъ. Силѣ нашего разума положены границы. Пути древностію уставлены, всегдашнимъ благоразумiемъ просвѣщены и проницаніемъ изъисканы.

Письмо

О достоинствѣ.

Многія почитаютъ знатность рода великимъ украшеніемъ истиннаго досгоинства: я не знаю, какими доводами ето утвердить возможно: ибо нѣтъ ни однаго на то доказательства.

Ты честью хвалишся, котора не твоя:
Будь пращуръ мой Катонъ; но то Катонъ не я.

Чинъ такъ же поставляютъ за украшеніе истиннаго достоинства, и сколько же и на то доказательства имѣютъ; разумный, искусный, проворный и храбрый Полководецъ, не тѣмъ великъ, что чинъ Полководца, но что достоинство Полководца имѣетъ.

Бо-

Богатство такъ же поставляютъ украшеніемъ истиннаго достоинства, и столько же и на то доказательства имѣютъ; богатство довольствуетъ насъ, и не украшаетъ нашего достоинства.

Чины называются достоинствами человѣка, а мнѣ кажется, что они имена человѣка.

Чинъ есть одно только имя: кто больше имѣетъ чиновъ, тотъ больше имѣетъ именъ, и когда восхожденіемъ, или паче возведеніемъ, перемѣняются чины, перемѣняются только имена, и умножаются доходы, поклоны и лесть, а достоинство не умножается.

Справедливо ли говорится, вмѣсто человѣкъ имѣющій великой чинъ, и вмѣсто человѣкъ знатнаго рода, честный человѣкъ? изъ сего слѣдуетъ, что всѣ крестьяне безчестныя люди, а ето не правда; земледѣліе, не воровство и не грабительство, но почтенное упражненіе. Пращуръ боярина отданъ на съѣденіе червямъ, и въ прахъ претворился, пращуръ крестьянина такъ же.

Отъ боярина того нѣтъ ужъ больше страха,
И боринь и мужикъ, вы потомки праха.

Оба вы можете быть честны, когда захотите, оба вы сыны отечества, и оба можете ему быть полезны. Пускай лестію питаемая гордость всѣ титла у добродѣтели отнимаетъ, и

ими

ими вмѣсто украшенія обезображиваетсѧ. Честь наша не въ питлахъ состоитъ: тотъ сіятельный, который сердцемъ и разумомъ сіяетъ, тотъ превосходительный, который другихъ людей достоинствомъ превосходитъ, и тотъ болѧринъ, который болѣетъ объ отечествѣ.

Богатство умножаетъ роскошь и высокомѣріе, знатность рода умножаетъ гордость. Чинъ великій пщеславіе умножаетъ, ежели они безъ достоинства; богатство человѣку дѣлаетъ удовольствіе, а не украшеніе, чинъ дѣлаетъ вредъ или пользу обществу, а не украшеніе тому кто ево имѣетъ, а знатность рода не дѣлаетъ, ни украшенія достоинству, ни пользы обществу.

Ни что достоинства украсить не можетъ, ибо всѣ ево украшенія въ немъ самомъ состоятъ: чистота сердца, острота разума, просвѣщеніе мыслей и услуга роду человѣческому.

Письмо

Четыре ответа.

Ты спрашиваешь меня мой другъ, и задаешь четыре мнѣ вопроса: что бы я дѣлалъ: 1) ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ; 2) ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; 3) ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ; 4) ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ. На перьвой вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей, не пропустилъ бы ни одного праздника, что бъ не обѣжать города разнося поздравленіе, ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпочкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ тобакомъ, научился бы въ карты играть во всѣ игры; ибо играя въ карты можно съ первѣымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто, чтобъ говорить, весьма низко нагибаяся: доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, сказать ему прибодрившись, у васъ тринатцать, а у меня четырнатцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ, и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатной господинъ со

мною

мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не доспало истинны, такъ бы я дополнялъ ложью, да и ни что не украшаетъ такъ рѣчи какъ ложь; Стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лутче всево поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сія должность нажиточна, почтенна, и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ: почтенна, что всѣ кланяются: легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подьячій, а они такъ же люди присяжныя и положиться на нихъ безо всякаго сумнѣнія можно. И подьячій отъ того же созданъ Бога, отъ котораго человѣкъ; такъ суемудренно сіе мнѣніе, что подьяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подьячева разноспи мало, и гораздо менше нежели между подьячева и между другой какой твари. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; я бы по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту услуги, ни ково бы ни какою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое, и на заслуги отечеству, а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума, и былъ бы такой человѣкъ, какія не только ни чево не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ; я бы неусыпно старался о благополучіи моево отечества, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о утоленіи поро-

пороковъ и о истребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгоненіи суевѣрія, о уменшеніи не надобнаго обществу великолѣпія, о уменшеніи картежной игры, чтобъ она не отъимала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищей, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, петимеперства и искорененіи тунеядства. А ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ; такъ бы жилъ великолѣпно; ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ; а что бы я дѣлалъ, епова я не скажу.

Письмо
объ остроумномъ слопѣ.

Остротѣ разума человѣческаго свойственно скорое проницаніе, точное воображеніе, и краткое изъясненіе: Отъ сихъ свойствъ рождаются остроумныя слова, которыя разрѣшаютъ самымъ легкимъ образомъ разныя предложенія: а иногда преимуществуютъ они предъ самыми яснѣйшими доказательствами. Извѣстный Александра великаго Парменіону отвѣтъ, когда сей Полководецъ предлагалъ ему, чтобъ онъ съ Даріемъ прими-

рился, сочетаніемъ съ ево дочерью, взявъ половину Азіи въ приданое, кратко и ясно изобразилъ Александрово честолюбіе. Парменіонъ говорилъ: я бы де на семъ договорѣ съ Даріемъ согласился, ежели бы я былъ Александръ: и я бы такъ же, отвѣчалъ Александръ, ежели бы я былъ Парменіонъ. Сіе Александрово слово Лонгинъ до небесъ возвышаетъ, и подлинно, скажу и я съ симъ прехвальнымъ разсмотрителемъ истиннаго краснорѣчія, что сіе остроумное слово, достойно великаго Александра. Сей славолюбивый Государь не школьными отвѣчалъ доказательствами, о разности между себя и между Парменіона, что бы въ мѣсто краткова слова цѣлую книжку здѣлать могло, и менше бы удовольствовало читателей, нежели слышателей удовольствовало сіе остроумное слово; острота разума обширныхъ изъясненій не терпитъ: да и на что обширность, ежели безъ нея изъяснится удобно. Многорѣчіе свойственно человѣческому скудоумію. Всѣ тѣ рѣчи и письма, въ которыхъ больше словъ, нежели мыслей, показываютъ человѣка тупова. Быстрота разума, словъ беретъ по размѣру мыслей, и не имѣетъ въ словахъ ни излишества ни недостатка. Сіе толкованіе, сколько до разговоровъ, столько и до писменныхъ сочиненій касается. Но я обращаюся къ остроумнымъ словамъ, на которыя нынѣ въ свѣтѣ такъ велико употребленіе, какъ мало ихъ число. Остроумное слово единожды только выговорено быть должно; ибо повтореніе ихъ безобразно, а особливо заимствованіемъ чужаго разума. Предъ людьми утопающими въ невѣ-

ѣжеспвѣ, можно услышанными и прочтенными о-
проумными словами показаться, и получить себѣ
тверженіе красоты остроумія, но приводя та-
овыми словами просвѣщенныхъ людей, къ удо-
ьми слабыми и надутыми пустою гордостію,
оторая вмѣсто возвышенія дѣлаетъ намъ пони-
еніе.

Письмо.

О чтеніи Романовъ.

Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго вѣта. Пользы ошъ нихъ мало, а вреда много. Го-
оритъ о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сок-
ащаютъ время то есть: вѣкъ нашъ, который безъ того кратокъ. Чтеніе Романовъ не мо-
етъ назваться препровожденіемъ времени; оно огубленіе времени. Романы писанныя невѣжами чи-
ателей научаютъ притворному и базобразному кладу, и отводятъ отъ естеспвеннаго, кото-
ый единъ только важенъ и приятенъ. Мы не удымъ Романическимъ, но при просвѣщеніи на-
емъ естественнымъ складомъ, скотскія изобра-
енія превосходимъ. Хорошія Романы хотя и со-
ержатъ нѣчто достойное въ себѣ; однако изъ Романовъ въ пудъ вѣсомъ, спирту одного фун-

та не выйдетъ, и чтеніемъ онаго больше употребится времени на безполезное, нежели на полезное. Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойныхъ Романовъ. Телемака причисляли къ Епическимъ Поемамъ, что въ предисловіи ево и напечатано, а многія сію книгу какъ Иліяду и Енеиду, образцемъ Епической Поемы поставляютъ; но что сево смѣшняе? кромѣ расположенія, Телемакъ не Поема; нѣтъ ии Епической поемы, ни оды, въ Прозѣ. А Донкишотъ Сатира на Романы. Ежели кто скажетъ, что Романы служатъ къ утѣшенію не ученымъ людямъ, для того что другія книги имъ не понятны: ето неправда; ибо и самой высочайшей Математики основанія, понятно, написать удобно; хотя что и подлинно, что книгъ таковыхъ мало видно. Однако много еще книгъ и безъ Романовъ осталося, которыя вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того, чемъ и просвѣщаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ жили.

Письмо.

Утѣсненная истинна пришла нѣкогда предъ Юпитера, и жалуяся на приказныхъ служителей просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которыя до взятокъ охотники, ради наживнаго спокойства. Юпитеръ отрекался, и говорилъ ей, сколько вдовъ и сиротъ останется, сколько прольется слезъ, нищихъ умножится ходящихъ по миру и просящихъ милостыни. Нѣтъ отвѣчала она, нищихъ будетъ менше; ибо менше грабительства будетъ; или развѣ тебѣ больше угодно, чтобъ невинныхъ людей, ими ограбленныхъ, жены дѣти и они сами слезы проливали и по миру таскались? Сверьхъ того рѣдко бываетъ, чтобы по мужней смерти жена, или по смерти отцовой сынъ или дочь, послѣ приказнова человѣка по миру ходили; всегда послѣ ихъ имѣнія остается довольно; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабакѣ нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошеніи согласился на конецъ Юпитеръ ударити громомъ; но клялся Стиксомъ, что онъ того въ другой разъ не здѣлаетъ; лутче, говорилъ онъ, исправлять, нежели истреблять; и хотя Истинна и увѣряла ево, что удобняе пятимятера держать отъ нарядовъ, нежели подъячева отозвапокъ; однако Юпитеръ согласился однажды только громомъ ударить и сказалъ: Хотя бы

я и не клялся; я бы въ другой разъ не здѣлалъ сего, убѣгая порекания; беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ и ежели по большенству голосовъ насъ обвинять станутъ; такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ; но Политика тебя еще почтенняе; безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея ни какъ не возможно. Истинна не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ истребленіяхъ, имѣя надежду, что по единственномъ истребленіи приказнаго рода, такова грабительства уже не будетъ, и была обѣщаніемъ ево довольна. Ударилъ Юпитеръ, повалилися подьячія, и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплескание громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истинна; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самыя главныя злодѣи изъ приказныхъ служителей осталися цѣлы. Что ты здѣлалъ о Юпитеръ; главныхъ ты пощадилъ грабителей! воскричала она. И когда она на нихъ указывала: Юпитеръ извинялся невѣденіемъ, и говорилъ ей кто могъ подумать, что ето подъячія! я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ.

Письмо

О нѣкоторой заразительной болѣзни.

Была ли сія заразительная болѣзнь, о которой я писать хочу, извѣстна во времена Иппократовы, о томъ я не могу сказать, а по многому видно, что она въ ево время не весьма сильна была, ибо ей и Греческаго названія нѣтъ. Во время Галеново можетъ быть она была уже, что я заключаю изъ Латинскаго ея названія, а можетъ быть она и послѣ временъ Галеновыхъ проявилася. Сіе Латинское названіе и у насъ нынѣ, когда начали возрастать науки, къ украшенію нашего языка восприято. У дѣдовъ нашихъ было имя сей болѣзни взятки, а мы просвѣтившися ученіемъ даемъ ей имя Латинское Акциденція. Нѣкоторыя называютъ скорбь сію естественною, а нѣкоторыя преестественною, доказывая, что Іюда взялъ уже тогда триццать сребренниковъ, когда въ него вселился діяволъ. А я сіе двоякое мнѣніе въ еднно совокупляю, и вѣроятно утверждаю, что тѣло сею скорбію естественно заражается, и что діяволъ беретъ душу таковаго человѣка по зараженіи естественномъ, и что ежели бы сребролюбивый Іюда не заразился сею язвою, такъ бы въ него діяволъ не вселился. Въ здѣшнихъ областяхъ началася

скорбь сія Подьячими. Когда была Столица въ Новѣградѣ, въ Кіевѣ и во Владимирѣ, скорбь сія уже была, однако была весьма слаба. Усилилася она тогда, какъ на Каменномъ мосту, въ Москвѣ, зачалася винная продажа. Вышелъ нѣкогда чортъ изъ подкаменнова моста, и опознавшися съ Подьячимъ Корчемной канторы прохаживаяся по городу, шелъ мимо Петровскаго кружала, и услышалъ огромную музыку и пѣніе: извѣстно что черти до музыки охотники, а особливо до гудковъ: и зашелъ туда по зову Подьячева, которой ему объявлялъ, что въ томъ домѣ продаютъ разныя напитки, а при томъ на всякой день представляютъ Оперу, въ которой самая лучшая Инструменпальная музыка, Гудки, Волынки, Рылѣ, Балалайки и протчее, и что самыя тутъ лутчія Пѣвцы и Танцовщики, а иногда и баталіи представляются: черти до пляски великія охотники, а до драки еще и больше; зашли на кружало, и забавляяся до полуночи, Оперою нахлюсталися, а сверьхъ того и на дорогу стклянницу водки и чарку взяли, съ совершеннымъ, пошедъ, удовольствіемъ, повторяя тѣ Аріи, которыя они слышали, крича по улицамъ, какъ и нынѣ ходя по улицамъ пьяницы, не страшася Полиціи, распѣваютъ. Шедъ по Пречистенкѣ и позабывъ поворотить налѣво къ мосшу, куда имъ дорога лежала, прошли прямо, и къ самымъ Пречистинскимъ воротамъ, а разсмотрѣвъ что Каменнова моста тутъ нѣтъ, и вспомня что въ лѣвѣ, поворотился отъ воротъ на лѣво, и вмѣсшо Каменнова моста попали на Алексѣевскую башню.

башню. Куда меня занесъ чортъ, говорилъ подьячій: Куда меня завелъ подьячій, говорилъ чортъ. Что они пьяныя вскарабкалися на башню, ето имъ чудно казалось, а какъ оттолѣ сойти, ето имъ было непонятно. Чортъ вѣдаетъ, какъ отселѣ сойти, говорилъ Подьячій, а чортъ говорилъ ему, что онъ етова не вѣдаетъ. Выпьемъ мы другъ мой сердечной съ грусти хотя по чаркѣ водки, говорилъ чорту Подьячій. Чортъ наливъ чарку говорилъ, за здоровье вашей инклинаціи, и выпилъ. Подьячій тоже наливъ себѣ водки молвить хотѣлъ, да не зная по Французски етова не умѣлъ выговорить, и сказалъ только: преждереченному послѣдствую, а позабывшися передъ чаркою перекрестился. Чортъ изчезъ, а Подьячій повисъ на зубцахъ, и закричалъ: караулъ, возми ево и меня! Что подьячій пивъ водку повисъ на зубцахъ Алексѣевской башни, сія Исторія въ Москвѣ, не только старымъ бабамъ, но и малымъ рабятамъ извѣстна. Сняли и взяли чортова наперстника подъ караулъ, отвели на съѣзжую, отослали въ приказъ, и посадили на цѣпь. Проспавшися хватился Подьячій шапки, которую снявъ онъ на башнѣ при чаркѣ водки чорту кланялся, и какъ скоро онъ сорвался съ цѣпи, пошелъ за шапкою. О ежели бы онъ позабылъ тамъ свою подьяческую голову, или бы на зубцахъ повѣшенъ остался! но рокъ того не учинилъ. Пошелъ Подьячій за шапкою, и нашедъ шапку, нашелъ чортовы крючки, которыя онъ провалившися схватить не успѣлъ. Подьячій сей болѣзни, которая нынѣ подъ именемъ Акциденціи распростерлася, имѣлъ

уже нѣкоторыя припадки, а скорбь сія слыла еще тогда шильничествомъ. Шильничество такъ мало передъ Акциденціею какъ мошенничество передъ грабительствомъ. Какъ скоро Подьячій крючекъ етотъ получилъ, тотчасъ шильничество стало жестокою заразительною болѣзнію, которая нынѣ Акциденціею называется, а бредни въ болѣзни сей по происхожденію своему названы крючками. Тѣми крючкамн вытаскиваютъ черти у худыхъ людей души, а сими вытаскиваютъ Подьячія у добрыхъ людей деньги. По произхожденію крючковъ сихъ изъ подкаменнова моста, въ память того, называются вывѣдовальщики винной продажи Крючками. По сей же причинѣ Подьячія литеръ никогда равно не ставятъ; но всегда крючками. Отъ сего литера Р съ большимъ ставится крюкомъ, и въ подьяческихъ названіяхъ такъ употребляется; да и названія ихъ безъ сея литеры не бываютъ; ибо ето ихъ гербъ. Подьячія однимъ пишутъ почеркомъ литеры, связывая для того, что бы и въ томъ больше крючковъ было, и для умноженія оныхъ крючковъ часто литеры въ верьхъ кидаютъ. Точекъ и запятыхъ не ставятъ они для того, чтобы слогъ ихъ темняе былъ, ибо въ мутной водѣ удобняе рыбу ловить. Язва Акциденціи день отъ дня преужасно размножается, и число больныхъ неописанно велико, а ежели не употребятся къ тому способы, чтобъ оную болѣзнь истребить, такъ послѣдуетъ неизлѣчимое разоренье.

О Думномъ Дьякѣ, которой съ меня изялъ пятьдесятъ рублевъ.

Извѣстно, что въ древнія времена Обер-секретарей еще не было, а вмѣсто ихъ были Думные Дьяки: изъ которыхъ нѣкто съ меня счистилъ пятьдесятъ рублевъ, а я въ томъ извиняюся слѣдующими причинами: я былъ двенатцати лѣтъ тогда, и что за взятки приказано вѣшать, я етова еще не зналъ: вторая причина была, мое любопытство, узнать, какимъ образомъ Акциденція берется: третья причина, что ежели бы я не далъ ему денегъ, такъ бы дѣло то не было здѣлано. Вотъ какъ берутся взятки: пріѣхавъ я ко двору его высокородія Думнаго Дьяка зимою въ саняхъ, и подъѣхавъ ко двору радовался, что я скоро буду въ теплѣ, а етова я не зналъ, что челобитчики къ Думнымъ Дьякамъ на дворъ не въѣзжаютъ, и выходятъ у воротъ. Ворота у Дьяковъ всегда запираются замками изъ нутри, понеже де то отъ воровъ имѣетъ быть безопасняе: больше получаса стучался я у воротъ: отперли калитку, выглянулъ приворотникъ, и спрашивалъ, какъ ему назвать мое здоровье: Я не зналъ какъ ему отвѣчать и промолчалъ; ибо такой вопросъ и не рабенку страненъ покажется: онъ спрашивалъ

какъ

какъ назвать вашу милость, ето я зналъ, по тому что оно нѣсколько употребительно, а по нашему: какъ тебя зовутъ: Я ему сказался; а онъ калиткой хлопнулъ и ее заперъ. Слуга мой былъ по искусняе меня, и говорилъ: надобно дать деньги. Я опять постучался, онъ опять выглянулъ, я давалъ деньги, чтобъ онъ отнесъ ихъ къ Думному Дьяку, а меня бы впустилъ, однако онъ ихъ не взялъ извиняяся, что господинъ ево можетъ подумать, будто онъ не всѣ сполна ему отдастъ, а мнѣ чаялося, что вездѣ деньги берутся въ тѣхъ мѣстахъ, куда безденежно не выпускаютъ у дверей; ибо я бывалъ на Комедіяхъ, смотрѣлъ Александра и Людвика, Парижъ и Вѣну и другія Комедіи, на что я и ссылался, а онъ отвѣчалъ, то де враки, а здѣсь дѣла. Очень досадно мнѣ ето стало, что Дьяковъ онъ, писателямъ Драммъ предпочитаетъ, какъ будто сердце слышало, что я по времени буду имѣть нещастіе, быть Драммапическимъ Стихотворцемъ. Однако служителю знатнаго человѣка долженъ я былъ уступить, а мой слуга сунулъ ему въ руку пять копѣекъ, которыя онъ съ меншею учтивостію, нежели Подлѣкарь и Дьячекъ. Дома ли, спрашивалъ я, ево благоутробіе: етова я еще не знаю, отвѣчалъ онъ, я пойду о томъ, дома ли онъ или нѣтъ доложу ево милосердію, и вашей чести донесу. Еще съ полчаса прошло того времени, въ которое мнѣ зябнуть предписано было, возвратился дворникъ и объявилъ, что бояринъ ево дома: не Дьякомъ назвалъ онъ ево, бояриномъ,

а въ етомъ было въ древности различіе. На дворахъ приказныхъ служителей стоятъ на часахъ собаки, и кто изъ нихъ больше чиномъ, у того больше собака и толще лаетъ. Подворотни у Дьяковъ превысокія, и для челобитчиковъ изъ подкалитки не вынимаются, а ворота и не отворяются: калитка была очень узка, и человѣкъ мой пролѣзъ бокомъ на дворъ, а я будучи малъ черезъ подворотню на силу перелѣзъ. Какъ только собака насъ увидѣла, преужасно залаяла. Церберъ не испугалъ Геркулеса въ Адѣ, а меня Дьячій Церберъ гораздо испугалъ, по тому что я рабенокъ былъ, да я жъ и не Геркулесъ хотя и въ Адъ вошелъ. Слуга мнѣ говорилъ, чтобъ я поклонился Церберу. Какъ, спрашивалъ я, что бы я собакѣ поклонился? Хотя ето и собака, однако Дьячья, говорилъ онъ. Но когда я уже дошелъ до такой подлости, чтобы кланяться Дьяку; великое ли ето уже униженіе чтобъ и собакѣ не поклониться: поклонился: да еще и пристойняе было, чтобъ я собакѣ поклонился, нежели ея помѣщику; она денегъ не возметъ у меня, а безсовѣстной ея помѣщикъ съ меня счиститъ. Я рѣдко вспоминаю, что я дворянинъ, а въ то время вспомнилъ я ето, и размышлялъ идучи по двору: Дьякъ богатѣе меня, а я несу ему деньги: Дьякъ хуже меня, а я иду ему кланяться; и ежели бы я Философъ былъ, конечно бы закричалъ: О времена! О нравы! Вшелъ я въ боярскія покои: подошла ко мнѣ боярская боярыня. Не чудно ли ето, что Дьячью служанку, называли боярынею? Сія боярыня была

охвата

охваша въ два, въ подкапкѣ, въ тѣлогрѣи и босикомъ. Бояринъ, говорила она въ мыльнѣ, и ужъ выпарился, скоро изволитъ выйти. Подьяческое племя съ самаго младенчества привыкаетъ, и терпятъ они легко какъ ихъ по спинѣ сѣкутъ, а намѣреніе то, чтобы не тако трудно было тѣлесное наказаніе, ежели по силѣ уложенья и указовъ, нужда того попребуетъ, и заставляютъ Подьячія холопямъ своимъ сѣчь себя въ банѣ, и велятъ себя до тѣхъ сѣчь поръ, покамѣстъ побагровѣетъ спина, какъ они подъ патогами ни кричатъ, однако, когда то окончится, такъ они становятся еще бодряе того неже-ли были, и ради того патоги ихъ обыкновенная забава, и чтобы воскресенье какъ праздничный день проводить имъ повеселяе, такъ они по всякую субопу себя сѣчь приказываютъ, хотя иныя говорятъ, будто они терпятъ ето добровольно за содѣланныя во всю недѣлю плутни, и что передъ праздникомъ полагаютъ на себя сію епитимію, подобіемъ Христіянъ Западной церкви, и что Подьячія не давъ себя ввечеру въ субопу высѣчь не ходятъ къ обѣдни въ воскресенье, а когда и придутъ, такъ стоятъ только въ трапезѣ будучи осквернены. Я бы къ нему въ субопу ввечеру конечно не поѣхалъ, вѣдая, что всѣ приказныя служители сѣкутся въ ето время въ баняхъ папожьями; да что дѣлать? я былъ Кадетъ; въ прочія дни надлежало учиться и быть у себя, а воскресенье для Кадетовъ день отдохновенія, а для Подьячихъ день пьянства, и такъ одинъ только вечеръ субопы мнѣ къ то-

му

му остался. ВышелЪ бояринЪ изЪ застѣнка: я ему подалЪ письмо, а тово, что я съ деньгами пришелЪ, онЪ не вѣдалЪ и принялЪ меня спѣсиво. Я ему подалЪ грамотку, онЪ надѣлЪ очки, грамотку распечаталЪ и почалЪ читать. Суровый ево видЪ перемѣнился, когда онЪ дочелЪ до того мѣста, гдѣ о пятидесяти рубляхЪ помянято было. ПрочетЪ письмо обозрѣлЪ меня очень жадно со мною ли тѣ деньги, и когда я ему сталЪ ихЪ подавать, говорилЪ онЪ: на что ето? ето право напрасно. О приказная душа? на что было такое лицемѣріе? говоришЪ, на что ето и берешЪ: а что ето напрасно, ето подлинно: я ето зналЪ, хотя бы ты и не сказалЪ. ВзялЪ пятьдесятЪ рублевЪ, и поднесЪ мнѣ стаканЪ меду, и какЪ я больше половины стакана выпить не хотѣхЪ, такЪ онЪ меня гораздо подчивалЪ, и увѣрялЪ меня, что ето медЪ ставленой и хмѣлю вЪ немЪ нѣтЪ. Я етому вѣрю, отвѣчалЪ я, да я и безЪ меду иззябЪ. НѣтЪ ничево, выкушай, говорилЪ онЪ, ето пиньe хорошо. А я думалЪ то что вЪ теплѣ быть и брать за ничто чужія деньги ето хорошо, а вЪ холодѣ быть и отдавать за ничто свои деньги, ето не гораздо хорошо. ОтдалЪ ему свои деньги и поѣхалЪ домой, всѣмЪ тѣмЪ которыя нарушая честность и присягу, корыстуются взятками желая висѣльницы.

Сонъ

Сонъ щастливое общество.

357

Заснувъ нѣкогда увидѣлъ я въ успокоеніи моемъ мечтаніе благополучія общества, приведеннаго въ такое состояніе, каковаго несовершенство естества достигнуть можетъ. Былъ я въ мечтательной странѣ, и разсмотрѣлъ подробно мечтательное оныя благосостояніе. Страна сія обладаема великимъ человѣкомъ, котораго неусыпное попеченіе, съ помощію избранныхъ ево помощниковъ подало подвластному ему народу благоденствіе. Желая объявить о порядкѣ ево владѣнія начну я собственною ево особою. Сей Государь во многодѣліи своемъ смѣшенныхъ мыслей и слѣдственно мрачнаго вида не имѣетъ. Онъ имѣетъ обыкновеніе не всегда въ дѣлахъ, но иногда и въ забавахъ упражняться, однако и въ нихъ не погубляетъ онъ драгоцѣннаго времени; обо и они на всенародной основаны пользѣ. Всѣхъ подданныхъ своихъ приемлетъ онъ ласково, и всѣ дѣла выслушиваетъ терпеливо. Достоинство не остается безъ воздаянія, беззаконіе безъ наказанія, а преступленіе безъ исправленія. Симъ имѣетъ онъ народную любовь, страхъ и почтеніе. Получить ево милость нѣтъ иной дороги кромѣ достоинства. Раздражить ево кромѣ беззаконія и нерадѣнія ни чемъ не возможно, Слабости прощаетъ онъ милосердо, беззаконія наказуетъ

казуетъ строго. Начальниками дѣлаетъ онъ людей честныхъ, разумныхъ и во званіи своемъ искусныхъ. Отроки по склонностямъ въ обученіе отдаются, люди совершеннаго возраста по способности распредѣляются, а въ начальники производятся по достоинству, и отъ того имъ, подчиненныя исполняютъ ихъ повелѣнія съ великимъ усердіемъ, а они о ихъ благополучіи стараются. Сей Государь ни чево служащаго пользѣ общества не забываетъ, а о собственной своей пользѣ кромѣ истинной своей славы никогда не думаетъ. Благочестіе не допускающее примѣситься себѣ суевѣрію въ сей странѣ, есть основаніе всего народнаго благополучія. Духовныя содержатся въ великомъ почтеніи, котораго они и достойны. Они во многомъ подобны Стоическимъ Философамъ; ибо страсти самую малую искру области надъ ними имѣютъ, а они равны и во благополучіи и во злополучіи. Къ пищѣ привыкли они необходимой. Кромѣ необходимости, ни въ чемъ, ни чево не требуютъ, и довольствуются содержаніемъ, безъ малѣйшаго излишества, не имѣя при томъ и ни малѣйшаго; вреднаго человѣческому естеству недостатка. Всѣ они люди великаго ученія и безпорочныя жизни. Перьвое служитъ ко наставленію добродѣтели, а второе къ показанію образца проповѣдуемой ими добродѣтельной жизни. Свѣтскія почитаютъ ихъ безмѣрно; но сіе не приключаетъ имъ высокомѣрія, но увеличиваетъ ихъ человѣколюбіе. Во свѣтскія дѣла они ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваются, а науки, благочестія просвѣщеніемъ

почитаютъ. О домостроительствѣ они не пекутся; ибо содержитъ ихъ общество, и получаютъ они опредѣленное, а больше того имъ никто участно дать не дерзаетъ; ибо то наказанію подвержено, да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ; сіе нарушаетъ правила ихъ и опровергаетъ почтеніе, заслуженное ими по справедливости. Они ко Свѣтскимъ, а Свѣтскія къ нимъ имѣютъ любовь, и отъ того между духовными и Свѣтскими согласіе, что на свѣтѣ бываетъ рѣдко. Суевѣрія и лицемѣрія они непріятели, перьвое язвою благочестія почитая; а второе лукавствомъ затмѣвающимъ сіяніе благочестія, подъ ложнымъ видомъ умноженія лучей ево, и маскою злодѣянія; ибо де истинное благочестіе притворства не требуетъ. Главное Свѣтское правленіе называется тамъ, Государственный совѣтъ. Въ нево ни какихъ участныхъ дѣлъ не вносится. Тамъ, разпорядки, исправленія, узаконенія и прочія государственныя основанія, или по повелѣнію Монарха или ко предложенію оному. Узаконенія въ области сей дѣлаются очень рѣдко, а отмѣняются еще рѣже. Книга узаконеній ихъ не больше нашего Календаря, и у всѣхъ выучена наизустъ, а грамотѣ тамо всѣ знаютъ. Сія книга начинается тако: ЧЕВО СЕБѢ НЕ ХОЧЕШЪ, ТОВО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ. А оканчеваетсяː ЗА ДОБРОДѢТЕЛЬ ВОЗДАЯНІЕ А ЗА БЕЗЗАКОНІЕ КАЗНЬ. Права ихъ отъ того въ такую малую вмѣщены книгу, что всѣ они на одномъ естественномъ законѣ основаны. Преступитъ законъ, тамо народъ весьма-

ма опасается; ибо заслуживъ приличное винѣ своей наказаніе, уменшенія онаго имѣть не уповаетъ, а живучи честно ни чево не опасается. Дражайшая безопасность, упованіе на невинность, и неизбѣжное наказаніе, твердо содержатъ людей сего народа въ границахъ честности: въ Государственномъ совѣтѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ больше судей нежели писцовъ, и бумаги исходитъ очень мало. Писцы ихъ пишутъ очень коротко и ясно. Дѣла во всѣхъ приказахъ вершатся не по числу голосовъ, но по книгѣ узаконеній, отъ чего ни споровъ ни неправды не бываетъ. Тѣ, которыя не правильно бьютчеломъ, сверьхъ потерянія тяжбы и убытка, у всѣхъ въ презрѣніе приходятъ, а тѣ, которыя не по книгѣ узаконеній дѣла вершатъ, за неправду лишаются должностей своихъ; и для того узаконенія ясно изображенныя, свято и не нарушимо наблюдаются. Дѣла оканчеваютъ очень скоро, для того что очень мало спорятъ, а еще менше пишутъ, и ни челобитчиковъ, ни отвѣтчиковъ лишняго говорить не допускаютъ; а главная причина скорости ихъ безпристрастіе. За малѣйшія взятки лишается судья и чина своево и всево имѣнія; однако дѣти винныхъ людей ни чево не теряютъ; ибо все имъ возвращается. Дѣти тамо за отеческія прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имѣютъ тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуютъ по чинамъ даннымъ имъ по ихъ достоинствамъ, и столько же права крестьянской имѣетъ сынъ быть великимъ господиномъ; сколько сынъ

перьваго Вельможи. А сіе подаетъ охоту ко снисканію достоинства, ревность ко услугамъ отечеству и отвращеніе отъ тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражненіе, всякое художество, и всякое ремесло, по размѣру своея доброты и по размѣру успѣха труждающагося, тамо въ почтеніи, а тунеядство въ превеличайшемъ презрѣніи, и слово тунеядецъ жестокая тамо брань, которыя гнушаяся, къ работѣ люди съ самаго младенчества привыкаютъ. Пьянство мгла благоразумія и источникъ наглыхъ и вредительныхъ поведеній, такъ же въ великомъ тамо презрѣніи, и благоразумнымъ обыкновеніемъ вкореняется отъ него въ людяхъ отвращеніе при воспитаніи. Денежныя игры, приличныя тунеядцамъ и добывателямъ безполезнаго обществу труда денегъ и погубителямъ времени, могущаго употребленнымъ быть на что нибудь надобное, у нихъ почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно какъ и пьянство, однако часто упражняющіяся въ нихъ люди, презираются. Больше мѣсяца въ судебныхъ тамо мѣстахъ ни какое дѣло не продолжается, а по мѣсяцу времени берутъ только самыя завящивыя дѣла. Что не требуетъ раздумчивости, на то въ самую минуту предложенія дѣлается и рѣшеніе. Всякое челобитье у нихъ законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и отвѣтчики отъ своихъ должностей уволяются, а ежели должность просящихъ суда или оправдающихся по важности уволненія не терпитъ, тогда опредѣленныя на то стряпчія всѣ собравъ доказательства и оправ-

правданія, съ принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о дѣлѣ стараются, подъ смотрѣніемъ начальника стряпчихъ, что у нихъ чинъ великой. Дѣла изъ города въ городъ и изъ приказа въ приказъ не переносятся, а ежели судящія неправедно осудятъ, тогда оное дѣло разсматривается въ государственномъ совѣтѣ, что бываетъ очень рѣдко, а по сему разсмотрѣнію слѣдуетъ судьямъ наказаніе; а когда проситель судей обнесетъ неправильно; онъ еще большему наказанію подвергается, что еще рѣже бываетъ. Судьи для подозрѣнія отъ дѣлъ не отрѣшаются; ибо ни кто противъ узаконеній голоса подать не дерзаетъ, подобно какъ законодавцы не должны дерзать дѣлать узаконеній противъ истинны; и тако не судьи тамо страшны, но судъ, который основанъ на узаконеніяхъ, а узаконенія на истиннѣ. Войски ихъ состоятъ подъ воинственнымъ совѣтомъ, а сей совѣтъ подъ Государственнымъ. Главныя люди въ воинской службѣ называются Военачальниками, а подъ ними Полководцы, и такъ ниже. Всякой Военачальникъ и всѣ воинскія начальники прежде быть рядовыми, всѣ нижнія степени пройти, и всѣ ихъ исполненія познать и въ нихъ совершенно углубиться одолженны. Но не только едина привычка, ниже при томъ и мужество еще не довольны тамо для Военачальника. Остроумie и великое знаніе сверьхъ того ему необходимы: перьвое для скораго проницанія, а второе для благоразумнаго расположенія ево предпріятій. Воины по степенямъ исполняютъ повелѣнія своихъ на-

начальниковъ съ превеликимъ наблюденіемъ, и дѣлаютъ имъ великое почтеніе, а начальники ни малѣйшаго къ подчиненнымъ не имѣютъ уничтоженія. Въ мирное время войски ихъ непрестанно воинскимъ обрядамъ обучаются, и снабдѣнны всѣмъ во всякое время ко бранному походу готовы. Къ суровой жизни военныя люди всѣми мѣрами стараются привыкнуть, и какъ защитники отечества народомъ почитаемы и любимы. Они имѣютъ похвалу; что коль велико во время сраженія ихъ мужество, толики послѣ побѣды ихъ человѣколюбіе и великодушіе. Симъ приносятъ они сугубую славу своему отечеству, и сугубое почтеніе отъ самихъ непріятелей. Подчиненныя такъ обыкли повиноваться своимъ начальникамъ, что во время жесточайшаго распаленія единымъ словомъ обуздоваются. Добычь воинская имъ не извѣстна; то у нихъ заказано, а что получится, то послѣ порядочно и разсмотрительно раздѣляется, отъ чево воины думаютъ о побѣдѣ а не о добычѣ. Побѣжденныхъ и непротивящихся убивать запрещено, подъ лишеніемъ жизни. Больше бы мнѣ еще грезилося; но я живу подъ самою колокольнею: спали звонить и меня разбудили, и лишили меня сего пріятнѣйшаго привидѣнія. Дай боже, что бы сны подобныя сну сему многимъ видилися, а особливо наперстникамъ Фортуны.

О КОПИСТАХЪ.

Я ни какова не имѣю недвижимаго имѣнія, и слѣдственно не должно бы мнѣ имѣти было ни какова съ Подьячими дѣла, и подлинно то, что я уже безовсякаго сообщенія съ симъ родомъ животныхъ, большую половину моево вѣка прожилъ, радуяся тому, что хотя я деревень и не имѣю, да и не имѣю и дѣла съ Подьячими; но судьбина моя не допустила меня дожить оставшія мои дни во спокойствѣ, и быть избавлену отъ сообщенія сихъ людей, которыхъ едино имя возмущаетъ весь мой духъ. Думалъ ли я когда, возшедъ на Геликонъ и услаждаяся потоками Иппокрены, что я еще увижу сіи твари, которыя мнѣ толикое подаютъ омерзѣніе, и что они востревожатъ мое спокойство, и отъ тебя, возлюбленная Мельпомена! на вѣки меня отторгнутъ, и въ самое то еще время, въ которое Стихотворства жаръ паче прежняго серце мое наполняетъ и мое искуство на самый верьхъ силы моея восходитъ. Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, Театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. На конецъ видите вы любезныя мои сограждане,

что ни сочиненія мои ни Актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими Стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ Науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ вы тому свидѣтели, сколько единой моей Трагедіи скорый переводъ чести мнѣ здѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ Членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ Чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще Драмматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами Апостола Павла: Дадеся мнѣ пакостникъ Ангелъ Сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ; да не превозношуся. Озлобленный мною родъ Подьяческій, которымъ вся Россія озлобленна, извергъ на меня самаго безграмашнаго изъ себя Подьячева и самаго скареднаго крючкотворца. Претворился скаредъ сей въ клопа, и всползъ на Геликонъ, ввернулся подъ одежду Мельпомены и грызетъ прекрасное тѣло ея; и хотя грызеніе такой малой твари ей и сносно, но духъ, который сіе животное испускаетъ не сносенъ ей. Спрадаетъ Богиня, а клопъ забавляется и говоритъ: Высокопревосходительная, Высокоблагородная и Высокопочтенная Госпожа, Госпожа Богиня! не имѣлося у меня съ Вашимъ Благородіемъ ни какой карищпанденціи до 1759 года, Генваря до 6 дня, а отъ того числа, отправляю я при Россійскомъ Театрѣ Прокурорскую должность, и ежели что при ономъ вышереченномъ

Теа-

еятрѣ не въ силу Указовъ и Уложенья дѣй-
пвуется, долженъ я о томъ по присяжной моей
олжности протестовать и записывати то въ Про-
околъ и Реестръ, что бы вирши были по силѣ
равъ и не могло бы послѣдовать отъ какой ни-
удь буквы, какова ущерба казенному, интере-
у; а нынѣ мною усмотрено, что обрѣтающіяся
ри вышеобъявленномъ Театрѣ Копеисты шпаги
осятъ, отъ чево протчимъ Приказнымъ слу-
ителямъ не безъ обиды; понеже не точію
опеисты но ниже Канцеляристы и судеб-
ыхъ мѣстъ, ни гдѣ шпагъ не носятъ; и
абы отъ Вашего Высокопревосходительства вос-
ослѣдовала резелюція, чтобъ у вышепомяну-
ыхъ Копеистовъ шпаги отобрать, не взирая
а то что оное главному рода нашего неприяте-
ю С * * * * смертно досадно будетъ; по-
неже мнѣ того то и хочется; а ежели отъ
Вашего Высокосіятельства, милостивой резелюціи
не воспослѣдуетъ; такъ я изъ подъ тѣлогрѣи
Вашего Высокопревосходительства не выползу, и
скареднымъ духомъ заражу весь Парнассъ, и не
олько тебя одну, но всѣхъ Музъ и Аполлона
съ Парнасса згоню, и осѣдлавъ Пегаса какъ хо-
ду, самъ разъѣзжати на немъ буду, и стану
дѣлать вирши, Приказнымъ порядкомъ и Канце-
лярскимъ шпилемъ, на зло тебѣ, другимъ
Музамъ и Аполлону. Мельпомена, избавляя
себя и Парнассъ, исполнила ево прошеніе. Вся
во мнѣ загорѣлася кровь тогда: прибѣжалъ я
къ Богинѣ, и говорилъ ей: то ли я заслужилъ о
Богиня, чтобы ты въ угожденіе клопу, не па-

мя-

мятуя того, что я во весь вѣкъ мой приносилъ тебѣ жертвы, отняла у меня охоту, прославляти имя твое, увеселяя нашу МОНАРХИНЮ и любезное мое отечество? Ни кто больше не пойдетъ по стопамъ моимъ, когда мнѣ отъ тебя такое воздаяніе. Хотя бы я и не бросилъ пера изъ руки моей; но кто списывать будетъ сочиненія мои? Или ты хочешъ того, что бы я и Спихотворецъ былъ и Копистъ? а въ Россіи мало еще людей, которыя по правописанію копировать могутъ, и ежели и сіе ободреніе отнять у обучаемыхъ отъ меня людей; такъ ни когда путнова Писца я не увижу; ибо всякой писецъ лутче захочетъ быти безграмотнымъ Регистраторомъ и грабить, нежели обучаться правописанію и таскаться безъ шпаги; или Домашнія учители, Домашнія Секретари, Каммердинеры и Повара достойняе тѣхъ Копистовъ, которыя мною обучаются? По чему они Подьячія, нижайшія степени, какъ ихъ благовонный клопъ называетъ? Они, ни справокъ, ни выписокъ, не пишутъ. А ежели они Подьячія, по тому только что они пишутъ; такъ и я Подьячій; ибо и я пишу: Подьячій то, кто писати правильно не умѣетъ и беретъ за плутни Акциденцію, а они писать умѣютъ и Акциденціи не берутъ, и пишутъ они не Подьяческія, но Драммашическія сочиненія. И можетъ ли то статься что бы у жесточайшаго непріятеля Подьяческаго рода, Кописты ево сочиненій, были Подьячія? Мельпомена устремившися отъ пакостнаго освободиться запаха не отмѣнила своево опредѣленія, а я;

Апол-

Аполлономъ и всѣмъ Парнассомъ, клялся ей, что доколѣ ея опредѣленіе не опмѣнится, я больше ни чево Драммапическаго писапь не стану, и слова своево я не опмѣню.

Конецъ VI. Части.

22711

Pomocy to
Mamerebuscha
Bzobyzyzyz
Cmyzmzmzyz 352
Pzzwbyz W. 352

